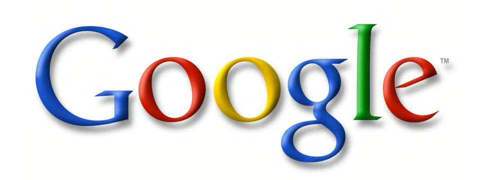

Google

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ОБЩЕСТВОМЪ ПРИ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Назданы на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу. Ефес. 2, 20.

ЧАСТЬ XXIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.
1826 ГОДА.

Съ дозволенія

Цензурнаго Комитета, учрежденнаго при Санктпетербургской Духовной Академіи.

I.

КРАТКОЕ СВѢДѢНІЕ

О СВ. ГРИГОРІИ ЕПИСКОПѢ НИССКОМЪ.

Святый Григорій, бывшій въ послѣдствіи времени Епископомъ въ Каппадокійскомъ городѣ Ниссѣ, и потому *Нисскимъ* именуемый, жилъ въ четвертомъ вѣкѣ по Р. Хр. Онъ былъ младшій братъ Василія Великаго, и, подобно ему, съ юныхъ лѣтъ подавалъ благочестивымъ своимъ родителямъ добрую о себѣ надежду счастливыми дарованіями и ревностною охотою къ ученію. Пришедши въ совершенный возрастъ, онъ вступилъ въ супружество съ Ѳеозвою которой добродѣтели достойно прославлены Св. Григоріемъ Богословомъ. По нѣкоторомъ времени онъ, оставивъ міръ, посвятилъ себя на служеніе Церкви и поставленъ на степень Чтеца. Но склонность, какую имѣлъ онъ къ Красноpѣ-

чію, заставила его скоро уклониться отъ занятій своего званія, чтобы преподавать наставленія въ Словесности. Таковой его поступокъ возбудилъ въ Церкви негодованіе; почему Св. Григорій Богословъ писалъ къ нему, представляя ему непріятныя послѣдствія учиненнаго имъ проступка, и тѣмъ возвратилъ его къ первому званію.

Св. Василій Великій, бывъ возведенъ въ 370 году на Іераршескій престолъ Кесаріи Каппадокійской, призвалъ своего брата къ себѣ, чтобы имѣть въ немъ помощника въ пастырскомъ своемъ служеніи. Св. Григорій былъ признанъ достойнымъ Епископства, и ему поручили въ 372 году управленіе Церковію Нисскою въ Каппадокіи, хотя много надлежало употребить труда, чтобы убѣдить его принять посвященіе. Его твердость въ Вѣрѣ Никейской воздвигла противъ него жестокія гоненія со стороны Аріанъ, которые, отнявши у него престолъ Нисскій, возвели на оный своего единомысленника. Впрочемъ собственное его несчастіе, которое онъ терпѣлъ отъ Аріанъ, причиняло ему гораздо менѣе печали, нежели быстрые успѣхи ихъ ереси, съ

каждымъ днемъ распространявшіеся. Онъ писалъ о семъ къ Григорію Богослову, и получилъ отъ него совѣтъ—возложить упованіе на Бога и надѣяться, что заблужденіе не восторжествуетъ надъ истиною. Это было предсказаніе, которое вскорѣ исполнилось. Въ 378 году, когда Императоръ Валентъ, сильный покровитель Аріанства, умеръ; то дѣла Церкви перемѣнили видъ свой. Граціанъ, сдѣлавшись одинъ обладателемъ Имперіи, возвратилъ Григорію его престолъ. Но радость, которую имѣлъ Святый о своемъ возвращеніи въ Ниссу возмущена въ началѣ слѣдующаго года смертію Св. Василія, его брата, къ которому онъ имѣлъ столько почтенія и любви. Онъ отправился въ Кесарію, чтобы присутствовать при его погребеніи и отдать ему долгъ, предписываемый природою и Религіею. Послѣ сего ему поручено было отъ православныхъ Епископовъ Востока исправленіе нѣкоторыхъ злоупотребленій, вошедшихъ въ Церкви Аравійскія и Палестинскія. Но сіе порученіе исполнилъ онъ въ слѣдующій годъ.

Между тѣмъ онъ посѣтилъ Св. Макрину,

свою сестру, которая управляла одною обителію Дѣвъ въ Понтѣ. Григорій нашелъ ее въ болѣзненномъ состояніи, которое предъизвѣщало его о скоромъ ея изшествіи изъ сего міра. Дѣйствительно она умерла въ его присутствіи, и онъ самъ съ другимъ Епископомъ совершилъ надъ нею обрядъ погребенія.

Съ наступленіемъ весны 380 года Св. Григорій Нисскій, по препорученію, на него возложенному, отправился въ Аравію и Палестину, будучи споспѣшествуемъ пособіями Императора Θеодосія въ своемъ путешествіи. Точно неизвѣстно, какія злоупотребленія Св. Григорій исправилъ въ Аравіи. Что касается до Палестины, то онъ путешествовалъ туда столько же по благочестію, сколько и по надобности. Онъ посѣтилъ всѣ мѣста, освященныя присутствіемъ Искупителя. Безпорядки, которые онъ тамъ видѣлъ, весьма его огорчали; и печаль его была тѣмъ живѣе, что онъ не могъ исправить ихъ совершенно въ продолженіе своего пребыванія въ Палестинѣ.

Св. Григорій присутствовалъ на трехъ

Соборахъ, бывшихъ въ Константинополѣ въ 381, 382 и 394 год. Онъ былъ изъ числа такихъ мужей, на которыхъ смотрѣли на Востокѣ, какъ на столпы православія. Ему приписываютъ дополненіе Никейскаго символа касательно ученія о Святомъ Духѣ *). Историки полагаютъ, что онъ умеръ около 400 года по Р. Хр. въ глубокой старости. Греко-Россійская Церковь празднуетъ память его, а вмѣстѣ и память его супруги, Діакониссы Θеозвы, въ 10 день Генваря мѣсяца.

Писанія древнихъ преисполнены похвалами Св. Григорію Нисскому. По выраженію пѣснописцевъ церковныхъ, онъ есть *трость, исполненная Утѣшителя дыханія, языкъ яснѣйшій благочестія, свѣтильникъ многосвѣтлый божественныя зари, проповѣдникъ истины, основаніе богословія, источникъ догматовъ высокихъ, потокъ наказаній медоточныхъ, цѣвница боговѣщанная* и проч**). Вообще они превозносятъ его мудрость, вѣру, чистоту его нравовъ, кротость и твердость въ несчастіи. Седьмый Вселенскій Со-

*) См. Никиф. Церк. Ист. кн. 12. гл. 13.
**) См. Службу Св. Григор. Нисскому.

боръ имѣлъ къ нему великое уваженіе: онъ далъ ему названіе—*Отца отцевъ*, и употребляль его писанія для утвержденія древняго ученія Церкви, и для обличенія заблужденій Несторія.

Св. Григорій Нисскій занимаетъ отличное мѣсто между знаменитѣйшими Витіями древности по чистотѣ, легкости, пріятности, силѣ, обилію и великолѣпію своего слога. Но онъ ни съ кѣмъ несравнимъ по своимъ полемическимъ сочиненіямъ. Въ нихъ видна особенная проницательность ума и удивительная способность открывать и испровергать мудрованія лжи: чему служатъ наилучшимъ доказательствомъ его *книги противъ Евномія.* Писанія его суть различнаго рода. Прилагаемое при семъ письмо его *къ Монаху Олимпію о совершенствѣ Христіанина* особенное занимаетъ мѣсто въ его сочиненіяхъ нравоучительныхъ.

II.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ГРИГОРІЯ ЕПИСКОПА НИССКАГО

О СОВЕРШЕНСТВѢ ХРИСТІАНИНА,

къ Монаху Олимпію.

Ты желаешь знать, какъ посредствомъ добродѣтельной жизни можно достигнуть совершенства, дабы тебѣ въ поведеніи своемъ быть совершенно неукоризненнымъ: желаніе достойное предположенной тобою цѣли. Мнѣ всего было бы пріятнѣе, ежели бы въ моей жизни можно было найти примѣры того, о чемъ ты спрашиваешь, дабы прежде словъ на самомъ дѣлѣ преподать тебѣ требуемое тобою ученіе. Ибо наставленіе въ добродѣтели тогда бываетъ убѣдительно, когда жизнь согласуется съ словами. Конечно я и желаю, чтобы сіе когда нибудь исполнилось; но поелику теперь еще не чувствую себя достигшимъ такого совершенства, чтобы вмѣсто ученія могъ я представить тебѣ мою жизнь; то, дабы не показаться совер-

шенно не споспѣшествующимъ тебѣ къ достиженію твоей цѣли и безполезнымъ, я рѣшился предложить тебѣ ученіе о томъ, въ чемъ состоитъ сущность непорочной жизни. И такъ отселѣ начну Слово мое.

Послѣ того, какъ благій Владыка нашъ Іисусъ Христосъ содѣлалъ насъ причастниками достопоклоняемаго имени своего, такъ что мы не должны уже заимствовать наименованія отъ чего либо другаго, намъ принадлежащаго, хотя бы кто былъ богатъ или знатенъ, незнатенъ или бѣденъ, познаніями или достоинствами какими либо славенъ,—всѣ таковыя наименованія сдѣлались ничтожными, и вѣрующимъ въ Него даровано едино господствующее наименованіе,—наименованіе Христіанъ. И такъ когда намъ свыше дарована сія благодать, то нужно во первыхъ разсмотрѣть величіе сего дара, дабы достойное воздать благодареніе даровавшему намъ толикую благодать Богу; потомъ такъ себя вести въ жизни, какъ требуетъ значеніе сего великаго имени. Величіе дара, котораго мы удостоились, сподобившись носить имя Владыки жизни нашея, сдѣлается для

насъ очевиднымъ, когда вникнемъ въ самое значеніе имени Христова, дабы уразумѣть, какую мысль мы должны имѣть въ душахъ нашихъ, симъ именемъ нарицая въ молитвахъ Господа всяческихъ, или какую мысль мы должны соединять съ симъ именемъ, естьли хотимъ быть увѣрены, что мы произносимъ оное съ надлежащимъ благоговѣніемъ. Разсмотрѣвъ сіе, по естественному порядку, имя пріемля за учителя и руководителя къ жизни, ясно узнаемъ и то, какъ мы должны вести себя, тщательно стараясь о добродѣтельномъ житіи. Въ сихъ двухъ предметахъ, пользуясь указаніемъ святаго Павла, мы найдемъ надежнѣйшее руководство къ объясненію того, что знать желаемъ. Ибо онъ и точнѣе всѣхъ уразумѣлъ, что есть Христосъ, и своими дѣлами показалъ, каковъ долженъ быть носящій на себѣ имя Его. Поелику онъ столь вѣрно подражалъ Христу, что въ себѣ самомъ явилъ Господа своего вообразившагося, когда посредствомъ строжайшаго подражанія образъ души его перемѣнился въ первообразъ, такъ что, казалось, въ Павлѣ жилъ и говорилъ уже не Павелъ, но Самъ Христосъ жилъ въ немъ, какъ го-

воришъ сей знаменитый мужъ, чувствовавшій свои доблести: *Вы ищете доказательства на то, Христосъ ли мною говоритъ.* (2 Кор. 13, 3.) И: *Уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ.* (Гал. 2, 20.) Онъ-то открылъ намъ значеніе имени Христова, когда сказалъ, что Христосъ есть Божія сила и Божія премудрость, (1 Кор. 1, 24.) и когда назвалъ Его миромъ, (Еф. 2, 14.) свѣтомъ неприступнымъ, въ которомъ обитаетъ Богъ, (1 Тим. 6, 16.) освященіемъ и искупленіемъ, (1 Кор. 1, 30.) Архіереемъ Великимъ, (Евр. 4, 14.) Пасхою, (1 Кор. 5, 7.) умилостивительною жертвою за души, (Евр. 9, 12.) сіяніемъ славы, образомъ существа, (Евр. 1, 3.) Творцемъ вѣковъ, (ст. 2.) брашномъ и питіемъ духовнымъ, каменемъ, водою, (1 Кор. 10, 3, 4.) основаніемъ вѣры, главою угла, (1 Кор. 3, 2.) образомъ Бога невидимаго, (Ефес. 2, 20. Кол. 1, 15.) Богомъ великимъ, (Тит. 2, 13.) Главою тѣла Церкви, (Кол. 1, 18.) перворожденнымъ новой твари, (1, 15.) начаткомъ умершихъ, (1 Кор. 15, 20.) перворожденнымъ изъ мертвыхъ, (Кол. 1, 18.) перворожденнымъ во многихъ братіяхъ, (Рим. 8, 29.) ходатаемъ

Бога и человѣковъ, (1 Тим. 2, 5.) Сыномъ Единороднымъ, вѣнчаннымъ славою и честію, (Евр. 2, 9.) Господомъ славы, (1 Кор. 2, 8.) началомъ существъ (такъ говоря о Немъ: *Онъ есть начало*, Кол. 1, 18.), также царемъ правды, царемъ мира, (Евр. 7.) царемъ всего, имѣющимъ безпредѣльную державу царства. Есть еще и другія наименованія, которыхъ множество неизчислимо. Все сіе, въ совокупности, поелику мысль, сообщаемая каждымъ изъ наименованій, способствуетъ къ раскрытію его значенія, нѣкоторымъ образомъ объясняетъ намъ значеніе имени Христова, въ такой мѣрѣ являя намъ неизреченное величіе онаго, сколько душѣ нашей возможно постигнуть. Поелику же достоинство царское превышаетъ всякое достоинство, могущество и власть, а именемъ Христовымъ собственно и преимущественно означается держава царская (ибо, какъ извѣстно изъ Исторіи, возведенію на престолъ предшествовало помазаніе); а въ достоинствѣ царскомъ заключается сила всѣхъ прочихъ достоинствъ; посему кто представляетъ себѣ содержимое, тотъ представляетъ и содержащую оное силу. А сія-то

сила и есть царское достоинство, которое означается именемъ Христовымъ.

И такъ когда мы, по благости Владыки, сдѣлались причастниками важнѣйшаго, Божественнѣйшаго и перваго имени, то есть, когда, сподобившись носить имя Христово, удостоились называться Христіанами: то необходимо всѣ имена, объясняющія сіе слово, должны выражаться и въ насъ, чтобы наименованіе наше не было ложно, но чтобы свидѣтельствовалось жизнію. Ибо вещь получаетъ бытіе не отъ наименованія; но подлежащая природа, какая бы то ни была, обнаруживается чрезъ соотвѣтствующее ей значеніе имени. На прим. естьли бы кто дерево или камень назвалъ человѣкомъ, то ужели по имени дерево, или камень сдѣлается человѣкомъ? Нѣтъ; но нужно прежде быть человѣкомъ, а потомъ уже и именоваться сообразнымъ съ природою именемъ. Даже и изображеніямъ вещей имена самыхъ вещей не могутъ быть приписываемы въ собственномъ смыслѣ; на примѣръ, не называютъ человѣкомъ истуканъ, и лошадью ея изображеніе; но, чтобы вещи принадлежало имя въ соб-

ственномъ и неложномъ смыслѣ, наименованіе должно оправдываться природою. Самое же вещество, что нибудь изображающее, называется тѣмъ, что оно есть, какъ то мѣдью, камнемъ или чѣмъ либо другимъ, чему искусство дало видъ, образовавъ оное по произволу. Посему заимствующимъ наименованіе отъ Христа, сперва должно быть тѣмъ, чего требуетъ самое имя, а потомъ прилагать къ себѣ наименованіе. Также, естьли бы кто захотѣлъ отличить дѣйствительнаго человѣка отъ лица, изображеннаго на картинѣ и называющагося тѣмъ именемъ, сталъ бы искать различія въ ихъ свойствахъ, перваго называя животнымъ разумнымъ, мыслящимъ, а послѣднее неодушевленною вещію, получившею таковой видъ чрезъ подражаніе: такъ и Христіанина истиннаго отъ мнимаго различаемъ по свойствамъ, открывающимся въ извѣстныхъ чертахъ. А черты истиннаго Христіанина составляетъ все то, что мы сказали о Христѣ; и тому, что совмѣстно съ нашею природою, мы подражаемъ; а предъ тѣмъ, чему не можетъ подражать наша природа, благоговѣемъ и покланяемся. И такъ всѣ имена, изъясняющія значеніе

имени Христова, должны сіять въ жизни Христіанина частію посредствомъ подражанія, частію посредствомъ поклоненія, дабы, какъ говоритъ Апостолъ, *совершенъ былъ человѣкъ Божій*, (2 Тим. 3, 17.) не умаляя своего совершенства чрезъ зло. Ибо какъ тѣ, которые въ сочиненіяхъ, *или* на картинѣ изображаютъ баснословныя чудовища, какъ то: буцефаловъ, или иппоцентавровъ, или чудовища съ змѣеобразными ногами, или что нибудь подобное слагая изъ разнородныхъ частей, подражаніе не приближаютъ къ образцу природы; но, представляя природу въ странныхъ сихъ вымыслахъ, изображаютъ нѣчто другое, а не человѣка, образуя существа невозможныя; и какъ таковое произведеніе, произшедшее изъ чудовищнаго сочетанія никто не назоветъ человѣкомъ, хотя бы часть состава и имѣла сходство съ какою нибудь частію человѣческаго тѣла: такъ невозможно назвать Христіаниномъ въ строгомъ смыслѣ того, кто или имѣетъ голову безсловесную, то есть, главу всего, которая есть разумъ, не содержитъ въ повиновеніи вѣрѣ, хотя бы по прочимъ частямъ былъ совершенъ; или кто имѣетъ

несоотвѣтственное главѣ вѣры тѣло жизни, или предаваясь ярости зміиной и уподобляясь симъ пресмыкающимся, превращается въ безсловеснаго, или женонеистовство конское примѣшивая къ свойствамъ человѣческимъ, дѣлается какимъ-то двуестественнымъ иппоцентавромъ. Много есть и такихъ людей, которые, имѣя голову тельчую, то есть, подъ руководствомъ ученія языческаго, ведутъ жизнь по наружности честную, каковымъ изображаютъ минотавра. Другіе своею жизнію къ Христіанской головѣ приставляютъ тѣло звѣриное, каковыми изображаютъ центавровъ и чудовища съ змѣеобразными ногами.

И такъ дабы Христіанина можно было узнать, какъ человѣкъ познается по тѣлу, въ жизни его должны напечатлѣваться черты всѣхъ совершенствъ, заключающихся въ понятіи о Христѣ. Ибо по одной части быть тѣмъ, чего требуетъ имя, а въ другихъ уклоняться въ противоположную сторону—это значитъ не иное что, какъ воставать на себя самаго, внутрь себя питая вражду между добродѣтелію и порокомъ, жизнію не

согласуясь и не храня единства съ собою самимъ. Ибо, *кое общеніе свѣту ко тмѣ?* говоритъ Апостолъ. (2 Кор. 6, 14.) Ежели со свѣтомъ не можетъ быть въ союзѣ и мирѣ противное ему: то и тотъ, который прилѣпленъ къ обоимъ, и не оставляетъ ни того ни другаго, по причинѣ противоположности сихъ враждующихъ между собою сторонъ и самъ по необходимости раздѣляется на двѣ противныя части, въ одно и тоже время дѣлаясь свѣтомъ и тьмою, по жизни, состоящей изъ смѣшенія добра и зла, когда вѣра проливаетъ свѣтъ, а грѣховная жизнь помрачаетъ сіяніе ума. И такъ ежели невозможно быть союзу и общенію между свѣтомъ и тьмою: то человѣкъ, обладаемый и тою и другою изъ сихъ противоположныхъ силъ, дѣлается себѣ самому врагомъ, раздѣляясь между добродѣтелію и порокомъ, и вооружаясь противъ себя. Но какъ изъ двухъ непріятелей нельзя быть обоимъ побѣдителями другъ друга; ибо непремѣнно побѣда одного причиняетъ смерть другому: такъ и въ сей внутренней брани, возгарающейся отъ смѣшенія тьмы и свѣта въ жизни, сильнѣйшая сторона не можетъ быть побѣдитель-

ницею безъ совершенной погибели другой. Ибо какъ воинство благочестія можетъ восторжествовать надъ порокомъ, доколѣ злое полчище противной стороны имѣетъ силу сопротивляться? Но дабы одержала побѣду сильнѣйшая сторона, противникъ долженъ быть умерщвленъ. Тогда добродѣтель побѣдитъ зло, когда все, враждующее противу ея, при помощи здраваго разсужденія, обратится въ ничто; и тогда исполнится отъ лица Бога сказанное пророчествомъ: *Азъ убію и живити сотворю.* (Втор. 32, 39.) Ибо доброе не можетъ жить во мнѣ прежде, какъ когда смертію врага сообщится ему жизнь. Но доколѣ мы придерживаемся и того и другаго, и тою и другою рукою касаясь противоположныхъ предметовъ, въ одно и тоже время мы не можемъ обладать и тѣмъ и другимъ. Когда хватаемся за зло, то добродѣтель ускользаетъ. Но возвратимся къ началу нашего слова, то есть, что для любителей добродѣтели единственный путь къ чистой и Богоугодной жизни есть познаніе того, что значитъ имя Христово, съ которымъ должна быть сообразна жизнь наша, по значенію прочихъ именъ долженствующая рас-

полагаться сообразно правиламъ добродѣтели. И такъ естьли всѣ реченія и имена, изображающія значеніе имени Христова, которыя мы собрали въ началѣ слова, почерпнувъ изъ святыхъ глаголовъ Павловыхъ, возмемъ въ руководство въ предлежащемъ намъ подвигѣ: то откроемъ надежнѣйшій путь къ добродѣтельной жизни, однимъ изъ нихъ подражая, какъ мы выше сказали, а предъ другими покланяясь и благоговѣя. Порядку, въ которомъ изчислены оныя наименованія, будетъ соотвѣтствовать порядокъ нашего слова. И такъ начнемъ съ первыхъ.

Христосъ, говоритъ Апостолъ, есть *Божія сила и Божія премудрость.* Здѣсь во первыхъ мы научаемся изъ сего наименованія Христова извлекать достойныя Божества мысли, по коимъ сіе имя содѣлывается для насъ досточтимымъ. Какъ всякая тварь, познаваемая чрезъ чувства и превосходящая чувственное познаніе, чрезъ Него получила бытіе и Имъ продолжаетъ оное: то при опредѣленіи значенія имени Христа, который сотворилъ все, премудрость необходимо соединяется съ силою. Соединяя сіи

два понятія, то есть, силу и премудрость, мы представляемъ себѣ, что великія и неизреченныя чудеса творенія не существовали бы, естьли бы премудрость не измыслила бытія ихъ, а сила, которою мысли обращаются въ дѣйствіе, не привела въ исполненіе того, что измыслила премудрость. И такъ значеніе имени: Христосъ—раздѣляется на два объясняющія оное понятія,—на премудрость и силу, дабы, при воззрѣніи на пространную совокупность существъ, мы отъ постигаемаго нами заключали о неизреченной силѣ Его; а при мысли, что не сущее пришло въ бытіе, когда мановеніемъ Божіимъ осуществилась многообразная природа существъ, мы увѣрялись о непостижимой премудрости Христа. И таковая вѣра, по которой мы исповѣдуемъ, что Христосъ есть Божія сила и Божія премудрость, не останется бездѣйственною, но будетъ насъ руководствовать къ совершенству. Ибо кто чего проситъ въ молитвахъ, и на что взираетъ окомъ души, то молитвою привлекаетъ къ себѣ;—и такимъ образомъ взирающій на силу, по слову Апостола, силою укрѣпляется по внутреннему человѣку, а сила

есть Христосъ; и премудрымъ дѣлается, какъ говоритъ Притча, призывающій премудрость, (Притч. 2, 3.) подъ которою также разумѣется Господь. И такъ носящій имя Христа, который есть сила и премудрость, носитъ на себѣ и имя силы, когда бываетъ крѣпокъ въ сопротивленіи грѣху и показываетъ въ себѣ премудрость, чрезъ избраніе лучшаго. А ежели премудрость и сила открываются въ насъ, чрезъ то, что первая избираетъ лучшее, а сила утверждаетъ въ исполненіи обдуманнаго: то совершенство жизни достигается чрезъ соединеніе обѣихъ.

Мы видѣли также, что Христосъ есть *миръ*. И такъ мы оправдаемъ на себѣ имя Христово, естьли только чрезъ внутренній нашъ миръ въ жизни своей изобразимъ Христа. Онъ *убилъ вражду*, какъ говоритъ Апостолъ. (Ефес. 2, 14.) Посему и мы не должны оживлять ее въ себѣ; но въ жизни нашей представлять ее мертвою, и послѣ того, какъ она славно умерщвлена Богомъ для спасенія нашего, не должны воскрешать ее для погибели душъ нашихъ и снова воз-

буждать противъ себя чрезъ гнѣвъ и памятозлобіе, постыднымъ образомъ возвращая ей жизнь, послѣ того, какъ она умерщвлена со славою. Но имѣя Христа, который есть миръ, и мы должны умерщвлять вражду въ себѣ самихъ, дабы то, чему въ Немъ вѣруемъ, мы дѣломъ доказали въ жизни нащей. Какъ Онъ, разрушивъ преграждавшую стѣну, изъ двухъ создалъ въ Себѣ Самомъ одного новаго человѣка, устрояя миръ: (Ефес. 2, 14. 15.) такъ и мы должны примириться не только съ тѣми, которые внѣ насъ враждуютъ, но умирить и тѣхъ враговъ, которые мятутся въ насъ самихъ, дабы плоть не желала противнаго духу, и духъ противнаго плоти, но чтобы подчинивъ плотскія помышленія закону Божію, мы могли имѣть миръ въ себѣ, возсоздавшись въ одного новаго и мирнаго человѣка и содѣлываясь изъ двухъ однимъ. Ибо въ томъ-то и состоитъ сущность мира, чтобы соглашать несогласное. Посему когда прекратится домашняя брань природы нашей: тогда и мы, водворивши миръ въ себѣ, содѣлаемся миромъ, доказывая симъ, что истинно и въ собственномъ смыслѣ намъ прилично имя Христово.

Когда слышимъ, что Христосъ есть *свѣтъ истинный* и неприступный для лжи, то научаемся изъ сего, что наша жизнь должна озаряться лучами Отца истины. А лучи Солнца правды, изливаемые для освѣщенія нашего, суть добродѣтели; при помощи ихъ, мы, отложивши дѣла тьмы, чинно ходимъ, какъ днемъ, и оставивши тайныя скверны, дѣлаемъ все во свѣтѣ и содѣлываемся сами свѣтомъ, и, какъ свойственно свѣту, сами свѣтимъ другимъ дѣлами нашими.

Называя Христа *освященіемъ*, мы должны оправдывать на себѣ истину имени Христова чрезъ удаленіе отъ всякаго гнуснаго и нечистаго дѣла и мысли, не словомъ, но жизнію доказывая силу освященія.

Когда слышимъ, что Христосъ есть *искупленіе*, поколику Онъ предалъ Себя для нашего искупленія, изъ сихъ словъ научаемся, что Онъ, какъ выкупъ за душу каждаго, даровавъ намъ безсмертіе, насъ искупленныхъ отъ смерти чрезъ дарованіе жизни содѣлалъ собственнымъ стяжаніемъ. Посему есть ли мы содѣлались рабами искупившаго насъ: то

должны Владыку непрестанно имѣть предъ очами, чтобъ намъ не жить себѣ самимъ, но стяжавщему насъ цѣною жизни. Ибо мы уже не владыки себя самихъ, но искупившій насъ есть нашъ Господь, а мы стяжаніе Его. И такъ воля Владыки должна быть закономъ для нашей жизни. Ибо какъ тогда, когда смерть обладала нами, управлялъ нами законъ грѣха: такъ, когда мы содѣлались стяжаніемъ жизни, поведеніе наше необходимо должно сообразоваться съ волею владычествующей надъ нами жизни, дабы, уклонившись отъ воли жизни, чрезъ грѣхъ опять не предаться злому мучителю душъ нашихъ (то есть, смерти).

Также, когда слышимъ отъ Павла, что Христосъ есть *Пасха* и *Архіерей*: ибо *воистину Пасха наша Христосъ закланъ за насъ*, и что *Священникъ*, приносящій жертву Богу, не иной кто есть, какъ тотъ же Христосъ,—ибо Онъ предалъ Себя Самаго за насъ въ *приношеніе и жертву* Богу, (Евр. 7, 26.) все сіе внушаетъ намъ одну и ту же мысль, долженствующую насъ прилѣплять ко Христу. Чрезъ сіе мы научаемся,

что взирающій на Него, который Себя Самаго принесъ *въ приношеніе и жертву*, (Ефес. 5, 2.) и содѣлался Пасхою, и себя самаго долженъ *представлять Богу въ жертву живую, святую, благоугодную, содѣлываясь разумнымъ служеніемъ*. (Рим. 12, 12.) Способъ же сего священнодѣйствія состоитъ въ томъ, чтобъ не сообразоваться съ вѣкомъ симъ, но преобразоваться обновленіемъ ума своего, дабы узнавать, что *въ отношеніи къ волѣ Божіей хорошо, благоугодно и совершенно*. Ибо доколѣ плоть еще жива и не принесена въ жертву по духовному закону, не можетъ исполняться въ ней благая воля Божія; поелику *помышленія плотскія суть вражда на Бога, и закону Божію не покаряются, да и не могутъ*, доколѣ живетъ плоть; а когда она будетъ принесена въ жертву чрезъ животворное священнодѣйствіе, то есть, чрезъ умерщвленіе земныхъ удовъ, которыми мы удовлетворяемъ страстямъ, тогда благоугодная и совершенная воля Божія безпрепятственно можетъ исполниться въ жизни вѣрующихъ въ Него.

Подобнымъ образомъ когда возвѣщается намъ, что Христосъ содѣлался умилостивительною *жертвою* чрезъ пролитіе своея крови,—сіе научаетъ насъ, что каждый представляющій сіе и самъ долженъ содѣлываться умилостивительною жертвою за себя самаго, очищая душу чрезъ умерщвленіе удовъ. Когда Христосъ называется *сіяніемъ славы и образомъ существа,* сіи слова раждаютъ въ насъ мысль о достопокланяемомъ Его величіи. Вдохновенный и наученный Богомъ Павелъ, въ безднѣ богатства премудрости и вѣдѣнія Божія испытуя сокровенности таинъ Божіихъ—бывшія ему отъ Бога откровенія о неизъяснимыхъ и неизслѣдимыхъ предметахъ, поелику языкъ его былъ недостаточенъ къ полному выраженію мыслей, свое познаніе таинъ открылъ въ нѣкоторыхъ гаданіяхъ, сказавъ столько, сколько могъ вмѣстить слухъ пріемлющихъ и сколько слово могло служить къ выраженію мысли. Онъ, познавши все, что совмѣстно съ человѣческими силами, свидѣтельствуетъ, что ученіе о высочайшей Сущности недосязаемо и невмѣстимо для человѣческаго ума. Посему-то изчисливъ ея свойства,

подлежащія созерцанію, какъ то: наименовавъ ее *миромъ*, *силою*, *жизнію*, *правдою*, *свѣтомъ*, *истиною* и проч. показалъ, что она сама совершенно непостижима, говоря: Бога никогда не видали и не увидятъ; *Егоже*, какъ говоритъ Писаніе, *никтоже видѣлъ есть*, *ниже видѣти можетъ*. (1 Тим. 6, 16.) И такъ стараясь найти приличное наименованіе тому, чего не постигаетъ мысль, и не нашедши равносильнаго имени для выраженія непостижимаго, назвалъ *славою* и *существомъ*, то, что превосходитъ всякое благо, о чемъ ни умъ достойно не можетъ помыслить, ни языкъ—изречь, и такимъ образомъ высшую всѣхъ существъ Сущность оставилъ безъ наименованія. Но чтобы изъяснить единство и нераздѣльность Сына со Отцемъ, и то, что Онъ созерцается какъ равно-безпредѣльный и равно-вѣчный безпредѣльному и вѣчному Отцу, называетъ Его *сіяніемъ славы* и *образомъ существа*, понятіемъ сіянія изображая единство существа, а понятіемъ образа равенство. Ибо нѣтъ средины раздѣляющей сіяніе съ существомъ сіяющимъ, и понятіе образа не предполагаетъ его униженія предъ существомъ

изображаемымъ; но представляя существо сіяющее, непремѣнно представляемъ и сіяніе его; и въ умѣ составляя понятіе о величинѣ существа, безъ сомнѣнія измѣряемъ существо по внѣшнему его образу. Посему и Апостолъ, именуя Сына образомъ Бога, понятіемъ образа не уничижаетъ Господа, но величіе Сына выражаетъ, именуя Его образомъ, въ которомъ дѣлается видимымъ величіе Отца, не превосходящее собственнаго образа и не обрѣтаемое внѣ своею обличія. Ибо какъ нѣтъ въ Отцѣ ничего безобразнаго и непрекраснаго, такъ и ничего такого, что бы не открывалось въ красотѣ Единороднаго. Посему говоритъ Господь, что *видѣвый Мене, видѣ и Отца,* (Іоан. 14, 9.) показывая чрезъ сіе, что въ Немъ ни меньше, ни больше (въ сравненіи съ тѣмъ, что въ Отцѣ).

Когда говоритъ Апостолъ, что *Онъ носитъ все глаголомъ силы своея;* (Евр. 1, 3.) то симъ поставляетъ препону безразсудству тѣхъ, которые хотятъ узнать непостижимое, которые, въ своихъ изысканіяхъ привязавшись къ понятію о матеріи, не находятъ

конца своимъ изысканіямъ. Откуда, говорятъ они, взялъ вещество Невещественный? Какъ возможно произойти количеству отъ безколичественнаго? образу отъ не имѣющаго образа? цвѣту отъ невидимаго? отъ безпредѣльнаго тому, что заключается въ своихъ предѣлахъ? И естьли нѣтъ никакой качественности въ простомъ и несложномъ: то откуда матерія получаетъ свою качественность? Сіи и подобныя возраженія пытливыхъ онъ рѣшаетъ, сказавъ, что *Слово глаголомъ силы своея приводитъ все изъ небытія въ бытіе*. Ибо все, имѣющее какъ вещественную, такъ и невещественную природу, имѣетъ одну причину бытія *глаголъ неизреченной силы*. Сіе побуждаетъ насъ взирать на Того, отъ котораго получили бытіе всѣ существа. Ибо естьли мы отъ Него получили бытіе и Имъ продолжаемъ оное, то необходимо должны быть увѣрены, что ничто не сокрыто отъ вѣдѣнія Того, которымъ мы существуемъ, отъ котораго произошли и къ которому возратимся. Таковая мысль естественно руководствуетъ къ жизни безпорочной. Ибо кто вѣруетъ, что получилъ жизнь отъ Него, Имъ и въ Немъ продол-

жаетъ оную, тотъ дерзнетъ ли имѣть свидѣтелемъ нечистой жизни Того, который въ Себѣ содержитъ жизнь каждаго?

Пищею и питіемъ духовнымъ называя Господа, Божественный Апостолъ сими словами даетъ намъ разумѣть, что человѣческая природа не одночастна, но что въ ней духовное соединено съ чувственнымъ, и посему для той и другой части, усматриваемой въ насъ, есть собственная пища: пища чувственная укрѣпляетъ тѣло, а пища духовная доставляетъ намъ здравіе душевное. И какъ въ тѣлѣ твердая и влажная пища, бывъ смѣшаны между собою, дѣлаются средствами сохраняющими бытіе нашей природы тогда, когда чрезъ приличное вареніе соединяются съ каждою изъ частей входящихъ въ основаніе нашего состава: такъ, по подобію сего, и Павелъ раздѣляетъ духовное питаніе, пищею и питіемъ называя одинъ и тотъ же предметъ, различно сообразующійся съ нуждою принимающихъ. Для безсильныхъ и слабыхъ Онъ служитъ *хлѣбомъ*, (Псал. 103, 15.) укрѣпляющимъ сердце человѣка, а для удрученныхъ бѣдствіями сей

жизни и потому жаждущихъ, *виномъ*, веселящимъ сердце. Подъ приведенными словами должно разумѣть силу Слова, которымъ душа питается, соотвѣтственно своей потребности, пріемля отъ него благодать, согласно иносказанію Пророка, который *мѣстомъ злачнымъ и водою покоя* (Псал. 20, 2.) означаетъ отраду, скорбящимъ доставляемую чрезъ Слово. Естьлижъ кто, по отношенію къ таинству скажетъ, что здѣсь Самъ-Господь именуется пищею и питіемъ, то и сіе не будетъ противорѣчить истинному значенію словъ. Ибо плоть Его есть истинная пища, и кровь Его есть истинное питіе. Но въ первомъ смыслѣ всякому дается право быть причастникомъ Слова, которое есть пища и питіе, всѣмъ безъ различія предлагаемое и ищующими его пріемлемое. А въ послѣднемъ пріобщеніе сей пищи и питія не бываетъ безъ испытанія и безъ разбора, по правилу Апостола: *Да искушаетъ человѣкъ себе и тако отъ хлѣба да ястъ, и отъ чаши да піетъ: ядый бо и піяй недостойнѣ, судъ себѣ ястъ и піетъ.* (1 Кор. 11, 28.) На что, кажется мнѣ, точно указуетъ и Евангелистъ, когда говоритъ, что во время

таинственнаго страданія знаменитый оный членъ совѣта, обвивъ тѣло Господа нескверною и чистою плащаницею, положилъ оное въ новомъ и чистомъ гробѣ. (Лук. 23.) И такъ Апостольская заповѣдь и замѣчаніе Евангелиста какъ законъ обязываютъ насъ принимать святое Тѣло съ чистою совѣстію, и ежели будетъ въ комъ какая скверна, прилипшая отъ грѣха, таковую омывать водою слезъ.

Христосъ еще называется *каменемъ*; и сіе наименованіе должно руководствовать насъ къ тому, чтобы мы въ добродѣтельной жизни были тверды и постоянны, были непобѣдимы въ претерпѣніи страданій, всякое нападеніе грѣха встрѣчали съ духомъ непреклоннымъ и непоколебимымъ. Чрезъ сіе и подобное сему и мы сами содѣлываемся камнемъ, въ слабой нашей природѣ изображая, сколько возможно, непремѣняемость и непреложность Владыки. Также когда Онъ отъ мудраго зодчаго называется *основаніемъ вѣры и главою угла*, (1 Кор. 3. Ефес. 2. Лук. 20.) мы докажемъ, что и сіе не безполезно намъ, поколику споспѣшествуетъ

къ добродѣтельной жизни. Отсюда научаемся, что всякаго чистаго образа жизни и всякаго добраго ученія и упражненія и начало и конецъ есть Господь. Ибо Онъ есть упованіе, которое мы представляемъ какъ главу, къ которой относится все доброе; ибо Онъ такъ наименованъ отъ Павла; и начало сего высокаго зданія жизни есть вѣра въ Него, на которой, какъ на нѣкоторомъ основаніи, мы полагаемъ начало жизни, и чрезъ ежедневное преспѣяніе утверждаемся въ чистыхъ мысляхъ и дѣлахъ; и такимъ образомъ глава всего содѣлывается и нашею главою, присоединяясь къ двумъ жизни нашея стѣнамъ, въ отношеніи къ тѣлу и душѣ, созидаемымъ чрезъ внѣшнее благоповеденіе и внутреннюю чистоту, когда онѣ сходятся между собою въ углѣ; но ежели будетъ недоставать какой нибудь одной части зданія, то есть, или внѣшнее благоповеденіе не будетъ соединено съ чистотою духа, или чистота души не будетъ соотвѣтствовать внѣшности, то сей полусовершенной жизни главою не будетъ Христосъ, который присоединяется только къ двучастному и имѣющему правильные углы зданію; но невозмож-

но быть угламъ безъ соединенія двухъ стѣнъ. Посему тогда зданіе наше украсится краеугольнымъ камнемъ, когда по правильному образцу жизни, по отвѣсу добродѣтелей, и то и другое—расположенія внутреннія и поведеніе внѣшнее, будутъ устроены съ такою строгою точностію, что сіе зданіе не будетъ имѣть въ себѣ никакой неровности или кривизны.

Павелъ, называя Христа *образомъ Бога невидимаго, Богомъ надъ всѣми* и *Богомъ великимъ*, (ибо сими изреченіями онъ проповѣдуетъ величіе истиннаго Владыки, говоря: *Великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа*, и: *отъ нихже Христосъ по плоти, сый надъ всѣми Богъ благословенъ во вѣки*: Рим. 9, 5.) научаетъ насъ сими словами, что Онъ всегда пребываетъ тѣмъ, что есть, (а есть то, что знаетъ единъ Сущій) всегда въ равной мѣрѣ превышаетъ человѣческое разумѣніе, хотя бы мудрствующій горняя безпрестанно къ Нему приближался. Сей-то превосходящій всякое познаніе и понятіе, неизреченный и неизъяснимый словомъ и неисповѣдимый, чтобы тебя содѣлать обра-

зомъ Божіимъ, Самъ, по человѣколюбію, содѣлался образомъ Бога невидимаго, дабы собственнымъ образомъ, который Онъ принялъ, вообразиться въ тебѣ, и чрезъ Себя Самаго тебя содѣлать сообразнымъ образу первообразной Красоты, чтобы ты содѣлался тѣмъ, чѣмъ былъ въ началѣ. Слѣдовательно ежели и мы желаемъ быть образомъ Бога невидимаго, должны располагать жизнь свою соотвѣтственно данному намъ образцу жизни; какъ же это? *Живя плотію, мы не должны жить по плоти.* (Рим. 8, 12.) Ибо и первоначальный оный Образъ Бога невидимаго, пришедшій чрезъ посредство Дѣвы, испыталъ все, по подобію человѣческой природы, но не испыталъ только грѣха: *Иже грѣха не сотвори,* сказано, *ни обрѣтеся лесть во устѣхъ Его.* (1 Пет. 2, 22.) Представимъ, что мы учимся живописному искусству; и такъ, когда бы учитель положилъ предъ нами какое нибудь на дскѣ прекрасно написанное изображеніе; то всякой изъ насъ въ собственной живописи конечно долженъ бы былъ подражать красотѣ онаго, такъ чтобы картины всѣхъ по красотѣ были подобны одному данному образцу красоты. По-

добнымъ образомъ когда всякой есть живописецъ своей жизни, главный мастеръ сего дѣла есть воля, а краски для отдѣлки картины суть добродѣтели: то не малая потребна осторожность, чтобы подражаніе первообразной Красотѣ не сдѣлалось гнусною и отвратительною личиною, когда мы нечистыми красками, вмѣсто образа Владыки, напишемъ образъ порока. И такъ, сколько возможно, должно стараться, чтобъ краски добродѣтелей, пріемлемыя нами для изображенія красоты, были чисты и смѣшаны между собою по правиламъ искусства, такъ чтобы намъ быть образомъ образа, сколько возможно точнымъ подражаніемъ изображая первообразную Красоту, подобно Павлу, который былъ подражателемъ Христа посредствомъ добродѣтельной жизни. Естьлижъ нужно, мы и подробно изчислимъ краски, чрезъ кои совершается подражаніе образцу. Первая краска есть *смиреніе*. *Научитеся*, говоритъ Іисусъ Христосъ, *отъ Мене; яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ.* (Матѳ. 21, 29.) Вторая краска есть *терпѣніе*, которое какъ ясно открылась въ образѣ Бога невидимаго! Представь себѣ мечи и дре-

колія, узы и бичи, біенія по ланитамъ, заплеваніе лица, преданіе подъ удары, нечестивое судилище, жестокій приговоръ, воиновъ, умножающихъ тяжесть немилосердаго приговора руганіями, насмѣшками, ударами трости; представь гвозди, желчь и оцетъ и всѣ несноснѣйшія жестокости, нанесѐнныя Ему безвинно, и какъ бы въ воздаяніе за многочисленныя благодѣянія. И какъ Онъ отмстилъ за сіе? *Отче! отпусти имъ; не вѣдятъ бо, что творятъ.* (Лук. 23, 34.) Не могъ ли Онъ самое небо обрушить на нечестивыхъ? или погубить оскорбителей разверстіемъ земли? или повелѣть выступить морю изъ своихъ предѣловъ и землю погрузить въ бездны? или пролить на нихъ Содомскій огненный дождь? или навести какое нибудь другое ужасное наказаніе единымъ повелѣніемъ? Но Онъ перенесъ все сіе съ кротостію и долготерпѣніемъ, своимъ примѣромъ предписывая твоей жизни законъ терпѣнія. Такъ и все прочее можно видѣть въ первоначальномъ Божіемъ Образѣ; и взирающій на оный и тщательно украшающій по оному свой собственный образъ и самъ дѣлается обра-

зомъ Бога невидимаго, живописуемымъ чрезъ терпѣніе.

Слышащій, что *Христосъ есть глава церкви,* (Еф. 5, 23.) прежде всего долженъ помыслить, что всякая глава имѣетъ одну природу и сущность съ управляемымъ ею тѣломъ, и каждый членъ имѣетъ нѣкоторое взаимное сродство съ цѣлымъ, которое чрезъ общее согласіе производитъ въ цѣломъ сострастіе съ членами; и слѣдовательно, что не принадлежитъ къ тѣлу, то и въ отношеніи къ главѣ совершенно чуждо. Отсюда мы научаемся, что какова по природѣ глава, таковъ долженъ быть и каждый членъ, чтобъ могъ имѣть союзъ съ главою. Члены же, принадлежащіе къ составу тѣла Христова,—мы. Но кто, *отнявъ членъ у Христа, содѣлываетъ его членомъ блудницы,* (1 Кор. 6, 15.) поразивъ оный какъ бы мечемъ необузданною похотію, тотъ совершенно отсѣкаетъ членъ отъ главы: подобнымъ образомъ и прочія орудія порока содѣлываются мечами, коими члены отсѣкаются отъ единоестественнаго имъ тѣла; и отъ главы отдѣляется все, что ни подподаетъ удару страстей. И такъ,

чтобы все тѣло пребыло въ естественномъ союзѣ, нужно, чтобъ было согласіе у каждаго члена съ главою. Такъ на прим. ежели мы представляемъ главу чистою по существу своему, то чисты должны быть и члены, соотвѣтствующіе главѣ; естьли представляемъ, что глава есть самое нетлѣніе, то и члены должны пребывать въ нетлѣніи. И все прочее, что мы представляемъ вразсужденіи главы, должно являться и въ членахъ, какъ то: миръ, святость, истина и все, подобное сему. Ибо когда всѣ сіи черты являются въ членахъ, то симъ доказывается, что онѣ имѣютъ сродство съ главою, по словамъ Апостола, который такъ говоритъ: *Онъ есть глава, отъ которой все тѣло, будучи составляемо и связуемо посредствомъ всякаго вспомоществующаго соприкосновенія, при соразмѣрномъ дѣйствіи каждаго члена, получаетъ приращеніе.* (Кол. 2, 19. Еф. 4, 16.) Изъ наименованія главы можно еще извлечь и слѣдующее нравоученіе: какъ у животнаго отъ головы всему тѣлу сообщается способность дѣйствовать; ибо при помощи глаза и ушей производится каждое дѣйствіе, какъ то, и

движеніе ногъ и дѣйствованіе рукъ; и естьли бы глазъ не надзиралъ за нашими упражненіями, или естьли бы ухо не принимало наставленія, то никакое изъ предполагаемыхъ дѣйствій не могло бы совершиться должнымъ образомъ: такъ сообразно съ истинною Главою, и мы—тѣло—должны послѣдовать всякому влеченію и быть готовы на всякое дѣйствіе, куда насъ ни поведетъ создавшій око и насадившій ухо. И такъ когда глава устремляетъ взоръ въ горняя, то и члены, по союзу, долженствующіе сообразоваться съ главою, должны послѣдовать водительству главы и обращаться горѣ.

Слыша, что Онъ есть *перворожденъ всякой твари, первенецъ изъ мертвыхъ, перворожденъ во многихъ братіяхъ*; сперва мы должны опровергнуть еретическія мнѣнія, какъ не имѣющія ни какого подтвержденія злому своему лжеученію въ приведенныхъ реченіяхъ; потомъ разсмотримъ и то, какая изъ нихъ можетъ быть извлечена польза для нашей нравственной жизни. Когда враги Божіи Единороднаго Бога, Творца вселенныя, изъ котораго, которымъ и въ которомъ все,

называюшъ созданіемъ и шварію, и думаюшъ, что посему Онъ и называется перворожденнымъ всея швари; или предполагаюшъ, что Онъ, будучи какъ бы брашомъ швари, имѣешъ предъ нею первенсшво по одному сшаршинсшву, какъ Рувимъ между своими брашьями имѣешъ первенсшво не по природѣ, но по сшаршинсшву: шо въ опроверженіе ихъ должно сказашь, что нельзя почишашь одного и шого же *единороднымъ* и *перворожденнымъ:* ибо ни единороднымъ нельзя предсшавляшь имѣющаго брашьевъ, ни единородному, не имѣющеиу брашьевъ, нельзя ни бышь ни называшься перворожденнымъ. Слѣдовашельно сіи поняшія не могушъ бышь соединены и совмѣщены въ одномъ и шомъ же лицѣ, шо есшь, невозможно одному называшься и единороднымъ и перворожденнымъ. Но въ Писаніи о Словѣ, сущемъ въ началѣ, говоришся, что Оно есшь *Единородный Богъ, перворожденъ всея твари.* И шакъ здѣсь должно обрашишься къ шаинсшву исшины и благоговѣйно опредѣлишь различіе между сими именами, полагая, что *Единородный* есшь Слово предвѣчное, а *перворожденный* произшедшей чрезъ Христа швари есшь Слово

воплотившееся, и какое мы составляемъ понятіе, когда слышимъ, что Онъ перворожденъ изъ мертвыхъ, и перворожденъ во многихъ братіяхъ, такое же должны составлять и о томъ, что Онъ сдѣлался *первенцемъ твари.* Перворожденнымъ изъ мертвыхъ Онъ дѣлается, бывъ начаткомъ умершихъ, дабы плоти открыть путь къ воскресенію. Также чрезъ возрожденіе водою и духомъ желая содѣлать насъ сынами дня и сынами свѣта, насъ по природѣ бывшихъ чадами гнѣва, Самъ предшествуетъ намъ въ семъ рожденіи въ струяхъ Іорданскихъ, низводя на начатокъ нашей природы благодать Духа; почему всѣ духовнымъ возрожденіемъ раждаемые въ жизнь и именуются братіями Перворожденнаго водою и духомъ. Подобнымъ образомъ, представляя Христа первенцемъ произшедшей чрезъ Него твари, мы не отступаемъ отъ благоговѣйнаго образа мыслей. Когда древняя тварь, чрезъ грѣхъ поврежденная, прешла: то мѣсто уничтоженнаго творенія необходимо заступила новая тварь жизни, произшедшая чрезъ возрожденіе и воскресеніе изъ мертвыхъ, коея Виновникъ, какъ Начальникъ жизни, есть и именуется

Первенцемъ жизни. Сіе краткое разсужденіе трудолюбивымъ подастъ достаточное пособіе къ защищенію истины. Теперь кратко покажемъ, какъ сіи слова способствуютъ къ жизни добродѣтельной.

Рувимъ въ сравненіи съ тѣми, которые родились послѣ него, есть перворожденный; и сродство, которое имѣютъ съ нимъ рожденные послѣ него, свидѣтельствуется видимыми въ нихъ чертами, заключающими въ себѣ сходство съ перворожденнымъ, такъ что между ними нельзя не видѣть братскаго сродства, когда оно свидѣтельствуется подобіемъ образа. Естьли и мы чрезъ подобообразное возрожденіе водою и духомъ содѣлались братіями Господа, который для насъ содѣлался перворожденнымъ во многихъ братіяхъ: то образомъ нашей жизни должны доказывать свое съ нимъ сродство, такъ чтобы Перворожденный твари изображался въ нашей жизни. Какія же черты образа Его знаемъ мы изъ Писанія? Тѣ же, о коихъ мы уже часто говорили, то есть, что *Онъ не сдѣлалъ ни какого грѣха, и лжи не было во устахъ Его.* (1 Петр. 2, 22.) И такъ

ежели мы желаемъ называться братіями предшествовавшаго намъ въ возрожденіи; то безпорочность нашей жизни должна оправдать наше съ нимъ сродство, то есть, никакая скверна не должна отлучать насъ отъ союза съ чистотою. Перворожденный есть правда и освященіе, любовь и искупленіе и сему подобное: то когда и въ нашей жизни изобразятся сіи черты, тогда мы покажемъ столь ясные признаки нашего высокаго произхожденія, что тѣ, которые замѣтятъ оные въ нашей жизни, будутъ свидѣтельствовать о братствѣ нашемъ со Христомъ. Онъ отверзъ намъ дверь воскресенія, и чрезъ то содѣлался начаткомъ умершихъ. Что и мы всѣ воскреснемъ въ одну секунду, въ мгновеніе ока по звуку послѣдней трубы, сіе Онъ доказалъ тѣмъ, что совершилъ частію надъ Самимъ Собою, частію надъ тѣми, которые были уже во владычествѣ смерти. Впрочемъ въ будущей жизни имѣющихъ востать изъ подъ тяжести земной не всѣхъ ожидаетъ равное состояніе; но, какъ говоритъ Писаніе, *изыдутъ сотворшіи благая, въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда.* (Іоан. 5, 29.) И чья

жизнь достойна страшнаго сего осужденія, тотъ, хотя чрезъ возрожденіе и сопричисленъ къ братіямъ Господнимъ, ложно носитъ сіе имя, образомъ порока доказывая, что онъ не имѣетъ сродства съ Перворожденнымъ; ибо Ходатай Бога и человѣковъ, Собою соединяющій съ Богомъ человѣчество, соединяетъ только то, что достойно соединенія съ Богомъ. Посему какъ свое человѣчество Божественною силою Онъ соединилъ съ Собою, поколику оно хотя и было часть общей природы, но не подлежало никакимъ естественнымъ страстямъ, побуждающимъ ко грѣху,—*Онъ грѣха*, говоритъ Писаніе, *не сотвори, ни обрѣтеся лесть во устѣхъ Его*: такимъ же образомъ и каждаго изъ человѣковъ введетъ Онъ въ союзъ съ Божествомъ, естьли съ собою не привнесутъ ничего недостойнаго единенія съ Божествомъ. И естьли кто есть истинный храмъ Божій, не имѣющій въ себѣ никакого идола и образа зла; таковый Ходатаемъ будетъ допущенъ къ общенію съ Божествомъ, какъ чистый и способный къ принятію Его чистоты. Ибо, какъ говоритъ Писаніе, *въ злохудожную душу не внидетъ премудрость*, (Прем. 1, 4.)

и чистый сердцемъ не видитъ въ себѣ ничего кромѣ Бога, къ которому прилѣпившись посредствомъ непорочности, внутрь себя онъ пріялъ все благое царство. Сіе еще больше объяснится, естьли слова Господа, сказанныя чрезъ Марію Апостоламъ: *Восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему*, (Іоан. 20, 17.) присовокупимъ для уразумѣнія приведенныхъ нами словъ. Сіе говоритъ Ходатай между Отцемъ и сынами отверженными, который Собою враговъ Божіихъ примирилъ съ истиннымъ и единымъ Божествомъ. Ибо когда люди, по словамъ Пророка, отчуждились отъ животворныхъ ложеснъ чрезъ грѣхъ, и заблудили отъ чрева, въ которомъ образовались, говоря ложь вмѣсто правды; (Псал. 57, 4.) то Онъ принявъ на Себя начатокъ общей природы—душу и тѣло, освятилъ оный, сохранивъ въ Себѣ Самомъ чистымъ и чуждымъ всякаго порока, дабы чрезъ нетлѣніе принести оный въ жертву Отцу нетлѣнія, чрезъ оный привлечь къ Нему все подобное Ему по природѣ и происхожденію, отверженныхъ принять въ усыновленіе и враговъ Божіихъ ввести въ единеніе съ Божествомъ.

Его. Почему какъ *начатокъ состава* соединился съ Отцемъ истины—Богомъ чрезъ чистоту и безстрастіе: такъ и мы—*составъ*—должны соединяться со Отцемъ нетлѣнія, шествуя подобными же путями, то есть, чрезъ посильное подражаніе безстрастію и неизмѣнности Ходатая. Такимъ образомъ мы содѣлаемся вѣнцемъ Единородному Сыну Божію, вѣнцемъ, составленнымъ изъ дорогихъ камней, честію и славою содѣлываясь чрезъ жизнь свою. Ибо Павелъ говоритъ: *Умалилъ Его малымъ чимъ отъ Ангелъ, за претерпѣніе смерти.* (Евр. 2, 9.) Чрезъ грѣхъ нѣкогда превратившихся въ тернъ Онъ содѣлалъ вѣнцемъ для Себя чрезъ спасительное претерпѣніе смерти, тернъ своими страданіями превративъ въ честь и славу. Посему послѣ того, какъ Онъ однажды взялъ на Себя грѣхъ міра, принявъ терновый вѣнецъ на главу, чтобы сплести Себѣ вѣнецъ изъ чести и славы, весьма должно опасаться, чтобы кто нибудь по беззаконной жизни будучи волчцемъ и терніемъ, чрезъ причащеніе тѣла Господня не вплелся въ средину вѣнца Владычняго; каковому правосуднымъ онымъ гласомъ сказано будетъ: *Друже, како вшелъ еси сѣмо*

не имый одѣянія брачна? (Матѳ. 22, 12.) какъ ты—терніе—дерзнулъ вплестися между тѣхъ, которые избраны составлять вѣнецъ Мой, вѣнецъ чести и славы? какое согласіе между Христомъ и Веліаромъ? какое соучастіе у вѣрнаго съ невѣрнымъ? что общаго между свѣтомъ и тьмою? И такъ чтобъ наша жизнь не навлекла и на насъ нѣкогда сей укоризны, во всю нашу жизнь всемѣрно мы должны хранить себя отъ всякаго терноообразнаго дѣла, слова и мысли, дабы чистымъ и непорочнымъ поведеніемъ содѣлаться честію и славою, собою увѣнчать Главу всяческихъ и быть драгоцѣннымъ стяжаніемъ Владыки. Ибо Господь славы не хочетъ ни быть, ни именоваться Господомъ никакой низкой вещи. И такъ удаляющійся всякаго безстыдства и мерзости, по внутреннему и внѣшнему человѣку, содѣлываетъ своимъ Владыкою Того, который есть и именуется Господь славы, а не безчестія.

Онъ также есть *начало*; а начало всякой вещи не можетъ не сходствовать съ тѣмъ, что за нимъ послѣдуетъ. Такъ предположивъ, что начало есть жизнь, жизнію

необходимо должно представляться и послѣдующее за началомъ. Естьли начало есть свѣтъ, то свѣтъ должно представлять и слѣдствіемъ начала. Какую же мы получаемъ пользу отъ того, когда вѣруемъ, что Онъ есть начало? Изъ сего научаемся, что и мы должны быть таковы же, каковымъ почитаемъ наше начало; ибо свѣтъ не называется началомъ тьмы; и жизнь поставивши началомъ, смерть не почитаемъ непосредственнымъ слѣдствіемъ жизни. А кто не пребываетъ въ единствѣ съ своимъ началомъ, и не соединяется съ нимъ чрезъ безстрастіе и добродѣтель, того началомъ не можетъ быть Начало существъ. Жизни темной начало есть міродержитель тьмы; смертоноснаго грѣха начало есть имѣющій державу смерти; слѣдовательно подчинившій себя началу тьмы беззаконною жизнію не можетъ назвать своимъ началомъ начало всякаго добра.

Тѣмъ, которые употребляютъ въ свою пользу Божественные глаголы, одинаковую мысль внушаетъ то, что Христосъ называется еще *Царемъ правды и мира.* Ибо по преподанному въ Писаніи образцу молит-

вы, молящійся, *да пріидетъ* въ него *царствіе Божіе,* познавъ, что сей Царь истинный есть Царь правды и мира, въ жизни своей будетъ являть дѣла правды и мира, моляся, дабы въ немъ воцарился Царь правды и мира. Воинство сего Царя составляютъ всѣ добродѣтели (ибо подъ правдою и миромъ, думаю, разумѣются всѣ добродѣтели). Естьли же кто, оставивъ воинство Божіе, вступитъ въ противное полчище враговъ и содѣлается поборникомъ изобрѣтателя зла, сложивъ броню правды, всеоружіе мира: какъ таковый, измѣнившій истинѣ, можетъ стать подъ знаменами Царя мира? Безъ сомнѣнія знаки вооруженія его покажутъ царя его, и образъ жизни его, какъ начертанное на оружіи изображеніе, будетъ свидѣтельствовать о вождѣ его. Блаженъ, кто находится подъ предводительствомъ Божіимъ и сопричисленъ къ воинству, состоящему изъ тысячей тысячь: блаженъ на низложеніе зла вооружающійся добродѣтелями, кои на облеченномъ оными составляютъ образъ Царя!

Но какая нужда еще далѣе продолжать

слово, по порядку полагая и изъясняя всѣ изреченія которыя выражаютъ имя Христово, и чрезъ которыя должно руководствоваться къ добродѣтельной жизни, такъ какъ каждое имя, по собственной силѣ, непремѣнно споспѣшествуетъ намъ къ совершенству жизни? Вмѣсто того я полезнымъ почитаю кратко повторить сказанное, чтобы сіе намъ послужило нѣкоторымъ руководствомъ къ главной цѣли слова, которую мы предположили себѣ въ началѣ, намѣреваясь показать, что потребно для того, чтобы сдѣлаться совершеннымъ.

Я полагаю, что ежели кто будетъ всегда помышлять о томъ, что онъ причастникъ достопокланяемаго имени, согласно постановленію Апостольскому называяся Христіаниномъ; тотъ безъ сомнѣнія будетъ оправдывать на себѣ значеніе и прочихъ именъ, подъ коими разумѣется Христосъ, содѣлываясь причастникомъ каждаго наименованія чрезъ свою жизнь. Въ объясненіе скажу слѣдующее: три главные предмета составляютъ жизнь Христіанина: дѣйствіе, слово и мысль. Начало всякаго слова есть

мысль; за мыслію слѣдуетъ слово, посредствомъ голоса открывающее въ душѣ напечатлѣнную мысль; третіе послѣ мысли и слова мѣсто занимаетъ дѣйствіе, приводящее въ исполненіе мысль. И когда (какъ обыкновенно съ нами бываетъ) мы занимаемся которымъ нибудь изъ сихъ трехъ, полезно при всякомъ словѣ, дѣлѣ и мысли неопустительно имѣть въ виду тѣ Божественныя имена, которыми изображается и нарицается Господь, такъ чтобы наши слова, дѣла и мысли не уклонялись отъ значенія оныхъ высокихъ именъ. Ибо какъ, по словамъ Св. Павла, *всяко, еже не отъ вѣры, грѣхъ есть:* (Рим. 14, 23.) такъ, заключая по естественному слѣдствію, справедливо можно утверждать, что всякое слово, дѣло и мысль, не относящіяся къ славѣ Христовой, безъ всякаго сомнѣнія принадлежатъ къ сторонѣ противной Христу. Ибо находяся внѣ свѣта, или жизни, нельзя не быть во тьмѣ, или въ смерти. Посему ежели дѣйствіе, слово и мысль, недостойныя Христа, имѣютъ необходимую связь съ тѣмъ, что противно добру, то для всякаго очевидно отсюда выходящее слѣдствіе, что тотъ оставляетъ

Христа, кто удаляется отъ Него своими мыслями, или дѣлами, или словами. И такъ истиненъ Пророческій гласъ, вѣщающій: *преступниками я почиталъ всѣхъ грѣшниковъ земли.* (Псал. 118, 119.) Ибо какъ тотъ, кто въ гоненіяхъ отрицается Христа, есть преступникъ, оскорбившій достопокланяемое имя: такъ и тотъ, кто уклоняется отъ истины, или правды, или святости и чистоты, или что нибудь другое, извѣстное подъ именемъ добродѣтели, оставляетъ въ жизни при сильномъ возстаніи страстей, отъ Пророка называется преступникомъ; поелику при всякомъ таковомъ случаѣ въ поведеніи своемъ согрѣшаетъ противъ Того, который есть все сіе. Что же должно дѣлать тому, кто удостоенъ великаго имени Христова? что другое, какъ непрестанно въ себѣ испытывать помышленія, слова и дѣла? смотрѣть, относится ли каждое ко Христу, или противно Ему? Таковое испытаніе весьма удобно. Ибо то, что или дѣлають, или мыслятъ, или говорятъ по движенію какой нибудь страсти, не имѣетъ ни малаго согласія со Христомъ; но носитъ на себѣ печать врага, который страстями, какъ

нѣкоторою грязью, обезображиваетъ бисеръ души и помрачаетъ сіяніе драгоцѣннаго камня. А то, что чисто отъ всякаго страстнаго движенія, относится къ начальнику безстрастія, который есть Христосъ, изъ котораго, какъ изъ чистаго и не загражденнаго источника, всякій почерпающій для себя мысли такое являетъ въ себѣ сходство съ первообразомъ какое бываетъ между водою, текущею въ потокѣ, и тою, которая почерпнута изъ него въ водоносъ. Ибо одна и та же по природѣ своей чистота усматривается и въ Христѣ и въ тѣхъ, которые имѣютъ общеніе съ Нимъ, съ тѣмъ только различіемъ, что Онъ самъ источаетъ, а имѣющій съ нимъ общеніе почерпаетъ красоту мыслей, выражая оную въ дѣятельности такъ, что внутренній человѣкъ пребываетъ въ стройномъ согласіи съ внѣшнимъ, то есть, внѣшнее благоповеденіе соотвѣтствуетъ мыслямъ, раждающимся при имени Христовѣ.

И такъ по моему мнѣнію, совершенство Христіанской жизни состоитъ въ томъ, чтобы мыслями души, словами и внѣшними

поступками доказывать, что мы участвуемъ во всѣхъ наименованіяхъ, которыми означается имя Христово, и во всецѣломъ тѣлѣ, душѣ и духѣ соблюдать совершенную святость, похваляемую Павломъ, остерегаясь всякаго прикосновенія къ пороку. А кто скажетъ, что сіе не возможно, поелику неизмѣняемъ только одинъ Господь твари; а человѣческая природа непостоянна и склонна къ различнымъ превратностямъ, и потому она неспособна съ своею непостоянностію совмѣстить постоянство въ добрѣ и неизмѣняемость. На таковое возраженіе отвѣтствуемъ: *Не можетъ получить вѣнца тотъ, кто незаконно подвизался;* (2 Тим. 2, 3. 5.) а подвигъ не будетъ законнымъ, ежели не будетъ противоборствующаго; слѣдовательно ежели не будетъ противоборника, то не будетъ и вѣнца. Ибо побѣда не бываетъ безъ побѣжденнаго. И такъ мы должны сражаться съ измѣняемостію нашей природы, какъ нѣкоторымъ противникомъ, отражая оную помощію здраваго разсужденія,—впрочемъ дѣлаяся побѣдителями не чрезъ низложеніе ея, но чрезъ то, чтобы не дать ей пасть. Ибо человѣкъ имѣетъ наклонность не къ

одному злу (иначе онъ былъ бы неспособенъ къ добру, ежели бы по природѣ склоненъ былъ только къ противоположной оному сторонѣ). Но измѣняемость приноситъ величайшую пользу; ибо отъ нея зависитъ преуспѣяніе въ добродѣтеляхъ. Безпрерывное измѣненіе въ лучшее приближаетъ къ Божеству того, въ комъ совершается сіе счастливое измѣненіе. Вотъ какъ то, что казалось намъ опаснымъ, то есть, измѣняемость нашей природы, служитъ намъ какъ бы крыльями въ стремленіи къ высшему, и для насъ было бы несчастіе, естьли бы мы не были способны къ измѣненію въ лучшее. И такъ человѣкъ, видя въ природѣ своей склонность къ измѣненію, не сѣтуй, но безпрестанно измѣняясь въ лучшее и преобразуясь отъ славы въ славу, измѣняйся, каждую минуту становяся лучшимъ чрезъ ежедневное возрастаніе, всегда усовершаясь и никогда не достигая конца совершенства. Ибо въ томъ и состоитъ истинное совершенство, чтобы возрастать усовершаясь, никогда не останавливаться въ семъ возрастаніи и не находить предѣла усовершенствованію.

III.

НРАВСТВЕННО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ ТЕКСТА:

И Азъ вамъ глаголю: сотворите себѣ други отъ мамоны неправды, да, егда оскудѣете, пріимутъ вы въ вѣчныя кровы. Лук. 16, 9.

Нравственное правило сіе Іисусъ Христосъ извлекаетъ изъ притчи *о неправедномъ приставникѣ*, который, вѣроломно расточая имущество господина своего, старался чрезъ то снискать себѣ друзей, дабы въ случаѣ несчастной перемѣны своего состоянія найти у нихъ надежное себѣ пристанище.

Внимательный читатель Слова Божія, конечно, не имѣетъ нужды въ предварительномъ раскрытіи всѣхъ недоумѣній, которыя могутъ родиться при чтеніи настоящаго мѣста. Довольно замѣтить, что сіе мѣсто, какъ приложеніе къ притчѣ о приставникѣ, по общему свойству всѣхъ иносказательныхъ наставленій, должно заключать въ себѣ цѣль

и сущность притчи, а самая притча должна служить для насъ руководствомъ къ уразумѣнію нравственнаго къ ней приложенія. Но какимъ образомъ изъ поступка приставника, злоупотреблявшаго довѣренностію господина своего, изъ поступка, несообразнаго и съ естественнымъ закономъ честности, мы можемъ извлекать понятіе о Христіанской обязанности, которой научаетъ насъ Господь нашъ? Нѣтъ сомнѣнія, что притча, будучи употребляема въ пособіе слабому человѣческому разуму, только руководствуетъ умъ нашъ къ уразумѣнію таинъ царствія Божія, только нѣсколькими чертами касается предмета, дабы на основаніи чувственныхъ представленій можно было возноситься къ созерцаніямъ высшимъ; а потому необходимо заключаетъ въ себѣ и такія слова, которыя служатъ только для полноты вымышленнаго произшествія: но несомнѣнно и то, что она, какъ притча, должна имѣть какое нибудь сходство съ предметомъ, для выраженія котораго представлена.

Одинъ изъ Учителей Церкви *) замѣчаетъ,

---

*) Vid. Caten. SS. Patrum Graecor. in S. Lucam, ed. Balth. Corder. pag. 396.

что притча о приставникѣ представлена не потому, чтобы она во всѣхъ отношеніяхъ сходна была съ предметомъ, ею выражаемымъ, но чтобы научить насъ, отъ меньшаго восходить къ разумѣнію большаго. Замѣчаніе необходимое въ настоящемъ случаѣ. При нёмъ многія недоумѣнія уничтожаются сами собою. Но отъ какихъ особенно понятій въ сей притчѣ мы должны восходить къ разумѣнію высшаго, духовнаго смысла, заключающагося въ нравственномъ приложеніи,— это покажемъ при изъясненіи самаго приложенія.

Сотворите себѣ други отъ мамоны неправды, да, егда оскудѣете, пріимутъ вы въ вѣчныя кровы.

Кто суть тѣ благодѣтельные други, коихъ сердца мы должны привлекать къ себѣ? Изъ притчи видно, что сіи други суть вообще всѣ тѣ, которые имѣютъ нужду въ нашей помощи, (ст. 5. 6. 7.), и нужду такую, что, принимая отъ другихъ милость, никакъ не могутъ оставаться хладнокровными и неблагодарными къ своимъ благодѣтелямъ.

Это тѣ несчастные ближніе наши, которые по вся дни и алчутъ и жаждутъ, не имѣютъ нужной одежды, ни надежнаго крова, словомъ: это *нищіе*. Объ нихъ всегда заботился Господь нашъ, хотя и Самъ не имѣлъ, гдѣ главу подклонить. Ихъ бѣдственную участь повелѣваетъ Онъ облегчать отъ мамоны неправды.

Сотворите себѣ други отъ мамоны неправды. Слово *мамона* на Сирскомъ языкѣ значитъ богатство или вообще все то, что составляетъ имущество человѣка *); ибо

*) ממונא. Первоначально симъ именемъ назывался идолъ, котораго Сиріяне почитали богомъ богатства и чтили съ особеннымъ уваженіемъ, какъ говоритъ Тертулліанъ. Отъ нихъ слово сіе перешло и въ языкъ Еврейскій для означенія самаго богатства, потому что корыстолюбцы служатъ оному, какъ Богу. То же понятіе выражается и въ словахъ Іисуса Христа; ибо вездѣ, гдѣ только Онъ говоритъ о мамонѣ, упоминается о служеніи оной, которое поставляется въ противоположности съ служеніемъ истинному Богу. См. Матѳ. 6, 24. Лук. 16, 13.

въ томъ же мѣстѣ (ст. 11.) *мамона* называется *имѣніемъ*. Выраженіе: *богатство неправды*, по свойству Еврейскаго языка, значитъ то же, что *богатство неправедное*. Основываясь на простомъ и обыкновенномъ значеніи сихъ словъ, можно разумѣть здѣсь богатство неправедно пріобрѣтенное. Самая притча, по видимому, приготовляетъ насъ къ тому же понятію. Впрочемъ мы не можемъ согласиться на то, чтобы Іисусъ Христосъ говорилъ здѣсь о богатствѣ неправедно пріобрѣтенномъ. Положимъ, что смыслъ Его изреченія такой: неправильнымъ образомъ пріобрѣтшіе богатство должны, по крайней мѣрѣ, сдѣлать правильное изъ него употребленіе. Но Іудеи, къ которымъ первоначально были направлены слова сіи, знали изъ закона, что чужое имущество должно возвращать законному ихъ владѣтелю, (Исх. 22, 3.) а благотворить только отъ имѣнія, честными трудами пріобрѣтеннаго. И Господь нашъ не только не хотѣлъ уничтожать столь благодѣтельнаго закона, но еще утверждалъ его, одобривъ поступокъ Закхея, который обѣщалъ обиженнымъ воздать четверицею и отъ собственнаго иму-

щества отдать половину бѣднымъ. (Лук. 19; 8. 9.) Несообразно и съ понятіемъ о Богѣ, чтобы Онъ могъ требовать отъ людей такой Себѣ жертвы. Онъ святъ, и потому любитъ и одобряетъ только святое, и ненавидитъ все нечистое, направедное. Онъ знаетъ всѣ сокровенныя движенія сердца человѣческаго, и потому та только добродѣтель Ему пріятна, которая происходитъ изъ чистаго сердца и основана на побужденіяхъ сообразныхъ съ закономъ. Что же будетъ значить въ глазахъ Его благотворительность отъ неправедно пріобрѣтеннаго богатства? Не значитъ ли это, одною рукою грабить, чтобы другою удѣлить ближнему часть отъ неправедной добычи,—на бѣдствіи одного созидать счастіе другаго? И стоитъ ли такой благодѣтель вѣчной награды, которая обѣщается въ словахъ Господа? Онъ даритъ не свое, а чужое; даритъ, можетъ быть, тѣхъ самыхъ бѣдныхъ, которыхъ корыстолюбіемъ своимъ довелъ до бѣдности. Ибо всякое пріобрѣтеніе, превышающее необходимыя наши потребности, есть похищеніе собственности у тѣхъ, которые лишены необходимаго.

И шакъ что мы должны разумѣть подъ словами—*мамона* или *богатство неправды*? Слово неправедный (ἄδικος), употребленное въ подлинномъ Греческомъ шекстѣ, имѣешъ обширное значеніе, которое опредѣляешся смотря по тому, къ лицу ли прилагается, или къ неодушевленной вещи. Естьли прилагается къ существу разумному, на пр. человѣку: то выражаешъ свойство испорченнаго сердца, злоупотребляющаго своею свободою и избирающаго ложь вмѣсто истины, неправду вмѣсто добродѣтели. Въ семъ смыслѣ приставникъ, упоминаемый въ притчѣ, называется неправеднымъ; потому что онъ располагалъ имуществомъ господина своего не такъ, какъ долженъ располагать имъ экономъ честный, помнящій свою обязанность. Вообще неправеднымъ человѣкомъ называется шотъ, кто не исполняетъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ Богу и ближнимъ. Естьли же слово *неправедный* прилагается къ вещи неодушевленной, какъ на прим. къ богатству или вещамъ, оное составляющимъ: то выражаетъ такое свойство вещи, по которому она бываетъ не такова сама въ себѣ, каковою намъ представляется.

Посему *богатство неправедное* есть тоже, что богатство обманчивое, тлѣнное, не соотвѣтствующее своему имени и тѣмъ надеждамъ, какія полагаетъ въ немъ человѣкъ естественный, не могущій проникать въ истинное свойство вещей.

Чтобы увѣриться, точно ли Іисусъ Христосъ соединялъ съ своими словами такое, а не другое понятіе, вникнемъ въ связь Его рѣчи. Въ 11 стихѣ слово *неправедный* (ἄδικος) противуполагается слову *истинный* (ἀληθηνὸς): *Аще въ неправеднѣмъ имѣніи вѣрни не бысте: во истиннѣмъ кто вамъ вѣру иметъ?* Слѣдственно неправедное имѣніе есть имѣніе неистинное, ложное *); потому что оно есть чужое: *Аще въ чужомъ вѣрни не бысте, ваше кто вамъ дастъ?* (ст. 12.) Какъ бы такъ было сказано: Богъ даровалъ вамъ земныя сокровища для того, чтобы вы, какъ вѣрные Его приставники, располагали оными

*) Въ семъ значеніи слова: ἀδικία и ἄδικος употребляются Іоан. 7, 18. Римл. 2, 8. 2 Сол. 2, 12. у Семидесяти Толковниковъ симъ словомъ переводится שֶׁקֶר Втор. 19, 18. Мих. 4, 12.

сообразно съ волею Господина—Владыки всѣхъ сокровищь: что же дѣлаетъ тотъ, кто употребляетъ ихъ только для своей роскоши и сладострастія? Посмотрите, какъ хитры сыны вѣка сего. Приставникъ, не имѣющій совсѣмъ честности, расточаетъ имѣніе господина своего не на балы, не на одежды, не на увеселенія, но для пріобрѣтенія себѣ друзей, дабы, пришедши въ немилость у господина, не лишиться дневнаго пропитанія. И Я вамъ говорю: естьли хотите быть Моими учениками и заслужить довѣренность въ большемъ; сотворите себѣ други отъ тлѣнныхъ сокровищь, *продадите имѣнія ваша, и дадите милостыню, сотворите влагалища неветшающа, сокровище неоскудѣемо на небесѣхъ, идѣже тать не прикасается, ни моль растлѣваетъ.* (Лук. 12, 33.) Такое распоряженіе богатствомъ будетъ сообразно съ волею давшаго вамъ оное. Естьли же вы и сего малаго порученія не можете исполнить съ надлежащею точностію и вѣрностію; естьли не умѣете тлѣннымъ добромъ пользоваться, какъ должно: кто же повѣритъ вамъ богатство истинное, нетлѣнное?

Далѣе Господь говоритъ: *Не можете Богу работати и мамонѣ.* (ст. 13.) Въ сихъ словахъ заключается новое доказательство того, что мамона неправды не означаетъ богатства, неправедно пріобрѣтеннаго, но значитъ богатство ложное, обманчивое, недостойное того, чтобы мы къ нему прилѣплялись. Здѣсь ничего не говорится о способѣ пріобрѣтенія, но показывается только невозможность совмѣстить привязанность къ богатству (какъ бы оно ни было пріобрѣтено) съ истиннымъ служеніемъ Богу. Изъ сего видно, съ какой стороны смотритъ Іисусъ Христосъ на богатство во всемъ отдѣленіи, и какая цѣль Его притчи о неправедномъ приставникѣ. Онъ имѣетъ въ виду не извѣстный какой либо родъ богатства, а всякое вообще; а потому цѣль какъ притчи, такъ и нравственнаго къ ней приложенія есть та, чтобы внушить своимъ послѣдователямъ, что желающій быть Его ученикомъ и служителемъ Богу истинному долженъ всѣ мысли свои устремлять туда, гдѣ есть истинное его сокровище, предметъ всякаго почитанія и любви, то есть, на небо; долженъ во всѣхъ вещахъ поступать,

какъ прилично вѣрному рабу Божiю, и, естьли течетъ богатство, не привязывать къ нему своего сердца, но употреблять оное, какъ средство къ достиженiю богатства истиннаго, небеснаго. Почему же Онъ обращаетъ вниманiе своихъ слушателей имянно на нищихъ? Потому, что употребленiе земныхъ сокровищъ на дѣла благотворительности болѣе всего сообразно съ волею Божiею и свойствомъ любви Христiанской, которою должны отличаться ученики Его; что сей способъ есть самый надежный—богатствомъ тлѣннымъ заслужить нетлѣнное. Естьли же Онъ хотѣлъ научить Христiанъ, чтобы они не прилѣплялись къ богатству, но пользовались онымъ для прiобрѣтенiя вѣчныхъ обителей: то сiя цѣль требуетъ въ словѣ *неправедный* такого значенiя, которое выражало бы истинное свойство вещи, а не способъ прiобрѣтенiя оной.

Сердце человѣческое не прежде отстаетъ отъ любимыхъ своихъ предразсудковъ, какъ познаетъ суетность того, къ чему стремится. Iисусъ Христосъ зналъ свойство онаго. Посему всѣ нравоученiя Его касатель-

но благъ земныхъ имѣюшъ одинаковый характеръ. Онъ открываетъ прежде свойство сихъ благъ, непостоянство ихъ и тлѣнность; потомъ уже обращаетъ взоръ нашъ туда, гдѣ есть истинное и вѣчное наше сокровище. Возмемъ для примѣра одно мѣсто: Матѳ. 6, 19. 20. 24. 25. *Не скрывайте себѣ сокровищъ на земли, идѣже червь и тля тлитъ, и идѣже татіе подкопываютъ и крадутъ: скрывайте же себѣ сокровище на небеси, идѣже ни червь ни тля тлитъ, и идѣже татіе не подкопываютъ, ни крадутъ.—Никтоже можетъ двѣма господинома работати: любо единаго возлюбитъ, а другаго возненавидитъ: или единаго держится, о другѣмъ же нерадити начнетъ: не можете Богу работати и мамонѣ.* (См. также Лук. 12, 16–35.)

И такъ естьли подъ словами *мамона неправды* будемъ разумѣть богатство ложное, то разсматриваемое нами мѣсто будетъ сообразно какъ съ связію всей рѣчи и цѣлію оной, такъ и съ ученіемъ Господа о томъ же предметѣ въ другихъ мѣстахъ.

Могутъ, конечно, возразить противъ сего: Почему же въ самой притчѣ, изъ которой извлечены упомянутыя слова, нѣтъ такого понятія, которое приготовило бы насъ къ уразумѣнію нравственнаго правила о ложномъ богатствѣ; напротивъ вся притча ведетъ насъ къ понятію о богатствѣ неправедно пріобрѣтенномъ?—Дѣйствительно, примѣръ приставника можетъ служить основаніемъ для такого возраженія. Но естьли внимательнѣе разсмотримъ его, то увидимъ, что примѣръ сей не только не опровергаетъ, но еще подтверждаетъ избранное нами значеніе. Приставникъ называется неправеднымъ потому, что не былъ таковъ, какимъ бы ему быть надлежало сообразно желанію и надеждѣ господина и качеству возложенной на него должности. И богатство называется неправеднымъ потому, что не таково само въ себѣ, какимъ хотѣлъ бы видѣть его человѣкъ корыстолюбивый. Господинъ, ввѣрившій свои сокровища эконому, не могъ ли надѣяться, что его имѣніе будетъ цѣло? Но онъ обманулся въ своей надеждѣ. Онъ не могъ и примѣтить, что его сокровища расхищены. Вотъ первый при-

знакъ непостоянства благъ земныхъ! Почему экономъ заботился о пріобрѣтеніи себѣ друзей? Онъ зналъ, что его счастіе можетъ перемѣниться. Вотъ вторый признакъ суетности земнаго благополучія! И такъ самая притча ведетъ меня къ понятію о ложномъ, тлѣнномъ богатствѣ.

Въ слѣдующихъ словахъ: *Да, егда оскудѣете, пріимутъ вы въ вѣчныя кровы*—представляется плодъ истинной благотворительности, и время, когда благотворитель можетъ насладиться онымъ. Хотя слово *вѣчный*, по свойству Еврейскаго языка, иногда означаетъ извѣстное, только продолжительное время: (См. Быт. 17, 13. Исх. 31, 17. Филим. 15.) но, естьли говорится о обѣтованіи вѣрующимъ или о наградѣ за добродѣтель, слово сіе всегда выражаетъ вѣчность въ собственномъ смыслѣ. Посему погрѣшительно было бы толкованіе, естьли бы мы, принявъ за образецъ неправеднаго приставника, который заботился о пристанищѣ временномъ, стали изъяснять *вѣчные кровы* о убѣжищѣ въ сей жизни. Таковое значеніе было бы безъ всякаго основанія; ибо въ Но-

вомъ завѣтѣ нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ выраженіе *вѣчный кровъ* означало бы временное убѣжище. Оно несообразно и съ духомъ ученія Христова; ибо тогда Іисусъ Христосъ внушалъ бы благотворительность, основанную на побужденіяхъ корысти. Но Онъ ясно говоритъ намъ, что ежели мы любимъ только любящихъ насъ; ежели благотворимъ для того только, чтобы самимъ быть облагодѣтельствованнымъ: наша добродѣтель не имѣетъ никакой цѣны; ибо тоже дѣлаютъ и язычники. (Матѳ. 5, 46. 47.) Христіанская благотворительность требуетъ, чтобы мы давали бѣднымъ, ничего обратно отъ нихъ не ожидая. Это есть правило Іисуса Христа, которое Онъ внушаетъ намъ повсюду, повелѣвая ожидать награды за добродѣтель въ будущей жизни. Тоже правило повторяетъ Онъ и въ настоящемъ мѣстѣ.

Въ притчѣ представляется примѣръ, какъ *сынъ вѣка сего* употреблялъ ввѣренныя ему сокровища, дабы изъ сего примѣра *сыны свѣта* извлекали для себя правило жизни. Заключеніе оной: *сынове вѣка сего мудрѣйши*

паче сыновъ свѣта въ родѣ своемъ суть, ясно открываетъ, чего желаетъ Учитель отъ своихъ послѣдователей. Онъ желаетъ, чтобы сыны свѣта были мудрѣе сыновъ вѣка; посему присовокупляетъ: *И Азъ вамъ глаголю: сотворите себѣ други отъ мамоны неправды, да, егда оскудѣете, пріимутъ вы въ вѣчныя кровы.* И такъ что здѣсь должно быть общее у сыновъ свѣта съ сынами вѣка сего, и чѣмъ должны первые превосходить послѣднихъ? Сынъ вѣка сего употреблялъ сокровища для приготовленія себѣ счастія въ будущее время; и сыны свѣта должны употреблять ихъ, какъ средство для пріобрѣтенія благъ будущихъ; тотъ искалъ благосклонности у бѣдныхъ, и сіи должны искать благосклонности также у бѣдныхъ. Вотъ что у нихъ должно быть общее! Но тотъ старался уготовать себѣ пристанище будущее, впрочемъ въ сей жизни; а сіи должны уготовлять себѣ кровъ вѣчный, въ будущей жизни. Вотъ чѣмъ сыны свѣта должны доказать, что они мудрѣе сыновъ вѣка сего! И поелику имъ повелѣвается ожидать награды за благотворительность отъ одного Бога, въ будущей жизни: то изъ сего

явствуетъ, что добродѣтель, которой Іисусъ Христосъ требуетъ отъ учениковъ своихъ, чужда всякой корысти и основывается только на побужденіяхъ вѣры. И такъ *вѣчные кровы*, въ словахъ Іисуса Христа, означаютъ царствіе Божіе, обители Отца небеснаго, въ которыхъ избранные Его будутъ вѣчно наслаждаться покоемъ и радостію.

Значеніе самое близкое и простое; но, будучи разсматриваемо въ связи съ цѣлою мыслію, оно можетъ показаться сомнительнымъ. Это доказалъ и опытъ. Многіе даже изъ благонамѣренныхъ людей почитали несообразнымъ съ духомъ ученія Евангельскаго, усвоить такую силу нищимъ, и потому соглашались лучше, подъ именемъ друзей разумѣть три лица Святыя Троицы *), или переводили безлично: *да будете приняты* **), или ограничивали слово *вѣчный* понятіемъ о убѣжищѣ временномъ, каковаго искалъ и приставникъ ***). Въ самомъ дѣлѣ ужели чело-

*) Lightfoot in Hor. Hebr. ad. h. l.

**) Hammondus, Wolfius, Rosenmüllerus ad h. l.

***) Vinterbergius in dissert. de tabernaculis aeter-

вѣкъ, который и самъ долженъ заслуживать участіе въ царствіи Божіемъ токмо живою вѣрою, упованіемъ на благость Божію и неутомимымь упражненіемъ въ добрѣ,—ужели слабый человѣкъ можетъ еще и другимъ отверзать входъ въ обители Отца небеснаго? Внемли, что говоритъ Святый истинный, отверзаяй и затворяяй входъ въ царствіе Божіе: (Апок. 3, 7.) *Никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо Мною.* (Іоан. 14, 6.) Что же могутъ сдѣлать нищіе, облагодѣтельствованные нами? Какъ они пріимутъ насъ въ вѣчные кровы, когда ключь Давидовъ находится въ рукахъ вѣчнаго Царя—Сына Давидова, и никто не отверзетъ, естьли Онъ затворитъ? Предметъ сей стоитъ всего нашего вниманія И поелику въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ не показывается способа, какъ нищіе пріимутъ своихъ благодѣтелей въ вѣчные кровы: то для изъясненія онаго надобно обратиться къ другимъ мѣстамъ Св. Писанія.

Вспомни, другъ бѣдствующаго человѣче-

nis ad Luc. 16, 9. Wackius ad. h. l. Zeune in comment. a Welthus. editis tom. 4.

ства, что говоритъ Апостолъ: *Судъ безъ милости не сотворшему милости.* (Іак. 2, 13.) Слѣдственно сотворшему милость, и судъ будетъ съ милостію: *Блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ.* (Матѳ. 5, 7.) Пренесись мыслію твоею къ тому страшному дню, когда Владыка вселенной будетъ раздѣлять по достоянію, однимъ вѣчный кровъ радости и покоя, другимъ жилище вѣчной скорби и мученія. Вслушайся, кого Царь Судія призываетъ къ наслѣдію своего царствія, и за какія услуги? *Пріидите,* говоритъ Онъ, *благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взалкахся бо, и дасте Ми ясти: возжадахся бо и напоисте Мя: страненъ бѣхъ, и введосте Мя: боленъ, и посѣтисте Мене: въ темницѣ бѣхъ, и пріидосте ко Мнѣ. Аминь глаголю вамъ: понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе.* (Матѳ. 25, 34—36. 40.) Удивляешься ли теперь, какъ нищіе могутъ принять тебя въ вѣчные кровы! Тому удивляйся, какъ велика любовь Іисуса Христа къ человѣкамъ, который за малые услуги наши ближнимъ предлагаетъ

намъ вѣчныя награды; милость къ нищимъ принимаетъ за милость, оказанную Ему Самому, дѣлается Самъ должникомъ милосердыхъ. Естьли ты благотворишь по чистымъ и святымъ побужденіямъ вѣры и любви; естьли знаешь, сколь сильны бываютъ тѣ благословенія, которыя призываетъ на тебя бѣдный отъ полноты благодарнаго чувства, и тѣ молитвы, въ которыхъ онъ и явно и тайно умоляетъ Іисуса Христа, заплатить тебѣ долгъ свой; естьли вѣришь, что Всевѣдущій видитъ искренность любви твоей къ ближнимъ и не можетъ забыть ни одного случая, когда ты облегчалъ тяжкую участь брата: то для тебя не нужно болѣе доказательствъ, могутъ ли нищіе уготовать тебѣ мѣсто въ обителяхъ блаженной вѣчности. Таже вѣра, которая побуждаетъ тебя къ милосердію, объяснитъ и то, что говоритъ Учитель милосердія.

Впрочемъ и для разума нѣтъ здѣсь основательной причины сомнѣваться и прибѣгать къ произвольнымъ догадкамъ. Въ языкѣ Священномъ часто приписывается какому нибудь лицу или вещи такое дѣйствіе, къ

произведенію котораго онѣ или служатъ только поводомъ, (см. Матѳ. 16, 34. 35.) или нѣсколько съ своей стороны способствуютъ, (Іоан. 12, 48. 2 Кор. 4, 4. Дѣян. 13, 46.) или наконецъ соглашаются на справедливость дѣла, совершаемаго другимъ. (1 Кор. 6, 2.) Но какимъ образомъ нищіе могутъ способствовать къ принятію насъ въ царствіе Божіе, это для всякаго понятно. Въ настоящей жизни они доставляютъ намъ удобнѣйшій случай упражнять свою вѣру и укореняться въ любви,—случай доказать нашу покорность волѣ Іисуса Христа, который, бѣдствуя Самъ чрезъ все продолженіе земной жизни, не просилъ у людей помощи для Себя, но, давъ имъ разумѣть, что всегда будетъ бѣдствовать въ лицѣ меньшихъ братій своихъ, убѣждалъ не оставлять сихъ несчастныхъ, подобно Ему, лишенныхъ на землѣ всѣхъ удовольствій. Въ будущей жизни предъ Судіею міра, оправдывающимъ токмо вѣру и вѣнчающимъ любовь, нищіе, облагодѣтельствованные нами, будутъ живымъ свидѣтельствомъ нашей вѣры и любви. Въ семъ-то состоитъ споспѣшествованіе ихъ къ нашему блаженству.

Время, когда благотворительность должна получить обѣщанную награду, опредѣляется словами: *егда оскудѣете.*

Первая мысль, раждающаяся при чтеніи сихъ словъ, есть такая: когда сами обнищаете, подобно приставнику, у котораго отнято строеніе дома. (ст. 3.) Но какая здѣсь разумѣется скудость? Тѣ, которые не хотятъ согласиться, чтобы въ нравственномъ приложеніи заключалось болѣе понятій, нежели сколько находится ихъ въ притчѣ, разумѣютъ здѣсь лишеніе богатства по какимъ нибудь непредвидѣннымъ случаямъ, зависящимъ отъ перемѣны обстоятельствъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сіе справедливо; ибо слова приставника: *егда отставленъ буду отъ строенія дому,* поставлены въ соотвѣтственности съ словами: *егда оскудѣете.* Слѣдственно тѣ и другія слова по значенію своему должны быть сходны; приставникъ, отставленный отъ своей должности, лишился прежняго счастія, и Христіанину—благотворителю угрожаетъ скудость. Но симъ вопросъ еще не разрѣшается. Разсмотримъ упомянутыя слова въ связи съ

цѣлою мыслію, и тогда откроется, о какомъ оскудѣніи Іисусъ Христосъ говоритъ намъ. Въ притчѣ сказано: *Да, егда отставленъ буду отъ строенія дому, пріимутъ мя въ домы своя*; въ нравственномъ приложеніи: *Да, егда оскудѣете, пріимутъ вы въ вѣчныя кровы.* Замѣтимъ, что здѣсь временному убѣжищу, котораго искалъ приставникъ, противуполагаются вѣчные кровы, которыхъ мы должны надѣяться. Слѣдовательно смыслъ нравственнаго приложенія нельзя строго ограничивать смысломъ притчи. Естьли же оно имѣетъ смыслъ высшій: то и въ словахъ: *егда оскудѣете*, надобно искать значенія обширнѣйшаго.

Богатый, кто бы онъ ни былъ, по ученію Іисуса Христа, есть только приставникъ, коему на время Богъ поручилъ земныя сокровища. Посему онъ можетъ лишиться своего богатства, подобно приставнику, упоминаемому въ притчѣ, лишиться навсегда, потому что сіе богатство находится въ распоряженіи у человѣка дотолѣ, пока не снята съ него должность приставника. Это послѣдуетъ въ тотъ роковый часъ, когда

мы должны будемъ разстаться съ самимъ міромъ и при дверяхъ гроба отдать ему все, чѣмъ въ продолженіе жизни отъ него пользовались. Вотъ на какую нищету указываетъ Господь нашъ, когда говоритъ: *егда оскудѣете!* Съ понятіемъ о лишеніи всего, что имѣемъ на землѣ, необходимо соединяется въ умѣ нашемъ понятіе и о смерти; впрочемъ прямымъ образомъ изъ упомянутыхъ словъ нельзя извлекать сего понятія, и тѣ нарушаютъ связь нравоученія съ притчею, которые *ὅταν ἐκλίπητε* переводятъ: *когда умрете* *); ибо въ притчѣ ничего не говорится о смерти.

Смыслъ всего нравоученія такой: И Я вамъ говорю: снискивайте себѣ благосклон-

*) Такъ переводятъ: Ветштеній, Пеарсонъ, Амелій; изъ древнихъ Ѳеофилактъ. Указываютъ обыкновенно на Быт. 25, 8. Прем. Сол. 5, 19. гдѣ слово *ἐκλείπειν* значитъ *умереть*. Но тамъ самый контекстъ не допускаетъ никакого другаго значенія. Свѣтскіе же писатели, хотя употребляютъ сей глаголъ для означенія смерти, но всегда съ прибавленіемъ другихъ словъ—или *βίον* или *ζῆν*. Vid. Lex. Schleusneri v. *ἐκλείπω*.

ность бѣдныхъ посредствомъ тлѣнныхъ сокровищь, дабы они приняли васъ въ вѣчныя обители Отца небеснаго, когда вамъ нужно будетъ оставить все, что теперь льститъ вашей чувственности.

I. И.

IV.

СЛОВО

по случаю пренесенія чрезъ Новгородъ тѣла въ Бозѣ почившей Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Елисаветы Алексіевны, сказанное въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ Преосвященнымъ *Моvсеемъ*, Епископомъ Старорусскимъ, 19 Іюня 1826.

Доколѣ, Господи, прогнѣваешися до конца? доколѣ разжжется яко огнь рвеніе Твое? Псал. 78, 5.

И еще вѣнчанная жертва смерти! и еще гробъ заключающій въ себѣ надежды Отечества! и еще предметъ всеобщаго плача и рыданій!

О Господи! *Доколѣ прогнѣваешися до конца? доколѣ разжжется яко огнь рвеніе Твое?* Ты лишилъ насъ лучшаго изъ Царей земныхъ, оставивъ намъ въ утѣшеніе во-

*

злюбленную Его Супругу; а теперь, такъ скоро лишаешь насъ и сего утѣшенія. Токи слезъ текутъ еще изъ очей нашихъ о потерѣ Александра Благословеннаго; а Ты поражаешь насъ новымъ, жестокимъ ударомъ отъятіемъ отъ насъ смиренныя Елисаветы. Благочестивѣйшій Государь и весь Августѣйшій Домъ, въ благоденствіи коего единственно Россійскій народъ находитъ свое благоденствіе; о благоденствіи коего Россійская Церковь молитъ непрестанно Тебя, Господи, не сокрылъ еще Своего плача и сѣтованія отъ народа, еще облекается одеждою унынія и скорби; а Ты прилагаешь еще скорбь на скорбь въ Автустѣйшемъ Домѣ для Августѣйшаго Монарха къ неописанной скорби Его подданныхъ и самой Церкви. Еще не закрыты слѣды прежняго печальнаго шествія; и вотъ! открылось новое, подобное прежнему. Недавно здѣсь, на семъ мѣстѣ предстоялъ гробъ Благочестивѣйшаго; и вотъ! когда еще печальныя украшенія онаго гроба представляются очамъ и сердцамъ нашимъ, здѣсь на семъ же самомъ мѣстѣ предстоитъ гробъ Благочестивѣйшей. *Доколѣ, Госпо-*

ди, прогнѣвавшися до конца? доколѣ разжжется яко огнь рвеніе Твое?

О гнѣвъ Божій! о смерть человѣческая! какъ вы поразительны! Но при настоящемъ плачевномъ событіи, которое должно быть для насъ поучительно, взойдемъ, печальнѣйшее Собраніе, въ разсмотрѣніе того, что болѣе должно обращать на себя вниманіе, что болѣе должно поражать и сокрушать насъ, *смерть* ли Благочестивѣйшей, или *гнѣвъ Божій*, вновь открывшійся смертію Благочестивѣйшей? И сіе сдѣлаемъ для того, дабы найти намъ источникъ изцѣленія при настоящемъ, плачевнѣйшемъ событіи.

Что такое есть смерть, которая столь много извлекаетъ слезъ изъ очей нашихъ? Смерть есть лишеніе жизни, подобно какъ тьма есть лишеніе свѣта. Какъ жизнь въ человѣкѣ двоякая, по духу и по тѣлу; то и смерть есть двоякая, духовная и тѣлесная. Смерть духовная состоитъ въ прекращеніи духовныхъ дѣйствій въ человѣкѣ, въ разлученіи человѣка отъ Бога. Сія смерть страшна и ужасна; она собственно и един-

ственно у насъ и есть смерть: но впрочемъ, можетъ быть и не страшатся ея; можетъ быть и не помышляютъ о ней; можетъ быть и не знаютъ ея. Смерть тѣлесная состоитъ въ прекращеніи естественныхъ дѣйствій въ человѣкѣ, въ разлученіи души отъ тѣла. Хотя мы всего болѣе страшимся ея; но она сама въ себѣ не имѣетъ ничего страшнаго. Смерть тѣлесная и не есть смерть, а только нѣкое измѣненіе существа человѣческаго, случайное и временное, а не вѣчное и существенное, впрочемъ всеобщее и непреложное, по сему всеобщему закону Божію: *Земля еси, и въ землю отъидеши.* (Быт. 3, 19.) Сими словами Богъ какъ бы такъ сказалъ Адаму: „часть существа твоего, которою ты, какъ гражданинъ и владыка земли, по необходимости соединенъ съ міромъ вещественнымъ, твое тѣло сотворено Мною изъ земли: *земля еси*; впрочемъ и самое тѣло твое, само по себѣ тлѣнное, Я, по собственному Моему къ тебѣ благоволенію въ знаменіе того, что ты украшенъ Моимъ образомъ и владычествуешь надъ землею, изъялъ изъ всеобщаго закона истлѣнія, своего благодатною силою—плодомъ отъ дре-

ва жизни: но поелику ты, желая самъ быть Богомъ, не сохранилъ въ себѣ образа Моего и не воспользовался должнымъ образомъ плодомъ отъ древа жизни, вопреки Моей заповѣди; то Я, не желая отъ Себя удалить тебя всего и навсегда, наказываю тебя удаленіемъ твоимъ отъ Меня токмо на время и притомъ одною только частію—однимъ тѣломъ. Дабы ты помнилъ о своемъ первоначальномъ ничтожествѣ и не гордился предо Мною Моими дарами, то тѣло твое по прошествіи извѣстнаго времени и до извѣстнаго времени предано будетъ землѣ, изъ которой оно составлено: *Земля еси, и въ землю отъидеши.*" По сему закону смерть тѣлесная нынѣ, въ настоящемъ грѣховномъ нашемъ состояніи, есть единственный способъ перехожденія человѣка изъ жизни временной въ вѣчную. Естьли бы естество человѣческое не было повреждено грѣхомъ, за который послѣдовала смерть: то по указанію Священнаго Писанія гадать можно, что и способъ таковаго перехожденія былъ бы особый отъ настоящаго; можетъ быть былъ бы онъ и кратчайшій и легчайшій, безболѣзненный и благоугоднѣйшій. Таковаго пере-

хожденія нынѣ сподобляются нѣкоторые Угодники Божіи, какъ бы для увѣренія насъ въ семъ гаданіи. Такимъ образомъ, кажется, перешли въ жизнь вѣчную изъ временной Ветхозавѣтные Пророки Энохъ и Илія, взятые, по словамъ Писанія, на небо. Таковымъ безъ сомнѣнія образомъ и всѣ живущіе перейдутъ въ жизнь вѣчную при окончаніи Новаго Завѣта, во время втораго пришествія Спасителя нашего, по словамъ Апостола: *Мы живущіи оставшіи, купно съ ними восхищени будемъ на облацѣхъ въ срѣтеніе Господне на воздусѣ, и тако всегда съ Господемъ будемъ.* (1 Сол. 4, 17.) Видите, что въ существѣ человѣческомъ нѣтъ смерти; она послѣдовала въ наказаніе за грѣхъ: *Оброцы грѣха—смерть.* (Римл. 6, 23.) *Богъ же,* по словамъ Премудраго, *смерти не сотвори; Богъ созда человѣка въ неистлѣніе, и во образъ подобія своего сотвори его. Завистію же діаволею смерть вниде въ міръ.* (Прем. 1, 13. 2, 23. 24.) Сіе перехожденіе не надлежало бы даже называть именемъ смерти, какъ и дѣйствительно Церковь наша, таинница небесныхъ истинъ, называетъ сіе *представленіемъ* или *успеніемъ.*

Іисусъ Христосъ, дабы показать, что владычество смерти разрушено Имъ до основанія, видя дщерь Іаира, князя сонмища Іудейскаго, уже совершенно мертвою, называетъ ее токмо успшею; *не умре,* говоритъ онъ, *но спитъ.* (Лук. 8, 52.) При всемъ томъ есть люди, которые ужасаются ея, какъ величайшаго зла въ мірѣ. Отъ чего же такъ? отъ того, что они въ продолженіе своей жизни не помышляютъ о смерти, что они, живя въ семъ мірѣ, дѣйствуютъ для одного только сего міра, не помышляя о другомъ, лучшемъ, а можетъ быть и не зная онаго; отъ того, что они въ семъ мірѣ живутъ единственно или для нѣги или корыстолюбія, или самолюбія; отъ того, что они грѣшники,—а *смерть грѣшниковъ люта.* (Пс. 33, 22.) Она для нихъ есть раскрытіе мученій во всѣхъ ужасахъ; есть перехожденіе отъ страданій—ибо грѣшники, при всемъ ихъ наружномъ спокойствіи, при всемъ даже наружномъ великолѣпіи, внутренно всегда страдаютъ; самый страхъ ихъ смерти есть для нихъ жестокое страданіе, — отъ страданій жестокихъ къ жесточайшимъ, отъ временныхъ къ вѣчнымъ; она есть для нихъ, что

всего ужаснѣе, прекращеніе всякаго способа къ обращенію и окончательное лишеніе благодатнаго въ нихъ присутствія Божія.

Но и самые грѣшники должны страшиться не смерти временной, а грѣха, который раждаетъ смерть; грѣха, который съ минуты ихъ рожденія до самой вѣчности и цѣлую вѣчность содержитъ ихъ во адѣ. Напротивъ смерть тѣхъ, которые въ настоящемъ мірѣ живутъ для міра грядущаго, — смерть праведныхъ, которымъ *еже жити Христосъ, а еже умрети пріобрѣтеніе есть,* (Филипп. 1, 21.) вожделѣнна и утѣшительна. Она переселяетъ ихъ изъ юдоли пришельствія въ страну отечества, изъ жизни временной въ вѣчную, изъ міра вещественнаго въ духовный, изъ юдоли заботъ и скорбей въ царство радости и славы, изъ сожительства съ человѣками въ чистѣйшій сонмъ Ангеловъ и блаженнѣйшее общеніе съ Богомъ, отъ земли на небо. *Блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ отнынѣ: ей, глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ.* (Апок. 14, 13.)

Дерзнемъ простерть взоръ въ тайну жизни Благочестивѣйшей Государыни, сокровенной въ семъ гробѣ; и мы увидимъ, что Она смертію Своею пришла отъ насъ въ блаженнѣйшее состояніе. Ибо временная жизнь Ея была не что иное, какъ пріуготовленіе къ будущей; временная жизнь Ея исполнена Христіанскихъ добродѣтелей, которыми единственно пріобрѣтается блаженное безсмертіе. Хотя глубокое смиреніе Ея — отличительное свойство Благочестивѣйшей и всеобщее свойство всѣхъ Ея добродѣтелей, — сокрываетъ отъ насъ Ея добродѣтели; впрочемъ добродѣтельная жизнь Ея, подобно благовоннымъ растеніямъ, не могла сокрыть всего своего благовонія. Многія тысячи ощущали сіе благовоніе.

Кому не извѣстна молитва Благочестивѣйшей — первое свойство человѣка-Христіанина? Мы не говоримъ здѣсь о внутренней Ея молитвѣ сердца: она извѣстна только Сердцевѣдцу-Богу, который, *видя ее втайнѣ, воздастъ за оную явѣ*; не говоримъ и о той молитвѣ, которую каждодневно совершала Она при служителяхъ Господнихъ

въ дому Божіемъ, въ дому Царевомъ; но скажемъ здѣсь наипаче о той молитвѣ, которую совершала Она во храмахъ Божіихъ, внѣ дома Царева, въ назиданіе Свое и другихъ. Вы, жители престольнаго града, съ благоговѣніемъ взирали на сію молитву и съ благоговѣніемъ передали ее, какъ неоцѣненное сокровище, жителямъ другихъ градовъ Россійскихъ для обогащенія душъ къ незабвенной памяти Боголюбимой Царицы. Вспомните то бѣдственное время, когда Отечество наше страдало отъ иноплеменниковъ, поразившихъ уже самое сердце Отечества; вспомните ту страшную годину искушенія, когда, по видимому, все отъ неистовой дерзости врага у насъ ослабѣвало, кромѣ единаго упованія на Всесильнаго; вспомните, какъ Боголюбимый Царь на полѣ брани воодушевлялъ воинство Свое Своимъ мужествомъ; а тамъ, въ престольномъ градѣ, Боголюбимая Царица Своею молитвою, возносимою то въ знаменитомъ храмѣ престольнаго града, посвященномъ имени Небесной Царицы и украшенномъ усердіемъ Царицъ Россійскихъ, то во храмѣ, украшающемся именемъ единаго изъ Царей Россійскихъ, воз-

буждала мирныхъ гражданъ къ равнодушному перенесенію сего великаго искушенія и къ усердной молитвѣ, *да не до конца прогнѣвается Господь* на народъ Россійскій; да будетъ *искушеніе* сіе *точію человѣческое, да не оставитъ Богъ искуситися ему паче, еже можетъ, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи ему понести.* (1 Кор. 10, 13.) Но не въ одни сіи храмы и не въ одно сіе время всеобщаго бѣдствія, оплакиваемая нами Государыня уединялась для Богомоленія. Молитвенный духъ Ея былъ одинаковъ во всякое время и бѣдствія и благоденствія. Въ самое благоденственное для Россіи время, когда освященныя имена: Александръ и Елисавета, непрестанно переносились изъ устъ въ уста и запечатлѣвались въ сердцахъ Россіянъ, спасенныхъ Царственною ихъ молитвою; когда Александръ Своею Высочайшею Особою возобновлялъ и устроялъ сожженную и до основанія раззоренную врагомъ древнюю Свою столицу, Елисавета тайно покланялась Богу въ мирныхъ духовныхъ Обителяхъ, украшенныхъ и прославленныхъ усер-

діемъ и посѣщеніемъ Особъ Державныхъ и всей Августѣйшей Фамиліи.

Какъ истиное чадо Церкви, Благочестивѣйшая съ молитвою и постъ соединяла, такъ какъ соединяетъ Слово Божіе въ наше наставленіе оныя, какъ двѣ вещи необходимо нужныя для очищенія нашей природы, какъ два крыла для возвышенія души нашей и всего естества нашего къ Богу. Я разумѣю постъ Церковію установленный; тотъ постъ, котораго, не смотря на примѣръ Августѣйшихъ Особъ, многіе изъ сыновъ Православной Церкви не сохраняютъ явно къ явному своему осужденію и соблазну братій.

Дѣло милосердія было обыкновеннымъ дѣломъ милосердой Елисаветы. О семъ свидѣтельствуетъ матернее, неусыпное попеченіе, коимъ пользовались человѣколюбивыя учрежденія, находившіяся подъ Ея высокимъ покровительствомъ; о семъ свидѣтельствуютъ всѣ, кои когда либо прибѣгали къ Ея, всегда Монаршимъ, щедротамъ. Любовь къ бѣднымъ и вообще состраданіе

къ страждущему человѣчеству такъ исполняли Ея сердце, что Она жертвовала не только Своимъ имуществомъ, но и собственнымъ своимъ занятіемъ въ пользу страждущаго человѣчества. Вспомните еще, печальнѣйшее Собраніе, ту годину великаго нашего отечественнаго искушенія, а съ симъ вмѣстѣ вспомните и то, какъ Благочестивѣйшая собственными Своими руками пріуготовляла врачевство для болящаго Россійскаго воинства. Не сокроемъ здѣсь и того, что впрочемъ по волѣ Благочестивѣйшей сокрыто было глубокимъ молчаніемъ до послѣднихъ дней Ея жизни, что Она по кончинѣ Благочестивѣйшаго послѣднее время Своей жизни употребила на вспоможеніе страждущему человѣчеству. Движимая милосердіемъ, или паче благоговѣніемъ къ храмамъ Божіимъ, Она великія оказывала милости духовнымъ Обителямъ, великимъ и малымъ, ближайшимъ и отдаленнымъ.

Что сказать намъ о Ея кротости? Кротость соименна Елисаветъ. Имя кротости есть едино съ именемъ Елисаветы. Въ Елисаветъ видимъ осуществленіе кро-

шости. Воззрѣшь на Елисавету значило воззрѣшь на самую крошость.

Къ необыкновеннымъ душевнымъ свойствамъ надобно ошнесши и шо, чшо Елисавета была Супругою Александра. Александръ былъ радованіемъ не одной Россіи, не шолько Европы, но и цѣлаго міра, когда Онъ послѣ скорбнаго времени водворилъ миръ всемірный. Какоежъ должно бышь величіе духа въ Елисаветѣ, соучасшницѣ въ ошечесшвенныхъ радосшяхъ и скорбяхъ Александра! Сего одного было бы довольно, чшобы Елисаветѣ содѣлашься безсмершною.

Но паче всѣхъ, доселѣ нами показанныхъ, добродѣшелей благоухаешъ въ вершоградѣ духовномъ и паче всѣхъ благоугоднѣе Господу Ея великодушіе,—мужесшвенное перенесеніе великихъ искушеній; ибо Господь нигдѣ сшоль вѣрнаго своего изображенія не находишъ, какъ въ искушаемыхъ. Слово Божіе прешерпѣвшихъ искушенія называешъ блаженными и удосшовѣряешъ въ полученіи ими вѣнца блаженной жизни: *Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе: зане искусенъ*

бывъ пріиметъ вѣнецъ жизни. (Іак. 1, 12.) Что можетъ быть вожделѣннѣе для родителей, какъ имѣть потомство; напротивъ, что можетъ быть горестнѣе для родителей, какъ не имѣть потомства? Слово Божіе особеннымъ, хотя не единственнымъ, Божіимъ благословеніемъ почитаетъ умноженіе потомства; Священные Писатели Божіе къ Избраннымъ благоволеніе нерѣдко изъявляли обѣтованіемъ умножить ихъ сѣмя, *яко звѣзды небесныя и яко песокъ вскрай моря.* Святый Царь Давидъ, сподобившійся сего Божія благословенія, описавъ блаженное состояніе мужа праведнаго, окруженнаго у трапезы своея благодатными дѣтьми, яко новосажденіемъ масличнымъ, наконецъ восклицаетъ: *Тако благословится человѣкъ боящйся Господа.* (Пс. 127, 5.) Посему какое искушеніе для Вѣнценосцевъ, не имѣть потомства! Богъ благословилъ небеснымъ своимъ благословеніемъ Александра и Елисавету; но Елисавета, подобно той праведной Елисаветѣ, женѣ Захаріевой, *бѣ неплоды.* Богъ по особенной своей милости даровалъ Ей земное царство; но тотъ же милосердый Богъ безъ сомнѣнія для удоб-

нѣйшаго наслѣдованія царства небеснаго ниспосылаетъ Ей величайшее искушеніе — не имѣть чадъ; не имѣть того, чѣмъ благословляетъ Богъ послѣдняго изъ Ея подданныхъ. Подданные имѣютъ чадъ для себя самихъ, или и для Отечества, но для извѣстнаго какого либо частнаго служенія оному; Цари имѣютъ чадъ для всеобщаго благоденствія Отечества; и столь нужныхъ для всего Отечества чадъ не даруетъ Богъ нашей Августѣйшей Елисаветѣ. Какое искушеніе для Вѣнценосцевъ!—Но Господь утѣшаетъ искушаемую; разрѣшаетъ неплоды; благословляетъ плодъ чрева Ея. Впрочемъ едва Августѣйшіе Родители ощутили сіе Божеское утѣшеніе, какъ новому подвергаются искушенію; съ жизнію Августѣйшей Дщери Господь отъемлетъ утѣшеніе у Августѣйшихъ Родителей. Въ семъ искушеніи Господь снова посылаетъ утѣшеніе искушаемымъ, дарованіемъ Имъ другой дражайшей Дщери; но засимъ новымъ утѣшеніемъ, которое впрочемъ было продолжительнѣе прежняго, послѣдовало продолжительнѣйшее и величайшее искушеніе въ отшествіи и сея Дщери ко Господу; искушеніе, которое продолжалось цѣ-

лую жизнь; искушеніе, въ которомъ облегченія искушаемая искала въ единой молитвѣ къ Богу. Такимъ образомъ Господь искушая и утѣшая, но болѣе искушая, пріуготовлялъ только Августѣйшую къ перенесенію другихъ большихъ и тягчайшихъ искушеній. Скорбь ли Августѣйшей, произшедшая отъ тяжести искушенія нами здѣсь упомянутаго была причиною, или другія искушенія, нисспосланныя Ей отъ Бога для умерщвленія внѣшняго Ея человѣка, да обновится внутренній,—Она постепенно изнемогала и наконецъ изнемогла во внѣшнихъ жизненныхъ силахъ Своихъ до того, что не могши найти въ престольномъ градѣ врачевства для возстановленія оныхъ, ищетъ онаго въ другомъ отдаленномъ градѣ обширнѣйшаго Отечества нашего. Крѣпкая, яко смерть, любовь увлекаетъ за Нею Августѣйшаго Ея Супруга. И вотъ! для нея новое, неслыханное искушеніе! Возлюбленный Супругъ, въ вождѣлѣнномъ здравіи ища здравія возлюбленной болящей Супругѣ, лишается собственной жизни въ очахъ Супруги. Кто можетъ изобразить скорбь Супруги *совершенно одной*, по собственному Ея выраженію, *оста-*

*

вленной въ семъ мірѣ скорбей? Можно ли выразить то скорбное чувство болящей, съ каковымъ Она собственными руками закрываетъ на вѣкъ очи Усопшему? Какой великій духъ покажетъ намъ то великодушіе, съ каковымъ Она въ послѣдній разъ взирала на драгоцѣнныя останки возлюбленнаго Своего, и въ тоже время Своимъ мужественнымъ перенесеніемъ сего величайшаго искушенія воодушевляла другихъ мужествомъ? Кто взвѣситъ тяжесть сердца происходящую отъ того, что Она не слѣдуетъ въ престольный градъ за гробомъ Своего возлюбленнаго Супруга, который сопровождалъ Ее изъ сего града на мѣсто собственныя смерти? Какой проницательный умъ откроетъ то, что происходило въ сердцѣ Ея при одномъ представленіи, что путь отъ края и до края обширнѣйшаго Отечества, вмѣсто торжественныхъ восклицаній, каковыми обыкновенно сопровождалось шествіе Царево, орошается весь слезами при срѣтеніи и сопровожденіи Благочестивѣйшаго изъ Царей? Къ симъ горестнымъ чувствованіямъ присоедините, достопочтенные Слушатели, тѣ благочестивыя и спасительныя чувствованія, которыя

раждались въ Ея сердцѣ отъ оныхъ горестнѣйшихъ; которыя свидѣтельствуютъ намъ о великодушномъ Ея перенесеніи сихъ горестей и о спасительныхъ дѣйствіяхъ оныхъ; которыя ясно показываютъ намъ, что сіи горести пріуготовляли и пріуготовили сердце Ея въ жертву живу живому Богу; присоедините, говорю, то, какъ Благочестивѣйшая, посредствомъ сихъ искушеній очистивъ Свой духъ отъ земнаго, ясно созерцала небесная,—какъ ясно созерцала Она блаженство Августѣйшаго усопшаго, называя *Его счастливымъ и созерцающимъ лучшая, нежели что есть на землѣ*; какъ истинно знала свойство настоящаго міра, называя его *міромъ скорбей*; какъ Она истаевала желаніемъ соединиться съ Господомъ; какъ Она, слѣдуя примѣру Апостола Павла, единственное свое утѣшеніе находила въ томъ, дабы скорѣе изъ сего міра прейти къ Господу. Между тѣмъ, какъ великій духъ Ея столь мужественно проходилъ путь искушеній и готовъ уже былъ прейти ко Господу, слабое Ея тѣло ослабѣвало еще болѣе, и ослабѣло до того, что едва не окончилось земное бытіе Ея: но душевныя Ея

искушенія еще не окончились; онѣ сопровождали Ее до гроба и, вѣроятно, низошли съ Нею во гробъ. Мысль о Своей кончинѣ, имѣющей скоро послѣдовать тамъ, гдѣ последовала кончина Благочестивѣйшаго; тамъ, въ отдаленной странѣ, въ отдаленіи отъ всего Августѣйшаго Дома; тамъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, которое изъ всѣхъ Россійскихъ областей было избрано мѣстомъ врачеванія для Благочестивѣйшей, но которое кончиною Благочестивѣйшаго содѣлалось мѣстомъ горестнѣйшаго воспоминанія; мысль, что тотъ же путь, который недавно орошенъ былъ слезами вѣрныхъ сыновъ Россіи при срѣтеніи успшаго Августѣйшаго Супруга, будетъ орошенъ слезами тѣхъ же сыновъ Россіи при срѣтеніи успшей Августѣйшей Супруги; сія горестнѣйшая мысль, какъ изощренная стрѣла, пронзала душу Ея. Не сіе ли самое побудило болящую оставить оное плачевнѣйшее мѣсто и слѣдовать въ покойнѣйшее? Но судьбами Вышняго опредѣлено: не вкушать Ей покоя во времени; Она на пути къ сему временному покою перешла въ покой вѣчный, болѣе Ею желанный и болѣе для Нея

вожделѣнный. Такъ, печальнѣйшее Собраніе! Она перешла теперь въ вѣчный покой, который Она заслуживала скорбями настоящей жизни; она теперь ближе ко Господу; Она теперь съ Самимъ Господомъ. *Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе; зане искусенъ бывъ, пріиметъ вѣнецъ жизни. Блажени умирающіи о Господѣ отнынѣ; ей, глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ.*

А когда такъ, когда такъ блаженна кончина Благочестивѣйшей: что же заставляетъ насъ проливать слезы при сей блаженной кончинѣ? Ахъ, Слушатели, не отзывается ли въ сердцахъ вашихъ гласъ, исходящій изъ сего гроба, или паче повтореніе гласа, который первоначально произнесенъ и обращенъ былъ къ Іерусалимскому народу, когда сопровождало Іисуса Христа на крестную смерть Его великое множество народа и женъ, которыя плакали и рыдали о Немъ,—повтореніе гласа Іисусова: *Дщери Іерусалимски, не плачитеся о Мнѣ, обаче себе плачитѐ и чадъ вашихъ;* (Лук. 23, 28.) не отзывается ли въ сердцѣ ва-

шемъ, дщери новаго Іерусалима, души Христіанскія, предстоящія гробу сему, плачущія и рыдающія о Сокровенной въ семъ гробѣ? Не слышите ли вы сего повтореннаго гласа изъ устъ Елисаветы, обращеннаго ко всѣмъ Россійскимъ сынамъ и дщерямъ: Сыны и дщери возлюбленной мною Россіи! *не плачитеся о Мнѣ*; вы знали жизнь Мою; Я жила для васъ о Господѣ, къ которому теперь отхожу съ вѣрою; впрочемъ смерть Моя есть для васъ наставленіе, грозное наставленіе, которое должно извлечь слезы изъ очей вашихъ; *обаче себе плачите и чадъ вашихъ*.

Повинемся гласу Ея, или паче повинемся Господней заповѣди сокрушенія о себѣ самихъ: *себе плачите и чадъ вашихъ*. Мы видѣли, что смерть есть токмо прехожденіе изъ жизни временной въ вѣчную и сама въ себѣ не имѣетъ ничего страшнаго даже и для тѣхъ, которые страшатся ея; ибо они, собственно говоря, должны страшиться не смерти, а грѣха, который раждаетъ смерть. Знаемъ и то, что смерть каждаго человѣка зависитъ отъ воли Божіей, безъ

коей *и власъ главы нашея не погибнетъ*; знаемъ, что Господь *мертвитъ и живитъ, низводитъ во адъ и возводитъ*; (1 Цар. 2, 6.) исповѣдуемъ, что обыкновенный предѣлъ жизни человѣческой, по опредѣленію Божію, простирается до семидесяти, до осмидесяти лѣтъ и болѣе; впрочемъ Богъ по неисповѣдимымъ для насъ судьбамъ своимъ иногда благоугодившихъ Себѣ преждевременно восхищаетъ на небо, *да не злоба измѣнитъ разумъ ихъ, или лесть прелститъ душу ихъ*; (Прем. 4, 11.) иногда переселяетъ къ Себѣ иныхъ въ наказаніе другимъ, какъ Онъ наказывалъ строптивый народъ Іудейскій смертію достойныхъ и Царей и Судей онаго. Присоединимъ къ сему и то, что правосудный Богъ кромѣ вѣчнаго, въ вѣчномъ мірѣ, наказанія; кромѣ и временнаго, совершающагося невидимымъ угрызеніемъ совѣсти, наказываетъ неправедныхъ разными видимыми бѣдствіями, когда не находитъ другихъ средствъ къ ихъ исправленію. Посему что значитъ теперь преждевременная кончина Великой Государыни нынѣ нами оплакиваемой? Что значитъ преждевременная и никакъ неожиданная кончина Великаго Госу-

даря еще нами оплакиваемаго? Что значитъ блаженная кончина и Благочестивѣйшаго и Благочестивѣйшей,—кончина одна за другою вскорѣ или даже въ одно почти время послѣдовавшая? Разумѣваемъ ли мы сіе? Это гнѣвъ Божій; гнѣвъ Божій есть сіе, Слушатели, *открывающійся съ небесе на всякое нечестіе и неправду человѣковъ, содержащихъ истину въ неправдѣ.* (Римл. I, 18.) Убо *плачите себе,* сынове Россійстіи, *и чадъ вашихъ;* гнѣвъ Божій поражаетъ насъ. Взойдемъ въ самихъ себя; осмотримъ прилѣжно, стоилиль мы попеченія, какое имѣли о насъ Благочестивѣйшіе, нынѣ отъ насъ отходящіе; содѣйствовали ли мы сему попеченію точнымъ исполненіемъ Высочайшей воли; не противились ли мы волѣ Благочестивѣйшихъ, назидавшей наше благосостояніе, неисполненіемъ оной. Увы! чего не найдемъ здѣсь, въ своемъ сердцѣ, въ семъ нечистомъ источникѣ, изъ котораго происходятъ помышленія злая по вся дни? Здѣсь свѣтлымъ окомъ совѣсти мы увидимъ всѣ свои неправды, за которыя Богъ поражаетъ насъ теперь отъятіемъ Помазанныхъ своихъ. Убо *плачите себе и чадъ вашихъ.*

Богъ поразилъ насъ потопленіемъ престольнаго града, но мы не исправились. Богъ поразилъ насъ преждевременною и нечаянною кончиною лучшаго изъ Царей; но мы, какъ строптивыя дѣти, послѣ нѣкотораго рыданія и плача по причинѣ сего жесточайшаго пораженія паки возратились къ прежнему своему житію. Богъ поразилъ насъ попущеніемъ нѣкоторымъ сынамъ, а паче извергамъ Отечества нашего, возмечтать о буйной свободѣ, угрожавшей разрушеніемъ цѣлому Отечеству; но мы и при семъ пораженіи болѣе, кажется, изумились, нежели исправились, ибо и послѣ сего, Богъ еще поразилъ насъ настоящимъ бѣдствіемъ—кончиною **Благочестивѣйшей**. Всѣ сіи пораженія сильны, необыкновенны; всѣ сіи пораженія скоро послѣдовали одно за другимъ. Уразумѣлиль мы оное время гнѣвнаго посѣщенія Господня? Разумѣемъ ли подлинно настоящее посѣщеніе? *Плачите себе и чадъ вашихъ*.

Естьли мы не уразумѣемъ сего гнѣвнаго посѣщенія Божія, и своихъ неправдъ, по причинѣ которыхъ вземлются отъ насъ праведные, не смоемъ слезами истиннаго покаянія:

што горе намъ и чадамъ нашимъ. Неправды наши возрастутъ еще болѣе, а съ ними возрастетъ и гнѣвъ Божій, а съ гнѣвомъ Божіимъ и наше бѣдствіе, бѣдствіе не точію наше, но всего нашего потомства. Богъ сколько милосердъ къ кающимся, столько же правосуденъ къ нераскаяннымъ; *Онъ отдаетъ грѣхи Отцевъ на чада, и на чада чадъ.* (Исх. 20, 5.) *Плачите себе и чадъ вашихъ.*

Что убо сотворимъ, пораженные Россіяне, теперь предъ столь гнѣвнымъ лицемъ Божіимъ? Гнѣвъ Божій поражаетъ и наставляетъ. Внемлемъ Божескому наставленію; съ истиннымъ сознаніемъ своихъ неправдъ и твердою рѣшимостію исправленія прибѣгнемъ къ Богу, моля Его: утоли гнѣвъ Твой, Господи, на рабы Твоя; помедли днемъ правосудія Твоего; намъ нуженъ день нашего сѣтованія; дай намъ оплакать себе самихъ. Молимъ Тя, Человѣколюбче, утоли гнѣвъ Твой на кающіяся рабы Твоя ради сихъ праведныхъ, которыхъ Ты вземлешь отъ лица неправды нашей. Вмѣсто сихъ печальныхъ, погребальныхъ пѣній даждь намъ, Господи, да воспоемъ скоро Тебѣ пѣснь новую, тор-

жественную въ славу Царя новаго, къ успокоенію всего Августѣйшаго Дома, къ благоденствію всего любезнаго Отечества. Аминь.

V.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ПЯТЬДЕСЯТНИЦЫ.

И исполнишася вси Духа Свята. Дѣян. 2, 4.

Не одинъ духъ міра господствуетъ въ области міра; еще въ тѣ времена, какъ земля наполнена была идолами, и міръ управлялся духомъ льсти и злобы, Духъ Божій, Духъ Святый снизшелъ на землю торжественнымъ и видимымъ образомъ. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, предъ своимъ отшествіемъ на небо, обѣщалъ ученикамъ своимъ иного вмѣсто Себя Утѣшителя: *Егда пріидетъ Утѣшитель,* говорилъ Онъ, *Егоже Азъ послю вамъ отъ Отца, Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ, Той свидѣтельствуетъ о Мнѣ.* (Іоан. 15, 26.) Сей обѣтованный Духъ и явился на землѣ въ пятидесятый день по Его воскресеніи, и исполнилъ Собою малую Церковь Его, состоявшую только изъ ста двадесяти душъ. *И исполнишася вси Духа Свята.*

Чтобы представить, Слуш., во всей ясности сіе торжественное сошествіе Святаго Духа на землю, и вполнѣ насладиться радостію при воспоминаніи онаго; то надобно перенестись на время мыслію во градъ Іерусалимъ, толико славный святынею и знаменіями небесъ. Тамъ для Іудейскаго праздника Пятидесятницы находились *мужіе благоговѣйніи отъ всего языка, иже подъ небесемъ;* (Дѣян. 2, 5.) тамъ же и Апостолы съ немногими вѣрующими, по заповѣди Господа, пребывали единодушно вкупѣ, дондеже облекутся силою свыше; въ сіе-то время, по особому устроенію Божію, *бысть внезапу съ небесе шумъ яко носиму дыханію бурну, и исполни весь домъ, идѣже бяху сѣдяще* Апостолы; въ сіе-то время *исполнишася вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, якоже Духъ даяше имъ провѣщавати.* (Дѣян. 2, 2. 4.) Представьте, Слуш., чрезвычайное движеніе воздуха, потрясшее храмину и сердца учениковъ Христовыхъ; представьте, какъ Духъ Святый, въ слѣдъ за дыханіемъ бурнымъ видимо въ образѣ огненныхъ языковъ низпускается съ небесъ, возсѣдаетъ на главѣ каж-

даго изъ нихъ, и столь глубоко ихъ проникаетъ, что они вдругъ начинаютъ говорить *странными языки, странными глаголы*; представьте наконецъ смятеніе и удивленіе иностранцевъ, говорящихъ другъ ко другу о нихъ: *Не се ли вси сіи суть глаголющіи Галилеане? И како мы слышимъ кійждо свой языкъ нашъ, въ немже родихомся, Пареяне и Мидяне и Еламите, и живущіи въ Месопотаміи, во Іудеи же и Каппадокіи, въ Понтѣ и во Асіи, во Фригіи же и Памфиліи, во Египтѣ и странахъ Ливіи, и приходящіи Римляне, Критяне и Аравляне,—како слышимъ ихъ глаголющихъ нашими языки величія Божія? Что убо хощетъ сіе быти?* (Дѣян. 2, 8—12.)

Послѣ сего нѣтъ нужды доказывать истину онаго событія; ибо она очевидна сама по себѣ; нѣтъ нужды говорить, что Духъ Святый является не въ однихъ языкахъ, и не всегда чувственнымъ образомъ; что Онъ не въ однихъ обиталъ Апостолахъ, но обитаетъ и въ каждомъ сынѣ Церкви, въ каждомъ вѣрующемъ. Мы разсмотримъ главныя черты или свойства Духа Божія,

дабы познать, сколь велико благословеніе Отца небеснаго въ низпосланіи намъ Онаго. И такъ что есть Духъ Божій?

Духъ Божій есть Духъ *истины*; такъ нарекъ Его Самъ Іисусъ Христосъ, Единородный Сынъ Божій, сый въ лонѣ Отчи: *Егда пріидетъ Онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину.* (Іоан. 16, 13.) Дабы увѣриться въ справедливости сего положенія, довольно обратить вниманіе на Его дѣйствія въ обращеніи рода человѣческаго на путь истины. Отверзть очи языкамъ, сѣдящимъ во тьмѣ и сѣни смертной, разрушить царство лжи и заблужденій, изобличить суевѣріе и лицемѣріе однихъ, невѣріе и беззаконія другихъ, уничижить буйную философію, обнажить тщетную лесть земной мудрости, истребить предразсудки, измѣнить царствовавшіе обычаи, произвесть всеобщую перемѣну въ умахъ и сердцахъ, обратить всѣхъ отъ идолослуженія и суеты къ почитанію Единаго Бога, и во всѣхъ странахъ міра водрузить знаменіе креста, толико спасительнаго,—все сіе не Духа ли Божія было дѣло? Послѣ того, какъ Онъ водво-

рился въ сердцахъ и устахъ Апостоловъ, съ какою силою проповѣдывали они Евангеліе спасенія? Красныя ноги ихъ обтекли вселенную, а сила слова остраго, какъ мечь, и тонкаго, какъ огнь, кого ни касалась, проникала до раздѣленія души и духа, членовъ и мозговъ, и разрѣшала помышленія и мысли сердечныя. Одна проповѣдь Петра, — и три тысячи душъ обращаются къ Богу; еще проповѣдь—и пять тысячь дѣлаются поклонниками Распятаго; еще нѣсколько Божественныхъ поученій—и міръ исповѣдуетъ свои грѣхи предъ Богомъ, и міръ узнаетъ истину, узнаетъ Бога и Спасителя своего.

Впрочемъ дѣйствія Святаго Духа во вселенной начались не со дня сошествія Его въ видѣ языковъ; Онъ обиталъ на землѣ прежде, обитаетъ и нынѣ. Не Онъ ли въ древнія времена проповѣдывалъ людямъ чрезъ Пророковъ и другихъ избранныхъ мужей истину Божію и путь спасенія? Не Онъ ли раскрывалъ предъ ними недовѣдомыя судьбы Промысла, поучалъ Царей и народы, изъяснялъ и внушалъ законы правды небесной, обличалъ пороки и заблужденія, и охранялъ

Церковь Божію отъ нечестія? Не Онъ ли родамъ прошедшимъ, въ утѣшеніе, или въ подкрѣпленіе вѣры, изрекалъ тайны Божественнаго домостроительства, сокрытыя отъ вѣкъ и отъ родовъ, возвѣщалъ то, чего око не видало, ухо не слыхало, и что на сердце человѣку никогда не приходило? Не Онъ ли и нынѣ наставляетъ каждаго на землю правую, на путь заповѣдей Господнихъ, которыя однѣ суть свѣтильникъ ногамъ праведника, и свѣтъ стезямъ его?

Что сдѣлалъ бы разумъ, сей слабый свѣтильникъ свѣта, естьли бы не былъ просвѣщаемъ и подкрѣпляемъ силою Вышняго? Что сдѣлалъ бы сей слѣпый водитель слѣпыхъ, естьли бы не были отверзаемы и прочищаемы ему очи откровеніями Божественными? Онъ самъ по себѣ и низокъ, и гордъ; низокъ,—ибо въ своихъ сужденіяхъ и умствованіяхъ подчиняется вымысламъ воображенія и страстямъ сердца; гордъ,—ибо нерѣдко возносится на разумъ Божій, рѣшительно утверждая, или упорно защищая нелѣпые свои вымыслы. Духъ Божественной истины, смиряя и возвышая его, и облекая

своею силою, вводитъ его во святилище истины, которой тщетно ищетъ въ стихіяхъ міра.

Посему помышляетъ ли Христіанинъ, *елика суть истина, елика честна, елика праведна, елика доброхвальна,* сіе помышленіе есть плодъ Духа Божія; созерцаетъ ли красоту и величіе Божества, мудрствуетъ ли горняя и Божественная-сіе мудрованіе есть мудрованіе того же Духа; наконецъ исповѣдуетъ ли Іисуса Христа во плоти пришедша исповѣданіемъ твердымъ, святымъ, и Богоугоднымъ, — сіе исповѣданіе есть плодъ того же Духа истины, ибо по Писанію, *никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ;* (1 Кор. 12, 3.) кратко сказать, когда только существовала на землѣ истина, когда только были люди управляемые ею въ своихъ сужденіяхъ и чувствіяхъ, то были просвѣщаемы и научаемы Духомъ Божіимъ, который вездѣ сый вся исполняетъ.

Сей же Духъ Божій, который есть Духъ истины, есть вмѣстѣ и Духъ *любви.* Именемъ

любви называютъ его Богомудрые мужи по отношенію къ прочимъ лицамъ Божества; тоже утверждаетъ и Слово Божіе по отношенію къ тварямъ: *Яко любы Божія изліяся въ сердца наша Духомъ Святымъ даннымъ намъ; плодъ духовный есть любы;* (Римл. 5, 5.) *елицы Духомъ Божіимъ водятся, сіи суть сынове Божіи. Не пріясте бо духа работы паки въ боязнь, но пріясте Духа сыноположенія, о немже вопіемъ: Авва Отче.* (Рим. 8, 14. 15.) Чтобы дѣйствительно могли мы съ сыновнимъ дерзновеніемъ обращаться къ Отцу небесному, чтобы не устами только, но и дѣломъ, постоянно и въ чистотѣ совѣсти служить Ему, — для того потребна намъ помощь Божественная. Въ законѣ сказано: *Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всею мысліею твоею;* (Матѳ. 22, 37.) но кто разрушитъ тѣ узы, которыми мы привязаны къ самимъ себѣ и къ землѣ? Кто обратитъ наше сердце, нашу душу, нашу мысль отъ земли къ небу, отъ тлѣнія къ нетлѣнію, отъ благъ временныхъ ко благу вѣчному? Кто сообщитъ намъ огнь любви Божіей, возжетъ въ насъ

собственную любовь къ Богу, ежели не всемощная благодать Того, кто отъ Бога исходитъ, и все къ Богу привлекаетъ? Въ законѣ сказано: *Возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе*; (ст. 32.) но любить ближняго своего, какъ самаго себя, сколь трудно для человѣка самолюбиваго? Любовь къ ближнему, равносильная любви къ самому себѣ, требуетъ многихъ пожертвованій со стороны нашей,—но сколь непріятны и трудны сіи пожертвованія для плоти? Не тотъ же ли Духъ Божій, который творитъ насъ сынами Божіими, творитъ и братьями между собою, свято хранящими единеніе духа и права родства духовнаго? Не Онъ ли смягчаетъ наши сердца, раждаетъ въ нихъ чувствія любви, совершаетъ и самыя дѣла любви? Естественное сострастіе къ подобнымъ себѣ не можетъ произвесть искренней къ нимъ любви, ибо естественное же самолюбіе всегда сильнѣе сострастія къ другимъ. Кто же даетъ Христіанину духъ самоотверженія, духъ любви, духъ благотворенія, ежели не присносущный Духъ любви Божіей?

Наконецъ Духъ Божій есть духъ *Святы-*

ни. Онъ не только святъ Самъ по Себѣ, но и все, что именуется святымъ въ тваряхъ, дѣлается таковымъ Его наитіемъ и благодатію. Онъ есть сила, все очищающая и освящающая; или, по выраженію одного Богослова, Онъ *и чиститъ и свѣтлитъ, и свѣта творитъ причастниками всѣхъ теплѣ кающихся.* Чѣмъ отличалась бы Церковь отъ прочихъ человѣческихъ обществъ, естьли бы въ ней не почивалъ Духъ Божій? Что были бы ея таинства, ея постановленія, самое ученіе, естьли бы все то не было запечатлѣно печатію того же Духа? Что было бы самое Христіанство, естьли бы то, что пріобрѣтено кровію Христа, не было обращаемо въ собственность вѣрующему непосредственнымъ дѣйствіемъ благодати? Какъ можно было бы назвать вѣрующихъ *родомъ избраннымъ, царскимъ священіемъ, языкомъ святымъ, людьми обновленія,* естьли бы не обиталъ въ нихъ Святый Святыхъ и вся освящающій? *Не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте?* (1 Кор. 3, 16.) говоритъ Апостолъ; но храмомъ Божіимъ не иначе можетъ сдѣлаться человѣкъ, какъ когда Духъ благодати очиститъ его духъ, душу и тѣло отъ

скверн грѣховныхъ, освятитъ всѣ силы и способности естества его; ибо въ обители Божіей должно быть все чисто и свято. Апостолы, Пророки, Мученики, Исповѣдники и всѣ Праведники, просіявшіе святостію жизни, освящены были тѣмъ же Духомъ святыни, безъ котораго ни что не святится не только на землѣ, но и на небѣ.

И такъ, Слуш., всеблагій Богъ, даровавъ намъ Духа своего, даровалъ *истину*, даровалъ *любовь*, даровалъ *святость*. Коль высоки сіи блага, коль велико благодѣяніе небесъ! Истина всего сильнѣе въ мірѣ,—кто не пожелаетъ быть ей другомъ? Любовь есть вѣнецъ и красота вѣры,—кто не возлюбитъ ее, кто не послѣдуетъ ея влеченію? Святость есть союзъ добродѣтелей и залогъ вѣчнаго блаженства, кто не пожелаетъ быть святымъ и блаженнымъ? Богъ столько милосердъ къ намъ, столько печется о насъ, что не только далъ Сына своего Единороднаго, но и Духа своего Превѣчнаго, Всесвятаго: что еще осталось у Него, что можно было бы дать намъ? Кажется истощились Божественныя Его сокровища,—кажется ни-

чего не осталось на небѣ, чего бы Онъ не далъ намъ на землѣ.

Но мы, можетъ быть, не только ничѣмъ не соотвѣтствуемъ симъ благодѣяніямъ Божіимъ, не только не поступаемъ такъ, какъ повелѣваетъ Духъ Божій, но и удаляемся Его, презираемъ Его дары и святыню. Пусть открыто не укоряемъ Его, не безчестимъ благодати, но и тайное пренебреженіе даровъ небесныхъ, или нерадѣніе—слѣдовать внушеніямъ вышнимъ,—Богопротивно. Духъ истины намъ вопіетъ: вѣруй въ Господа Іисуса вѣрою живою, постоянною, не прелагайся въ наученія странна и различна, не сообразуйся вѣку сему, но преобразуйся обновленіемъ ума твоего. Духъ любви говоритъ: люби Господа твоего паче всего и всѣмъ существомъ твоимъ,—люби ближняго какъ самаго себя, люби и враговъ твоихъ. Духъ святыни вѣщаетъ: будь святъ и совершенъ, какъ святъ Отецъ твой небесный,—*тако да просвѣтится свѣтъ* твой *предъ человѣки, яко да видятъ добрая дѣла* твоя *и прославятъ Отца* твоего, *иже на небесѣхъ*, (Матѳ. 5, 16.) Но ежели мы вѣруемъ

во Іисуса только вѣрою хладною и нетвердою; ежели мы охотнѣе сообразуемся съ духомъ міра и времени, нежели съ Духомъ Господнимъ; ежели рѣдко помышляемъ о Богѣ и о благѣ ближнихъ; ежели наконецъ печемся только о внѣшнемъ благоденствіи своемъ, но о исправленіи сердца, очищеніи души отъ грѣховъ и украшеніи ея образомъ Божіимъ нимало не думаемъ: то есть ли въ насъ вниманіе Божественнымъ внушеніямъ Святаго Духа, есть ли послушаніе и повиновеніе гласу Божественнаго званія? Не укоряемъ ли мы тогда Духа Божія, не гнушаемся ли Его благостынею и дарами, подобно *жестоковыйнымъ Іудеямъ, которые присно Духу Святому противились?* (Дѣян. 7, 51.)

Христіанинъ! вспомни при семъ, какъ великъ грѣхъ противленія Духу благодати, Духу Божію! Ананія и Сапфира, только утаившіе отъ цѣны проданнаго ими села предъ Апостолами, полными Духа, поражены были смертію чрезъ слово Петра; а причину того самъ Апостолъ изъясняетъ сими словами: *Ананіе, почто исполни сатана сердце твое солгати Духу Святому и утаити отъ*

цѣны села? не человѣкомъ солгалъ еси, но Богу. (Дѣян. 5, 3. 4.) Ежели за единовременный обманъ подверглась таковой казни оная чета, то что будетъ тѣмъ, которые во всю жизнь свою не внимаютъ глаголамъ истины и внѣ и внутрь насъ вопіющей, водяшся духомъ льсти и нечестія? Іисусъ Христосъ сказалъ: *Всякъ грѣхъ и хула отпустится человѣкомъ: а яже на Духа хула, не отпустится человѣкомъ. И иже аще речетъ слово на Сына человѣческаго отпустится ему: а иже речетъ на Духа Святаго, не отпустится ему, ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій.* (Матѳ. 12, 31. 32.) Коль страшенъ приговоръ сей! Коль жестоко слово сіе: нѣтъ прощенія хульнику Святаго Духа во всю вѣчность!

Чтобы не исполнился надъ нами приговоръ сей, Слуш., то да послѣдуемъ Духу Христову усердно и безпрекословно. Для насъ легко послѣдованіе сіе; ибо Духъ Божій всегда при насъ, всегда къ намъ близокъ. Намъ стоитъ только предать нашу волю Его волѣ,— и Онъ, какъ Духъ истины, наставитъ насъ на всякую истину, какъ Духъ любви, испол-

нитъ насъ любовію, какъ Духъ святыни, освятитъ естество наше, и содѣлаетъ на вѣки храмомъ Божіимъ. Аминь.

VI.

Просите, и дастся вамъ; ищите, и обрящете; толцыте, и отверзется вамъ. Матѳ. 7, 7.

Молитва есть дѣйствительнѣйшее и всеобщее средство, чрезъ которое можемъ мы получать дары благодати. Всѣ сіи дары въ порядкѣ Промысла Божія существенно соединены съ молитвою. *Просите, и дастся вамъ*: вотъ заповѣдь, которую Іисусъ Христосъ предписалъ намъ. Естьли мы будемъ просить отъ Бога только того, что нужно для нашего спасенія, естьли будемъ просить благодати, сего совершеннаго и главнаго дара, который нисходитъ свыше: то *дастся* намъ. Молитва есть ключь ко всѣмъ сокровищамъ молосердія Божія. Она есть, такъ сказать, Божественный каналъ, чрезъ который всѣ небесныя блага намъ сообщаются. *Ищите царствія Божія и правды Его*, или лучше, ищите безъ исключенія всего, что необходимо для достиженія царствія небеснаго, и будьте увѣрены, что вы *обрящете*. Вотъ слова вѣчной Истины, въ которыхъ мы не должны сомнѣваться. И такъ никакой человѣкъ, бу-

детъ ли онъ праведный или грѣшный, не иначе можетъ что либо получить отъ Бога, какъ посредствомъ молитвы. Всякая надежда на Бога, естьли она не будетъ основываться на молитвѣ, есть надежда пщетная и даже Богопротивная. Ибо Богъ по своему правосудію ничѣмъ намъ не долженъ. Онъ можетъ быть долженъ намъ только по своему милосердію и вѣрности въ исполненіи своихъ обѣтованій. Но Его милосердіе и вѣрность, дабы изливать на насъ благодѣянія, требуютъ съ нашей стороны необходимаго условія—молитвы. И такъ Богъ, не нарушая своего правосудія и не преставая быть вѣрнымъ и милосердымъ, можетъ не давать намъ даровъ своихъ, естьли мы не просимъ оныхъ. Скажемъ еще болѣе: Богъ даже не долженъ давать намъ небесныя блага, естьли мы не прибѣгаемъ къ молитвѣ: потому что дары столь драгоцѣнные, какъ дары Божіи, дары столь важные, какъ дары нужные для нашего спасенія, необходимо требуютъ, чтобы мы ихъ просили, и просили усильно и пламенно.

Первый предметъ, котораго мы должны

просить у Бога, есть *духъ благодати и молитвы.* Сей духъ содѣлываетъ человѣка истинно благочестивымъ. Онъ возбуждаетъ его къ поклоненію Богу, къ хваленію и благодаренію Его. Чрезъ него человѣкъ дѣлается истинно вѣрнымъ, получаетъ истинное смиреніе. Сей духъ возбуждаетъ Святыхъ къ воздыханіямъ неизглаголаннымъ; онъ укрѣпляетъ ихъ слабость, открываетъ имъ ихъ истинныя блага, показываетъ опасности, которыя ихъ окружаютъ, развращеніе ихъ сердца, ихъ недостоинство предъ Богомъ, милосердіе и вѣрность Божію въ исполненіи данныхъ обѣтованій, и изъ всего сего образуетъ въ нихъ источникъ воздыханій, слезъ, благодареній, утѣшеній и упованія на Бога, такъ что всего сего смертный языкъ не можетъ изглаголать.

И такъ, въ какомъ бы состояніи ты ни находился, каково бы ни было состояніе твоего сердца, твоя сила или твоя слабость, твои успѣхи или недостатки въ добродѣтеляхъ,—молись съ вѣрою и, по заповѣди Апостола, *терпи въ молитвѣ, бодрствуй въ ней со благодареніемъ,* (Кол. 4, 2.)

молясь и благодари непрестанно, потому что ты всегда имѣешь нужду въ помощи Божіей, и всегда пользуешься дарами Божіими.

VII.

КРАТКОЕ СВѢДѢНІЕ *)

О ПРЕПОДОБНОМЪ ѲЕОГНОСТѢ.

О Преподобномъ Ѳеогностѣ, сочинителѣ предлагаемыхъ здѣсь главъ, мы не можемъ рѣшительно сказать какъ того, есть ли онъ тотъ Александріянинъ и толкователь Священнаго Писанія, о которомъ упоминаетъ Фотій въ 106 чтеніи, или другой какой, такъ и того, въ какое время онъ жилъ. Впрочемъ естьли по качеству плода судить о самомъ древѣ, то сей мужъ былъ одинъ изъ числа тѣхъ, которые и дѣлами и вѣдѣніемъ превзошли другихъ. Непорочность жизни содѣлала его жилищемъ благодати Святаго Духа, который и освѣщалъ умъ его своимъ осіяніемъ, съ которымъ, естественно, соединено откровеніе всего. Исполняемый живоноснымъ дыханіемъ сего Духа, подобно какому нибудь музыкальному орудію, онъ воспѣлъ предлагаемыя здѣсь главы, какъ нѣкую стройную и священную пѣснь, и присущею имъ благода-

*) Взято изъ книги: *Добротолюбіе.*

тію и духовными истинами услаждаетъ и слухъ и умъ читателей и возбуждаетъ къ дѣятельной ревности о исправленіи себя. Въ нихъ указуется и превосходный образъ дѣятельной жизни и прямый путь къ созерцанію; изъ нихъ каждый вѣрно можетъ познать, кто и каковъ долженъ быть почтенный саномъ Священства; и вообще сіи главы приносятъ великую нравственную пользу и внушаютъ спасительное трезвѣніе ревностно стремящимся къ оному.

VIII.

ПРЕПОДОБНАГО ѲЕОГНОСТА

ГЛАВЫ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОЗЕРЦАНІИ, и о Священствѣ *).

1. Тогда почитай себя истинно добродѣтельнымъ, когда совершенно будешь презирать все земное, когда сердце твое, по чистотѣ совѣсти, будетъ во всякое время готово отойти ко Господу.—Естьли же хочешь, чтобъ Богъ тебя зналъ, то будь, сколько возможно, незнаемъ людьми.

2. Познавай, какія требованія тѣла излишни, и не исполняй оныхъ, дабы онѣ не уменьшили, хотя сколько нибудь, подвиговъ твоихъ; поколику, то есть, съ удовлетвореніемъ онымъ необходимо сопряжено ослаб-

---

*) Акростихъ сихъ главъ въ подлинникѣ есть слѣдующій: τοῖς ὁσιωτάτοις πατράσι Λαζάρῳ καὶ Βαρλαὰμ Θεόγνωστος πανευτελὴς, ἀνάξιος τοῦ παντὸς κόσμου. То есть: Преподобнѣйшимъ Отцамъ Лазарю и Варлааму Ѳеогностъ всескудный, недостойный всего міра.

*

леніе въ тѣхъ трудахъ, которые предпріемлются для достиженія безстрастія; и почитай вредомъ для себя не лишеніе пріятнаго, но утрату гораздо лучшаго чрезъ наслажденіе пріятнымъ.

3. Питай въ себѣ постоянно то чувство, что ты муравей и червь,—да содѣлаешься Богосозданнымъ человѣкомъ: потому что естьли не будешь того, то не послѣдуетъ и сіе, и сколько унизишь себя, столько возвысишь. Естьли же и ты, подобно Псалмопѣвцу, почитаешь себя предъ Господомъ *яко ничтоже*: (Псал. 38, 6.) то изъ малаго непримѣтно дѣлаешься великимъ, и въ то время, какъ думаешь, что не имѣешь и не знаешь ничего, обогащаешься и дѣятельностію и вѣдѣніемъ достохвальнымъ о Господѣ.

4. *Сокруши мышцу грѣшному и лукавому*, (Псал. 9, 36.) то есть, похоти и расположенію ко злу, отъ которыхъ всѣ грѣхи раждаются. Сокруши ее воздержаніемъ и незлобіемъ, проистекающимъ изъ смиренія, дабы при изслѣдованіи дѣяній не нашлось въ тебѣ ничего худаго, хотя и будешь вся-

кій грѣхъ строго взыскиваемъ въ тебѣ. Согрѣшенія изглаждаются, когда мы, возненавидѣвши причины, расположившія насъ къ произведенію ихъ, противоборствуемъ онымъ, и пораженіе, недавно постигшее насъ, немедленно вознаграждаемъ побѣдою.

5. Нѣтъ ничего лучше чистой молитвы; изъ нея, какъ источника, истекаютъ добродѣтели: разсудительность, кротость, любовь, воздержаніе и изъ слезъ получаемая Божественная помощь и утѣшеніе. Доброта же молитвы состоитъ въ погруженіи размышленія только въ слова произносимыя и мысли, содержимыя оными, и въ всегдашнемъ ненасытимомъ желаніи достиженія Божества: когда умъ чрезъ созерцаніе тварей ищетъ своего Владыку и съ пламеннымъ желаніемъ и сильною жаждою силится обрѣсть и узрѣть Невидимаго, или когда, видя тьму закрывающую Его, (Псал. 17, 12.) съ величайшимъ благоговѣніемъ отступаетъ и паки возвращается въ себя самаго, довольствуясь и утѣшаясь тѣмъ созерцаніемъ, которое ему и теперь, сколько полезно, открывается, но твердо надѣясь, что онъ все желае-

мое тогда совершенно постигнетъ, когда отняты будутъ преграды, когда сіе видѣніе въ тѣняхъ и какъ бы въ зерцалѣ и гаданіяхъ престанетъ, а начнется и будетъ всегда продолжаться чистое лицезрѣніе.

6. Не домогайся очень высокихъ созерцаній, естьли ты не взошелъ еще на верхъ безстрастія; и не стремись къ тому, что выше силъ твоихъ, и до чего достигнуть не можешь. Естьли ты хочешь, говоритъ нѣкто, быть Богословомъ и созерцателемъ, то жизнію возвышайся, и чистотою стяжи чистое. Я упомянулъ о Богословіи. Не измѣряй высоты онаго своею неопытностію, и не забудь, что мы, питающіеся еще млекомъ добродѣтелей, не должны покушаться возлетать такъ высоко, дабы не пасть подобно птенцамъ не оперившимся,—хотя сладость познанія и сильно насъ влечетъ къ себѣ. Когда же мы, очистивши себя воздержаніемъ и слезами, подобно Иліи или Аввакуму возвысимся отъ земли, предначиная отнынѣ будущее восхищеніе на облакахъ, (1 Сол. 4, 17.) и чистою созерцательною и напряженною молитвою, внѣ чувствъ на-

ходясь, будемъ искать Бога: тогда можетъ быть вкусимъ нѣсколько и Богословія.

7. Равнымъ образомъ естьли ты желаешь удостоиться Божественнаго видѣнія и откровенія умственнаго: то напередъ возлюби мирную и безмолвную жизнь, и, упразднясь отъ всего, познай себя самаго и Бога. Тогда, какъ въ *хладѣ тонкомъ* (въ легкомъ вѣяніи вѣтерка) (3 Цар. 19, 12.)—въ состояніи чистомъ и не возмущаемомъ никакою страстію, ничто не будетъ препятствовать тебѣ умственно узрѣть Невидимаго, чрезъ яснѣйшее откровеніе Себя благовѣствующаго тебѣ спасеніе.

8. Какъ послѣ молніи ожидаютъ тотчасъ грома: такъ тамъ, гдѣ возсіяло милосердіе Божіе, буря страстей утихаетъ. А въ комъ есть сіе, тотъ пріобрѣлъ и залогъ блаженства будущаго. Но нѣтъ Божія милосердія или надежды безстрастія въ душѣ, которая любитъ міръ болѣе Творца, которая пристрастилась къ видимому и совершенно предалась плотскимъ удовольствіямъ и наслажденіямъ.

9. Что такое Божество и гдѣ Оно, не изыскивай умомъ; потому что Оно пресущественно и мѣстомъ не содержится, какъ превысшее всего; а только вперяй взоръ свой, какъ въ зеркало, сколько это возможно, въ объемлемаго Бога Слово, который сіяетъ, какъ лучами свѣта, Божественнымъ естествомъ, и котораго умъ намъ представляетъ пребывающимъ въ мѣстѣ, но который по необъемлемости Божества вездѣсущъ. Впрочемъ сколько очистишь себя, столько и осіянія удостоишься.

10. Естьли желаешь пріобрѣсть истинное познаніе и несомнѣнную увѣренность въ спасеніи; то напередъ имѣй мудрость расторгнуть страстныя узы, связующія душу съ тѣломъ, и свергнувъ съ себя пристрастіе къ вещественному, спустись въ бездну смиренія,—и ты найдешь драгоцѣнный жемчугъ спасенія своего, сокрытый, какъ въ раковинѣ, въ Божественномъ вѣдѣніи, и предобручающій тебѣ сіяніе царствія Божія.

11. Кто устроилъ въ себѣ мысленное подчиненіе, и покорилъ плоть духу, тому

не нужно подчиненіе людямъ; ибо онъ покаряется Слову и Закону Божію, какъ вѣрный подданный: но тѣ, въ которыхъ происходитъ бореніе и брань тѣла съ душею, должны подчинять себя людямъ, должны сыскать себѣ вождя и кормчаго, знающаго управлять кормиломъ и вооружать самымъ лучшимъ образомъ, дабы насъ, неопытныхъ, не плѣнили мысленные враги и не потопили страсти.

12. Естьли никакая страсть не безпокоитъ тебя и въ сердцѣ твоемъ возрастаетъ вожделѣніе Божественное; естьли ты не только не страшишься смерти, почитая оную сномъ, но напротивъ даже желаешь разрѣшиться отъ тѣла: то ты истинно пріобрѣлъ залогъ спасенія, носишь внутри себя царствіе небесное и радуешься радостію неизглаголанною.

О Священствѣ

13. Удостоившись Священства, сего Божественнаго и важнаго сана, прежде всего ты долженъ принести себя самаго въ жертву закланіемъ страстей и похотей, и тогда уже дерзать прикасаться къ живоносной

и страшной Жертвѣ, естьли не желаешь быть сожженъ Божественнымъ огнемъ, подобно удобосгараемому веществу. Ибо естьли Серафимъ не дерзнулъ безъ щипцовъ прикоснуться къ Божественному углю, то какъ ты прикоснешься, не имѣя безстрастія? Отъ безстрастія у тебя и языкъ будетъ освященъ, и уста очищены, и душа съ тѣломъ чиста; самыя руки твои,—сіи служебныя орудія пресущественнаго огня и жертвы, будутъ свѣтлѣе всякаго золота.

14. Твердо помни силу сказаннаго; потому что ты ежедневно видишь то Божіе спасеніе, которое и однажды увидѣвши старецъ Симеонъ ужаснулся и желалъ себѣ отпущенія; (Лук. 2, 30.) и ежели ты Святымъ Духомъ не извѣщенъ о томъ, что ты угодный посредникъ между Богомъ и человѣками, какъ равно-Ангельный: то не дерзай, безразсудно, приступать къ страшному и пречистому священнодѣйствію, къ которому сами Ангелы благоговѣютъ, и отъ котораго, какъ Пресвятаго, многіе изъ Святыхъ съ глубочайшимъ смиреніемъ уклонялись,—да-

бы тебѣ, подобно оному Зану, не погибнуть отъ надѣянности на свою добродѣтель.

15. *Внемли себѣ*, какъ сказалъ Апостолъ, (Тим. 4, 16.) Дабы Божественный огнь истребилъ нечистоту, естьли какая или прежде была или, можетъ быть, въ настоящее время находится въ тебѣ, то ты всегда напередъ приноси жертву (проскомисуй) за собственные грѣхи. Чрезъ сіе ты, какъ благопотребный, чистый и избранный сосудъ, достойный таковой Жертвы, можешь превратиться въ серебро или даже золото, хотя бы прежде былъ чѣмъ нибудь деревяннымъ или скудельнымъ, естьли только Божество будетъ преклонно къ тебѣ: потому что тамъ, гдѣ Богъ готовъ къ услышанію, нѣтъ никакого препятствія таковому одного въ другое претворенію,

16. Смотри, какой равно-Ангельной чести ты удостоился. И такъ старайся добродѣтелію всякаго рода и чистотою содѣлать себя непоколебимымъ на томъ степени, на который призванъ. Знаешь, изъ какого и какимъ чрезъ гордость сдѣлался падшій Свѣ-

шоносецъ. Не мечтай и ты много о себѣ, чтобъ и съ тобою не случилось того же; но почитай себя землею, прахомъ, уметомъ и псомъ, и рыдай всегда, что по неизреченному человѣколюбію и несказанной благости Божіей ты сподобился чрезъ совершеніе страшнаго священнодѣйствія Святыхъ Таинъ быть призванъ въ Божественное общеніе и соединеніе съ Богомъ.

17. Священникъ долженъ быть чистъ какъ отъ всѣхъ страстей, такъ наипаче отъ блуда и памятозлобія, и не давать свободы воображенію, естьли не хочетъ быть такъ же ненавистнымъ и отвратительнымъ, какъ тотъ, кто, будучи весь измаранъ, или имѣя лице очерненное сажею, прикасается къ тѣлу цареву.

18. Сперва струями слезъ убѣлись паче снѣга, и тогда уже съ совѣстію, убѣленною чистотою, какъ *святый* прикасайся къ *Святымъ*, во внѣшней Ангелоподобной бѣлизнѣ являя внутреннюю душевную красоту. Но смотри, въ священнодѣйствіи Божественныхъ Таинъ не утверждайся на однѣхъ пре-

даніяхъ человѣческихъ, но благодать Божія сокровенно и вмѣстѣ таинственно да вразумляетъ тебя о сихъ высокихъ предметахъ.

19. Естьли ты желаешь нетлѣнія и безсмертія, то благоговѣйно и осторожно съ вѣрою приступай къ животворящимъ и нетлѣннымъ Тайнамъ, желая также отшествія отъ сего міра, какъ совершившійся вѣрою. Естьли же страшишься смерти, то ты еще не срастворился Христу любовію, котораго ты удостоился своими руками приносить въ жертву, и котораго плоть вкушаешь. Иначе ты, не заботясь уже о жизни и плоти, спѣшилъ бы туда, гдѣ Возлюбленный твой.

20. Содѣлавшись и священнодѣйствователемъ плоти Божіей и причастникомъ оной чрезъ пріобщеніе, ты чрезъ сіе обязался быть соединенъ съ Нимъ и подобіемъ смерти Его (Римл. 6, 5.) и жить уже не себѣ, какъ говоритъ Апостолъ, но распявшемуся за тебя и умершему. Естьли же ты, предавшись страстямъ, живешь плоти и міру, то умирая готовься къ безсмертному мученію,

ежели прежде кончины своей не перестанешь совершать безкровное жертвоприношеніе. Впрочемъ и въ сей жизни случалось, что многіе недостойно священнодѣйствующіе были восхищаемы внезапною смертію и препосылаемы въ тамошнія судилища.

21. Такъ одного Священника, который былъ вмѣстѣ и Монахъ, многіе почитали за благочестиваго человѣка и уважали за внѣшнее его поведеніе; внутренно же, тайно онъ предавался любострастію и нечистотѣ. Когда онъ совершалъ Божественную и священную службу и предъ Херувимскою пѣснію наклонилъ по обыкновенію голову и читалъ молитву: *Никтоже достоинъ* и проч. то внезапно умеръ. Въ такомъ-то положеніи оставила его душа!

---

22. Нѣтъ ничего плодотворнѣе правильнаго ума и знанія. Ибо отсюда проистекаетъ страхъ и стремленіе къ Богу, изъ которыхъ первый очищаетъ человѣка благоговѣніемъ и смиреніемъ, а второе совершенствуетъ его свѣтоносным навыкомъ и разсужденіемъ и возноситъ умъ высокимъ созерцаніемъ и воз-

вышеніемъ къ горнему. Безъ страха же Божія не возможно достигнуть вожделѣнія Божественнаго, и чрезъ оное воспарить къ предметамъ надежды нашей и на оныхъ успокоиться.

23. Послѣдуй совѣту моему, ты, горящій желаніемъ получить спасеніе и стремящійся къ оному; теки, доколѣ не постигнешь, ищи усильно, проси непрестанно, стучись неотступно, доколѣ не получишь; вмѣсто лѣстницы водрузи крѣпкую вѣру и смиреніе. Почитай себя достигшимъ желаемаго, не тогда, когда ты получилъ только отпущеніе грѣховъ, но когда уже не боишься и не страшишься востанія никакой страсти, и безбоязненно и съ дерзновеніемъ разлучаешься съ плотію.

24. Старайся со многими слезами снискать увѣренность въ спасеніи, впрочемъ— естьли любишь смиреніе—не прежде кончины; потому что, въ такомъ случаѣ, можешь сдѣлаться безпечнымъ и вознерадѣть,—но предъ самымъ исходомъ,—только увѣренность необманчивую, дабы, возмечтавъ надменно,

что имѣешь оную, не лишиться желаннаго, когда наступитъ ожидаемое время. И куда ты пойдешь, несчастный, не имѣя залога и спасающей несомнѣнной увѣренности, подаемой Духомъ?

25. Естьли желаешь безстрастія Боготворящаго, то достигай онаго послушаніемъ и смиреніемъ; а естьли пойдешь инымъ путемъ, то самъ себя затруднишь. Безстрастіе же стяжалъ не тотъ, кто иногда возмущается страстями, а иногда бываетъ тихъ и спокоенъ, но тотъ, кто непрестанно пребываетъ въ безстрастіи, кто остается непоколебимымъ, когда присущи причины, производящія страсти, и преимущественно тотъ, кто не *страждетъ* и отъ мыслей объ оныхъ.

26. Любовь къ скоропреходящему да не низвлекаетъ тебя къ землѣ, тогда какъ воображаешь небесное. Естьли пристрастіе къ земному держитъ тебя въ своихъ узахъ, то ты подобенъ орлу, держимому западнею за ногу и не могущему летѣть вверхъ. И такъ почитай все за уметы, въ надеждѣ

получить лучшее, и когда наступить время, то свергнувши съ себя и самую плоть, иди за Ангеломъ Божіимъ, извлекшимъ тебя изъ нея.

27. Какъ монеты, не имѣющей на себѣ царскаго образа, нельзя на ряду съ обыкновенными включить въ царскія сокровища, такъ и тому, кто не имѣетъ правильнаго знанія и безстрастія, невозможно съ дерзновеніемъ и увѣренностію отъ настоящаго перейти къ уповаемому и присоединиться къ Избраннымъ. Знаніемъ же я называю не (мірскую) мудрость, но вѣрное вѣдѣніе Бога и всего Божественнаго, чрезъ которое Боголюбивый человѣкъ, по благодати Святаго Духа, возвышается къ обоженію, не будучи низвлекаемъ страстями.

28. Естьли ты и всѣ дѣла благочестія исполнилъ, то и тогда не думай самонадѣянно, что ты достигъ безстрастія, и не живи въ мірѣ беззаботно, чтобъ чрезъ сіе не занять тебѣ образовъ страстей, и не встрѣтить трудности при удаленіи отъ міра. Но всегда дѣйствуй со страхомъ, не

забывая, что природа твоя непостоянна и можетъ измѣняться. Съ благоразуміемъ удаляйся отъ причинъ страстей: потому что неизмѣнное безстрастіе находится только въ тѣхъ, которые имѣютъ совершенную любовь, которые посредствомъ непрестаннаго созерцанія вознеслись надъ всѣмъ чувственнымъ, взошли превыше тѣла смиренія, къ которымъ пламень страстей, бывъ разсѣченъ Господнимъ гласомъ, (Псал. 28, 7.) уже не прикасается, какъ къ такимъ, коихъ составъ преобразовался для нетлѣнія.

29. Желай быть безстрастенъ, но не преждевременно, чтобъ и съ тобою не случилось того же, что съ первосозданнымъ, безвременно вкусившимъ плода отъ древа познанія: но терпѣливо работай воздержаніемъ всякаго рода и усердною молитвою, и сдѣланное сохраняй самоосужденіемъ и глубокимъ смиреніемъ; и послѣ, въ свое время, получишь даръ безстрастія—сіе пристанище успокоенія послѣ долговременной бури и безпокойства. Ибо правосудный Богъ, конечно, когда надобно, отверзетъ врата безстра-

стія тѣмъ, кои прямымъ путемъ идутъ къ оному.

30. Иди къ муравью-бѣдностію и уничиженіемъ, о лѣнивый и неопытный человѣкъ, и научись отъ меня, что нескудный и богатый Богъ не имѣетъ нужды въ нашихъ благахъ, но Самъ благодѣтельствуетъ щедро людямъ, и спасая по благодати преданныхъ Ему всѣмъ сердцемъ, человѣколюбиво пріемлетъ и посильные труды. И такъ естьли ты трудишься, какъ должникъ, за прежде полученныя отъ Него благодѣянія; то хорошо поступаешь и милость Божія близка къ тебѣ. Естьли же почитаешь Бога должникомъ своимъ, то ты уклонился отъ пути праваго: ибо какъ можетъ быть должникомъ Благодѣтель? Дѣйствуй, какъ получившій мзду, и мало по малу простираясь впередъ, по милости Божіей достигнешь желаемаго.

31. Угодно ли, я покажу тебѣ и другой путь къ спасенію, или лучше-къ безстрастію. Всѣми силами старайся приклонять Творца въ молитвахъ, чтобъ Онъ привелъ тебя къ предлежащей цѣли; при чемъ все-

гда представляй Ему ходатаями всѣ небесныя Силы и всѣхъ Святыхъ съ пречистою Богоматерію. Не проси безстрастія, считая себя недостойнымъ сего дара, но молись усердно о спасеніи, а съ нимъ получишь и безстрастіе. Одно изъ сихъ подобно серебру, а другое чистому золоту. Наипаче же угождай Богу сокровеннымъ дѣланіемъ, и Боготворящими тебя словами нѣкоторыхъ таинствъ, сокрытыхъ у Него, которыми Божество услаждается и преклоняется.

32. Старайся получить залогъ спасенія сокровенно внутри сердца своего съ несомнѣннымъ упованіемъ, чтобъ во время исхода не постигъ тебя страхъ и трепетъ неожиданный. Ты получилъ залогъ сей, естьли сердце твое не обвиняетъ тебя въ погрѣшностяхъ, и совѣсть не обличаетъ во гнѣвѣ; естьли, по благодати Божіей, укрощена въ тебѣ свирѣпость звѣрскихъ страстей; естьли текутъ слезы утѣшенія и умъ твой чисто и неразсѣянно молится; естьли ты радостно и съ сердечною готовностію ожидаешь смерти, которой большая часть людей страшится и желала бы избѣжать.

33. Глаголы живота вѣчнаго, которые, какъ засвидѣтельствовалъ верховный Апостолъ, имѣетъ Богъ Слово, суть слова о томъ, что Имъ содѣлано. Кто, будучи тайноводствуемъ къ Нему, посвященъ, какъ чистый, въ таинства оныхъ, тотъ уже здѣсь стяжалъ жизнь вѣчную и залогъ Духа Святаго и непостыдную надежду спасенія. Но сего не удостоивается тотъ, кто душѣ предпочитаетъ плоть и питаетъ въ себѣ пристрастіе и привязанность къ земному.

34. Не тотъ человѣкъ водится умомъ, который открываетъ оный въ словахъ, произносимыхъ устами; ибо къ сему способенъ всякій человѣкъ: но тотъ, кто посредствомъ ума ищетъ и стремится найти Бога. Впрочемъ онъ никогда не узнаетъ, что̀ такое Пресущественный въ сущности своей: потому что сего никакое существо не можетъ постигнуть: но Его можно видѣть въ Его Творческой мудрости, промыслѣ, распоряженіи, содержаніи всего, порядкѣ, управленіи, сохраненіи. Въ семъ можно находить и какъ бы зрѣть верховнаго Художника также, какъ и строителя дома въ дѣлѣ рукъ его.

35. Ты не можешь имѣть истинной нестяжательности, не имѣя безстрастія; не можешь имѣть и безстрастія безъ любви, и любви безъ страха и чистой молитвы, и сихъ послѣднихъ безъ вѣры и презрѣнія къ мірскому, которыми умъ будучи воскрыляемъ, свергаетъ съ себя дольнее мудрованіе и воспаряетъ въ горнее и сверхчувственное, ища своего Владыку.

36. Возлюби чистоту, какъ зѣницу ока, да содѣлаешься храмомъ и вожделѣннымъ домомъ Божіимъ: потому что безъ цѣломудрія не возможно войти въ ближайшее общеніе съ Богомъ. Добродѣтель сія раждается отъ стремленія къ Богу, непристрастія къ міру, и удаленія отъ него; а сохраняется смиреніемъ, воздержаніемъ, непрестанною молитвою и обильными слезами. Не имѣя безстрастія, не получишь и совершенства въ разсужденіи.

37. Остерегайся, любезный братъ, чтобы кто нибудь не обманулъ тебя (и не увѣрилъ), что, вопреки словамъ Апостола, безъ освященія можно видѣть Бога. Господь—пре-

чистый и превысшій всякой чистоты, не открывается нечистому. Какъ всякой, кто любитъ отца и матерь, или дочь или сына, болѣе Господа, недостоинъ Его; такъ недостоинъ Его и любящій что либо временное и земное, а еще болѣе недостоинъ Его тотъ, кто предпочитаетъ любви Господней омерзительный и отвратительный грѣхъ. Богъ отвращается того, кто не отвращается отъ нечистоты: потому что тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія.

38. Безъ знанія ты не удостоишься Божественной любви; не получишь и знанія безъ вѣры. Вѣру же я разумѣю не просто вѣру безплодную, но ту, которая происходитъ отъ исполненія добродѣтелей. А истинное сокрушеніе ты тогда пріобрѣтешь, когда воздержаніемъ, бдѣніемъ, молитвою и смиреніемъ ослабивъ въ себѣ естественную плотскую похоть, распнешь себя съ Іисусомъ, когда будешь жить, водясь не страстями, но Божественнымъ Духомъ, когда будешь и жить и дѣйствовать въ надеждѣ небеснаго наслѣдія.

39. Взывай къ Господу: *Въ семъ познахъ, яко восхотѣлъ мя еси, яко не возрадуется врагъ мой о мнѣ,* (Псал. 40, 12.) непрестанно мучащій и уязвляющій меня страстями. Но прежде кончины исхити меня изъ руки его; сподоби меня жить духовнымъ, благоугоднымъ Тебѣ образомъ, и послѣ блаженной кончины представь меня судилищу Твоему спасеннымъ, принесшимъ изъ сей жизни, по милости Твоей, залогъ спасенія и твердое упованіе, чтобъ не быть мнѣ въ смущеніи и неготовности во время исхода и не испытать несносной скорби, — горчайшей и тягчайшей самой смерти и мученія.

40. Вѣра и надежда не есть что либо неважное и обыкновенное: но вѣра требуетъ души твердой, а надежда—ума и сердца праваго. Ибо возможно ли, чтобы кто нибудь, безъ благодати, скоро повѣрилъ тому, чего не видитъ? и какъ можетъ кто либо надѣяться будущихъ благъ, ему неизвѣстныхъ, естьли не пріобрѣтешъ своею правотою опытнаго познанія о дарахъ Господнихъ, чрезъ которые бы могъ такъ же увѣриться и въ тѣхъ, какъ въ настоящихъ? И такъ въ обоихъ

случаяхъ требуется добродѣтель, содѣйствіе и помощь Божія; естьли нѣтъ сего, то мы вотще трудимся.

41. Плодъ истинной добродѣтели есть или знаніе или безстрастіе, или и то и другое. И такъ естьли . . . . но у насъ все суетно, а добродѣтель кажущаяся не есть истинная; потому что естьли бы она была таковою, то украшалась бы не только листьями, но и плодами. Кто старается угождать или другимъ или себѣ, или дѣлаетъ что нибудь другое неугодное Богу, тотъ не истиненъ и не Боголюбивъ. Но естьли мы исправимъ вину, то несомнѣнно получимъ, на пользу себѣ, благодать милосердаго Бога нашего, доставляющую и знаніе и безстрастіе, когда должно и сколько нужно.

42. При свѣтѣ благодати разумѣвай ухищренія врага, и повергаясь съ плачемъ предъ Богомъ, исповѣдуй свою немощь; почитай себя за ничто, хотя прельститель и побуждаетъ тебя почитать себя за значущаго что нибудь, и не проси у Бога нисосланія даровъ благодатныхъ, развѣ такихъ,

которые ведутъ ко спасенію и охраняютъ смиреніе; а ищи не надмевающаго знанія, какъ причины Боговѣдѣнія. Проси Бога, чтобъ страсти не до конца владычествовали надъ тобою на подобіе тиранновъ, но чтобъ разрѣшиться тебѣ отъ тѣла въ безстрастіи, или, что смиреннѣе, въ сознаніи грѣховъ.

43. Какъ безъ крыльевъ нельзя возлетѣть вверхъ, такъ нельзя получить и будущихъ благъ, не принести отсюда твердаго упованія. Упованіе же сіе раждается отъ глубочайшаго смиренія или отъ благодати Святаго Духа въ тѣхъ, которые совершенно примирились съ Богомъ, въ коихъ находится также и безстрастіе или отчасти, или въ большей мѣрѣ, смотря по степени примиренія и чистоты. А которые разлучаются съ тѣломъ не имѣя сего, тѣ, какъ отходящіе еще во время *зимы* страстей или *въ субботу*, (то есть, будучи праздны, безъ добродѣтелей) (Матѳ. 24, 20.) подлежатъ суду и истязанію, какъ имѣющіе явиться виновными во время воздаянія.

44. Поелику ты спасаешься туне, то благодари за сіе Спасителя Бога. Естьли же желаешь и дары принести Ему; то отъ вдовствующей души твоей принеси Ему двѣ лепты—смиреніе и любовь. Я увѣренъ, что Онъ предпочтетъ сіи лепты множеству добродѣтелей, повергаемыхъ многими въ сокровищехранительницу спасенія. Естьли же ты умерщвленъ страстьми и желаешь ожить, какъ Лазарь; то сіи же двѣ добродѣтели, какъ двухъ родныхъ сестръ, пошли къ Богу для ходатайствованія о тебѣ, и ты вѣрно получишь желаемое.

45. Посредствомъ исполненія однихъ дѣятельныхъ правилъ ты не приближишься къ безстрастію такъ, чтобы могъ молиться чисто и неразсѣянно. Для сего нужно, чтобъ и умъ занятъ былъ духовными созерцаніями, касающимися какъ благодатнаго знанія, такъ и размышленія о существующемъ. Умъ, будучи воскрыляемъ и озаряемъ сими созерцаніями весь предается любви къ истинной молитвѣ, и посредствомъ оной постепенно воспаряетъ къ сродному себѣ свѣту горнихъ невещественныхъ Чиновъ, и оттуда по воз-

можности возносится къ великому и пресолнечному свѣту Богоначальныя Троицы.

46. Въ будущей жизни мы будемъ наказываемы не за то, что согрѣшили, не за сіе мы будемъ осуждены,—ибо мы отъ природы таковы, что можемъ измѣняться;—но за то, что согрѣшивши не покаялись, и отъ беззаконнаго пути не обратились къ Господу, имѣвши и возможность и время покаяться, чтобъ тѣмъ болѣе показать, что Божество благо, и не имѣетъ страстей, и что Оно отмщаетъ, гнѣваясь на грѣхъ, а не на насъ. Ибо Оно не имѣетъ никакой страсти и мстительности, хотя и говорится, что Оно сообразуется съ нашими дѣлами и расположеніями, на подобіе зеркала, воздавая каждому по достоинству дѣлъ его.

47. Естьли колеблешься стоя на хорошемъ мѣстѣ, то не смущайся тѣмъ, но исправляйся и скорѣе возставляй себя въ прежнее положеніе печалію, скорбѣніемъ, сильнымъ самоукореніемъ и обильнымъ пролитіемъ слезъ въ сокрушеніи духа. Сими средствами возста-

вивши себя отъ приключившагося паденія, ты придешь въ юдоль спасительнаго веселія: но впредь, сколько можно, остерегайся паденія, чтобъ тебѣ опять не раздражить Судію и не имѣть нужды въ слезахъ и печали для умилостивленія Его, а естьли въ сей жизни не сдѣлаешь сего,—чтобъ не подвергнуться неизбѣжному наказанію въ будущей.

О Священствѣ.

48. Опять мы будемъ говорить о Священствѣ—семъ важномъ санѣ,—что оно требуетъ Ангельскаго достоинства и чистоты, и что по полученіи Священства нужна большая строгость къ себѣ и цѣломудріе, нежели прежде. Ежели скверное должно, хотя нѣсколько, сдѣлаться чистымъ, то какъ уже чистое будетъ оскверняться? естьли только не хотимъ за смѣшеніе мрака со свѣтомъ и зловонія съ мгромъ наслѣдовать горе и погибель, какъ святотатцы, по образу Ананіи и Сапфиры.

49. Изъ сосуда погибшаго и негоднаго къ употребленію (хотя, можетъ быть, и ду-

маешь, что ты достойно получилъ степень Священства-равно-Ангельнаго и небеснаго) за малую чистоту сдѣлавшись, по Апостолу, сосудомъ избраннымъ и благопотребнымъ Господу, блюди чистою ту честь, которой ты удостоился, и храни Божественный даръ, какъ зѣницу ока, чтобъ, естьли по нерадѣнію осквернишься, не быть тебѣ низринуту съ высоты въ пропасть, изъ которой трудно тебѣ выйти.

50. Какъ мудрый понимай, что когда Богъ оправдываетъ, никто не можетъ осудить; и ежели ты по призванію получилъ даръ Божественнаго Священства, превосходящій все мірское, то не заботься о прошедшей жизни, хотябъ она была и не безъ порока. Она очищена Богомъ и твоимъ исправленіемъ. Но ты трезвись послѣ, и старайся не омрачить дара, дабы всякой, кто будетъ безразсудно судить о твоемъ священнодѣйствованіи по прежней твоей жизни, внялъ Божественному гласу, вѣщающему: что Богъ очистилъ, того ты не почитай сквернымъ.

51. Легко достоинство Священства и иго благо, но только тогда, когда и пріемлется и исполняется должнымъ образомъ, и естьли не покупается благодать Божественнаго Духа. Естьли же стараніемъ человѣческимъ и тлѣнными дарами достаютъ непродаемое, и званіе бываетъ не свыше: то оно есть бремя очень тяжкое, ибо тогда носятъ его недостойно и не по силамъ,— и иго весьма жесткое, такое, что у носящаго оное претираетъ и выю и силу, естьли не будетъ сложено, доколѣ не измучитъ его и не измождитъ совершенно.

52. Дерзновенно взявши на себя иго Священства, исправляй пути твои, и вѣрно преподавай Слово истины, со страхомъ и трепетомъ содѣлывая чрезъ оное спасеніе свое: ибо Богъ нашъ есть огнь поядающій. Естьли ты прикасаешься къ Нему, какъ золото или серебро, то не бойся сожженія, какъ и Вавилонскіе Отроки не убоялись огня; естьли же ты, какъ о земномъ помышляющій, подобенъ травѣ и тростнику, симъ самымъ удобосгарающимъ веществамъ; то трепещи, чтобъ не быть тебѣ сожжену

небеснымъ огнемъ, естьли не избѣжишь гнѣва, подобно Лоту, чрезъ удаленіе отъ сего страшнаго. Не знаю,—можетъ быть, есть какіе нибудь самые неважные недостатки, происходящіе отъ слабости, которые истребляются Божественнымъ огнемъ при семъ святѣйшемъ служеніи, такъ что ты, подобно оному слабому растѣнію купины, можешь остаться въ огнѣ несгараемымъ и невредимымъ.

53. Ты, не въ силахъ будучи отстать, подобно сѣменоточивому, отъ страстныхъ навыковъ по причинѣ долговременной къ нимъ привычки, какъ дерзаешь, несчастный, прикасаться къ тому, что неприкосновенно и для Ангеловъ? И такъ или убойся и удержись отъ Божественнаго священнодѣйствія, и чрезъ сіе умилостивишь Бога, или, какъ безчувственный и неспособный къ исправленію, ожидай несчастія впасть въ руки живаго и гнѣвнаго Бога, который не будетъ щадить тебя по своему человѣколюбію, но безъ милосердія накажетъ, за то, что ты дерзнулъ безстыдно притти на царскій бракъ съ нечистою душею и одеждою,—какъ недостой-

наго и войти, не только возлежать на ономъ.

54. Зналъ я одного Священника, который, поелику недостойно совершалъ Божественную службу, (потому что одержимъ былъ страстію блуда) впалъ въ тяжкую и неизлѣчимую болѣзнь, и уже приближался къ смерти. Когда же, все употребивъ къ освобожденію себя отъ сего несчастія, не получилъ никакой пользы, но болѣзнь его еще болѣе усилилась: то наконецъ, пришедши въ чувство и познавши, что умираетъ за то, что недостойно священнодѣйствовалъ, тотчасъ съ клятвою отрекся впредь совершать священную литургію, а за симъ немедленно послѣдовало и изцѣленіе, такъ что не осталось въ немъ и слѣда болѣзни.

55. Блистательно достоинство и облаченіе Священства, но только дотолѣ, пока вмѣстѣ блистаетъ и душа внутри чистотою: естьли же она по нерадѣнію очернится; и естьли совѣсть, свидѣтельствующая о нечистотѣ, пренебрегается; то свѣтъ становится тьмою и источникомъ вѣчной

тьмы и огня, естьли не оставимъ сего пути и не обратимся на другой—на путь добродѣтели и смиренія, который безопасно ведетъ въ царствіе небесное.

56. Спасеніе пріобрѣтается смиреніемъ и добродѣтелію, а не Священствомъ славнымъ и требующимъ Ангельскаго житія. Почему или будь также безстрастенъ, какъ Ангелы, какъ бы ставши внѣ міра и плоти помышленіемъ, и такимъ образомъ взойди на сію небесную лѣствицу, или сознавши свою немощь, убойся сей высоты, какъ угрожающей великимъ паденіемъ тѣмъ, кои худо исполняютъ свое дѣло, и лучше избери такой родъ жизни, который большая часть людей ведетъ, и который не менѣе того приближаетъ къ Богу. Въ семъ родѣ жизни естьли и случится тебѣ пасть, то востать удобно при покаяніи, милости и благодати Божіей.

57. Плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія; какъ же ты, пріобщаясь плоти и крови Божіей, не дѣлаешься стѣлесенъ и не срастворяешься крови Его?

Какъ ты, имѣя уже внутрь себя царствіе небесное, позволяешь господствовать надъ собою страстямъ плоти и крови? Страшусь, чтобъ Духъ Божій не оставилъ тебя, какъ человѣка плотскаго, и чтобъ на судѣ не быть тебѣ разсѣчену надвое: высокая честь Священства тогда будетъ отнята отъ тебя, какъ недостойнаго сей благодати, а ты преданъ будешь вѣчному наказанію.

58. Не имѣя страха Божія предъ очами своими, ты недостойное священнодѣйствованіе почитаешь за маловажное дѣло, будучи прельщаемъ самолюбіемъ и успокоивая себя мыслію, что Божество благо. Это нѣкогда случилось и съ Даѳаномъ и Авиромъ, которыхъ наконецъ поглотила земля. И ты, страшась сего и боясь тамъ, гдѣ точно есть страхъ, разумѣй величіе дѣла, и—или достойно и чисто (чтобъ не сказать: будучи равно-Ангельнымъ) совершай дѣло Божественнаго Священства, или, какъ благоразумный, удержись отъ страшнаго служенія, дабы въ противномъ случаѣ, естьли будешь пренебрегать симъ и не слушать обличенія своей совѣсти, тебѣ, осуждаемому тогда,

когда все будетъ судимо и разсматриваемо, не быть принужденнымъ въ чувствѣ величайшей горести сказать: *Страхъ, егоже ужасахся, пріиде ми, и егоже бояхся срѣте мя.* (Іов. 3, 25.)

59. Трезвенно и внимательно, съ сердечнымъ сокрушеніемъ и слезами сперва за себя приноси для умилостивленія Бога священную и для всего міра спасительную Жертву. Ибо по смерти твоей кто будетъ стараться о тебѣ и приносить жертву за тебя такъ, какъ ты самъ? Почему ты, какъ предусмотрительный, напередъ погреби себя, и дѣлай по себѣ поминовеніе, самые Святые Дары предлагая Богу на святомъ престолѣ въ ходатайство о твоемъ спасеніи, и воспоминая при семъ добровольное и человѣколюбивое Его закланіе.

---

60. Несказано и неизъяснимо удовольствіе той души, которая съ увѣренностію разлучается съ тѣломъ, и скидаетъ оное, какъ одежду. Ибо такъ какъ она достигла уже уповаемыхъ благъ, то оставляетъ его безъ горести; спокойно вручаетъ себя свыше при-

шедшему свѣтлому и кроткому Ангелу и безпрепятственно переносится съ нимъ чрезъ воздухъ, не потерпѣвъ ни малѣйшей непріятности отъ духовъ злобы; смѣло продолжаетъ путь свой, доколѣ наконецъ достигнетъ поклоненія Творцу и тамъ получитъ опредѣленіе пребывать съ подобными ей и равными по добродѣтели до всеобщаго воскресенія.

61. Странное для тебя я скажу, не удивляйся. Хотя ты и не достигнешь безстрастія, по причинѣ, можетъ быть, господствующихъ въ тебѣ предубѣжденій: впрочемъ есть-ли смерть найдетъ тебя въ глубинѣ смиренія, то не менѣе безстрастнаго вознесешься превыше облаковъ. Ибо хотя сокровище безстрастныхъ собрано изъ всѣхъ добродѣтелей: но драгоцѣнный камень смиренія дороже всѣхъ ихъ, и не только снискиваетъ у Бога прощеніе своему обладателю, но и вводитъ его съ Избранными въ чертогъ царствія небеснаго.

62. Получая отъ Бога прощеніе въ грѣхахъ, прославляй Непамятозлобиваго и Долго-

терпѣливаго, и всѣми силами остерегайся отъ произвольныхъ преткновеній: потому что хотя и въ оныхъ можно получать прощеніе ежедневно до кончины; но ты, очевидно, несмысленъ, когда зная легко грѣшишь. Впрочемъ естьли ты пса отчаянія будешь отгонять камнемъ твердой надежды, и неотступно, всегда и непрестанно просить: то отпустятся тебѣ грѣхи многіе, да по долгу и самъ въ будущей жизни много возлюбишь Милосердаго и Преблагаго.

63. Когда ты, движимый благодатію Божіею будешь со слезами молиться Богу; то повергайся на землю, простираясь крестообразно и ударяя голову, и проси отпущенія изъ сей жизни, какъ освобожденія отъ тлѣнія и удаленія отъ искушеній; впрочемъ проси исполненія сего не какъ тебѣ хочется, но какъ, когда и гдѣ угодно Богу. Ты только охотно желай отшествія, и свидѣтельствуй, что тебѣ хотѣлось бы, съ слезами и доколѣ находишься во глубинѣ смиренія, отойти ко Господу, чтобъ не томиться болѣе пламенемъ любви и желанія: но не ропщи на промедленіе до настоящаго

времени, какъ на такое дѣло, которое совершается по волѣ Бога, предусматривающаго что нибудь лучшее. Но усильно и неослабно,—чего не дѣлая? чего не говоря? къ чему не обращаясь? чего не предпринимая?—старайся достигнуть сей главной цѣли—чтобъ не удалиться отъ Бога.

64. Находясь во плоти, не усиливайся изыскивать сущности умныхъ, хотя умное души и влечетъ къ онымъ чистотою. Ибо естьли безтѣлесное, связуемое дыханіемъ и кровію, не разрѣшится отъ грубаго вещества и не будетъ находиться съ умными, то не постигнетъ оныхъ и не обыметъ. Посему готовясь выдти изъ вещества, какъ изъ второй нѣкоей матерней и мрачной утробы, къ онымъ невещественнымъ и свѣтлымъ, усердно прославляй Благодѣтеля, переводящаго насъ чрезъ смерть къ уповаемымъ нами, и трезвись непрестанно; потому что злые демоны ходятъ вокругъ насъ, ища всегда случая лишить насъ добраго имени, и коварно блюдутъ нашу пяту—конецъ жизни. Страшись до кончины по причинѣ неизвѣстности будущаго: потому что ты

сотворенъ удобопремѣняемымъ по своей свободѣ.

65. Врагъ подвергаетъ насъ жестокимъ и страшнымъ искушеніямъ, когда узнаетъ, что душа восходитъ на высокую степень добродѣтели; а о семъ заключаетъ онъ по словамъ молитвы и возвышенію надъ вещественною двоицею—плотію и всѣмъ чувственнымъ. Человѣконенавистникъ съ такою завистію тогда искушаетъ насъ, что сомнѣваемся въ самой жизни. Суетный, онъ не знаетъ, сколь многихъ благъ чрезъ сіе бываетъ для насъ виновникомъ,—содѣлывая насъ чрезъ терпѣніе опытными и соплетая для насъ блистательнѣйшіе вѣнцы.

66. Нѣтъ подвига болѣе цѣломудрія и дѣвства. Ведущему безбрачную жизнь удивляются самые Ангелы, и онъ не менѣе подвижниковъ увѣнчавается: потому что сколько трудовъ и усилій потребно, чтобъ, состоя изъ плоти и крови, стремиться всегда непорочностію подражать невещественности Безплотныхъ? И подлинно, столь велика и возвышенна сія добродѣтель, что

почти кажется невозможною, как превышающая природу, естьли Господь свыше не поможет, подкрѣпляя естественную немощь нашу, поддерживая слабость и нѣкоторым образом облегчая нас и подъемля от земли Божественною любовію и надеждою уготованных наград.

67. Плоть, утучняемая многим питіем и многим сном, бывает великим препятствіем цѣломудрію. А истинное цѣломудріе и в сновидѣніях остается неизмѣнным; ибо участіе в них ума есть знак того, что он еще носит в глубинѣ себя недуг страсти. Естьли же кто по благодати Божіей удостоился и без тѣла, во снѣ, бесѣдовать с Богом: то таковый непоколебим и есть неусыпный страж тѣла и души во время их покоя, как нѣкій пес, который бдит по причинѣ коварных волков, и у котораго ничто не похищается.

68. Странное для тебя я скажу, не удивляйся. Есть нѣкое таинство, сокровенно совершающееся между Богом и душею: это удѣл самых высоких добродѣтелей

и совершенной чистоты, любви и вѣры,— когда человѣкъ, вполнѣ примирившись съ Богомъ, соединится съ Нимъ чрезъ уподобленіе Ему, молитвою и непрестаннымъ созерцаніемъ. Тогда-то Илія заключаетъ небо бездождіемъ, и небеснымъ огнемъ пожигаетъ жертву, а Моисей разсѣкаетъ море и распростертіемъ рукъ обращаетъ въ бѣгство Аммалика, и Іона спасается отъ кита и глубины морской. Ибо усиліе влечетъ, куда хочетъ, человѣколюбивѣйшаго Бога. Удостоившійся сего, хотя находится въ тѣлѣ, но возшелъ превыше тлѣнія и смертности, и встрѣчаетъ смерть, какъ всеобщій сонъ, пріятно препровождающій насъ къ уповаемымъ благамъ.

О Священствѣ.

69. Почитая страданія Владыки и уничиженіе за насъ Бога Слова, а равнымъ образомъ принесеніе въ жертву и раствореніе въ насъ животворящаго и Божественнаго тѣла и крови, коихъ мы не только пріобщенія удостоились, но и священнодѣйствованія, смири себя, какъ овца, обреченная на закланіе, истинно почитая всѣхъ лучшими

тебя, и опасайся возмутить чью либо совѣсть, особливо безъ всякой причины. Безъ освященія же не дерзай прикасаться къ Святынѣ, да не погибнешь, бывъ, какъ сѣно, попаленъ Божественнымъ огнемъ и растопленъ, какъ воскъ.

70. Естьли ты совершаешь страшное дѣло Божественнаго и великаго священнослуженія, какъ должно, и совѣсть твоя не обличаетъ тебя: то ни отъ чего столько не надѣйся спасенія, какъ отъ сего. Ибо происходящая отсюда польза превышаетъ пользу всякаго упражненія и созерцанія. Естьли же не такъ, самъ увидишь,—и лучше тебѣ, когда сознаешь свою немощь, совсѣмъ сойти съ высокой степени Священства, нежели съ недостатками и безъ чистоты стоя на ней, и почитаясь отъ другихъ превознесеннымъ, лежать за недостоинство въ паденіи, слезъ достойномъ.

71. Служеніе великаго сана Священства, умилостивленіе и умоленіе Бога онымъ, столько превосходитъ псалмопѣніе и молитву, сколько солнце звѣзды. Ибо мы Самаго Еди-

нороднаго приносимъ въ жертву, предлагаемъ и приводимъ въ ходатайство,—того, который туне по человѣколюбію предалъ Себя на смерть за грѣшниковъ для доставленія имъ не только отпущенія грѣховъ, но и всего, чего ни попросимъ—полезнаго, естьли только чиста совѣсть. Тѣло соединенное съ Божествомъ, какъ нѣкій уголь, попаляетъ всякое вещество беззаконій и просвѣщаетъ сердца приступающихъ съ вѣрою: равнымъ образомъ Божественная и пречестная кровь омываетъ и очищаетъ лучше всякаго ѵссопа всякую, естьли какая случится, нечистоту и скверну тѣхъ, которые со всевозможною чистотою и цѣломудріемъ дерзаютъ принимать Св. Тайны.

72. Не вознесшееся тѣло Бога Слова, какъ нѣкто изъ Святыхъ сказалъ, нисходитъ съ неба и приносится въ жертву; но самый хлѣбъ и вино прелагаются въ тѣло и кровь Христову, будучи съ вѣрою, страхомъ, любовію и благоговѣніемъ священнодѣйствуемы отъ удостоившихся Божественнаго Священства, и претворяясь изъ того въ сіе дѣйствіемъ и наитіемъ Всесвятаго

Духа,—не дѣлаясь другимъ тѣломъ отличнымъ отъ того Владычняго, но прелагаясь въ сіе и содѣлываясь нетлѣннымъ и неразрушимымъ. И такъ сколь великую долженъ имѣть чистоту и святость Священникъ,—прикасающійся къ Божіему тѣлу? и какое долженъ имѣть дерзновеніе тотъ, который бываетъ посредникомъ между Богомъ и человѣками, и имѣетъ сходатаями, кромѣ Пречистой Богоматери, всѣ небесныя Силы Ангельскія и отъ вѣка Святыхъ? Мнѣ кажется, ему надобно имѣть какъ достоинство, такъ и близость къ Богу—Ангельскія или Архангельскія.

73 Замѣть, Писиній, что для того послѣ Символа вѣры предлежатъ непокровенными на святомъ престолѣ святые Дары, имѣющіе освятиться, чтобъ нѣкоторымъ образомъ они молились за приносящихъ и невѣщаемыми словами взывали къ Живущему на небесахъ: потому что Онъ взирая не презираетъ, и видя не пренебрегаешь, памятуя добровольное свое уничиженіе за грѣшниковъ, неизреченное снисхожденіе и человѣколюбное закланіе. Ибо Онъ не праведни-

камъ намъ даровалъ искупленіе и спасеніе своимъ страданіемъ, благій и милосердый, но помиловалъ и призвалъ падшихъ.

---

74. Хотя ты посредствомъ чистой молитвы, соединяющей съ Богомъ невещественно невещественный умъ, достигнешь того, что будешь видѣть, какъ въ зеркалѣ, жребій, ожидающій тебя по смерти,—естьли, то есть, ты получилъ залогъ Духа Святаго, и внутри себя носишь царствіе небесное съ полнымъ ощущеніемъ и увѣренностію: впрочемъ не потерпи того, чтобъ отрѣшиться тебѣ отъ плоти безъ предвѣдѣнія о смерти; но молись усердно о семъ и твердо надѣйся, что получишь сіе, естьли то будетъ тебѣ полезно, предъ кончиною, къ которой непрестанно приготовляйся, оставивши всякой страхъ, дабы, протекши смѣло и безбоязненно воздухъ и избѣгши духовъ злобы, достигнуть тебѣ небесныхъ сводовъ, стать въ ряду Ангельскихъ ликовъ, присоединиться къ Избраннымъ отъ вѣка и Праведнымъ, созерцать Бога, сколько это возможно, или по крайней мѣрѣ блага Его, разумѣвать Бога Слово, блистающаго, какъ лучами свѣта,

пренебесными доброшами и чшимаго съ пречистою своею плошію единымъ поклоненіемъ, вкупѣ съ Ошцемъ и Духомъ ошъ всего небеснаго воинства и всѣхъ Свяшыхъ. Аминь.

IX.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО АНТОНІЯ ВЕЛИКАГО

ПИСЬМО ШЕСТОЕ КЪ МОНАХАМЪ

О ТОМЪ, ЧТО ДУХИ ЗЛОБЫ ВСЕГДА СТАРАЮТСЯ СОВРАТИТЬ БЛАГОЧЕСТИВЫХЪ ЛЮДЕЙ СЪ ПУТИ ДОБРОДѢТЕЛИ, И ЧТО СМИРЕНІЕ НЕОБХОДИМО ДЛЯ СПАСЕНІЯ.

Антоній возлюбленнымъ дѣтямъ своимъ, живущимъ въ Арсинойскихъ монастыряхъ и всѣмъ, кои обратились къ Богу всѣмъ сердцемъ своимъ, желаетъ спасенія отъ Господа.

Дѣти мои, вы истинные Израильтяне. Благодать, дѣйствующая въ васъ, показываетъ вамъ путь къ вѣчному блаженству. Но для полученія сего блаженства вы должны непрестанно противиться силѣ грѣха, уменьшать и истреблять въ себѣ оную, должны уготовлять себя Богу въ жертву чистую и святую, чтобы содѣлаться достой-

ными *благоутробнаго милосердія Божія, коимъ посѣтилъ* васъ *Востокъ свыше.* (Лук. 1, 78.) Духовная природа наша съ высоты славы и достоинства своего низпала въ безднy безславія и униженія: но милосердый Богъ посѣтилъ ее благостію своею, давъ намъ спасительные законы посредствомъ раба своего Моисея и прочихъ Пророковъ. Особеннымъ и яснѣйшимъ образомъ Богъ открылъ намъ благость свою въ Единородномъ Сынѣ своемъ, котораго Онъ послалъ къ намъ на землю. Сей вѣчный Сынъ Божій есть истинный Первосвященникъ, истинный врачъ, который можетъ исцѣлить всѣ болѣзни наши. Онъ облекся въ тѣло наше, и за грѣхи наши предалъ Себя въ жертву Богу. Наша немощь была причиною того, что Онъ принялъ на Себя образъ немощи; наша нищета побудила Его облечься въ образъ нищеты; наша мертвенность подвергла Его поносной смерти. Онъ претерпѣлъ за насъ жестокія мученія, и Его смерть оживила насъ. И такъ мы всѣми силами должны стараться, чтобы всѣ Святые радовались о насъ на небѣ, *да и сѣяй вкупѣ радуется, и жняй.* (Іоан. 4, 36.) Когда мы бываемъ безпечны, Святые печа-

ляшся о насъ, и возсылаюшъ къ Богу молишвы о спасеніи нашемъ.

Дѣши мои, я нахожусь въ великомъ безпокойствѣ по причинѣ васъ. Я знаю, что и Святые на небѣ принимаюшъ великое участіе въ васъ. Они непресшанно со слезами возсылаюшъ молишвы къ Богу, чшобы Онъ укрѣпилъ васъ въ подвигахъ благочесшія. И шакъ сшарайшесь подражашь ихъ земной жизни. Святые видѣли, что въ непосшижимомъ воплощеніи Сына Божія Богъ оmкрылъ безконечное милосердіе свое къ человѣческому роду, видѣли всѣ шруды, которые подъялъ Сынъ Божій для спасенія нашего, знали шакже и всѣ усилія и коварсшва духовнаго врага нашего, которыя онъ упошребляешъ къ погибели нашей, и пошому непресшанною молишвою, бдѣніемъ и посшоянны мъ исполненіемъ заповѣдей Божіихъ сшарались сдѣлашься досшойными любви Божіей. И васъ прошу я, возлюбленныя дѣши мои, разсуждайше о великихъ благодѣяніяхъ, дарованныхъ намъ Спасишелемъ нашимъ. По причинѣ склонносши нашей ко грѣху и согласія нашего съ волею врага Божія, ошца лжи, мы изъ су-

ществъ разумныхъ сдѣлались неразумными; но благость Божія возставила насъ отъ паденія нашего, и открыла намъ источникъ мудрости въ Духѣ Божіемъ.

Дѣти мои, вы должны знать, что злые духи многочисленными и многообразными способами стараются совратить насъ съ пути добродѣтели. Но естьли они видятъ, что мы уже знаемъ опасность, проистекающую отъ грѣха, не позволяемъ господствовать надъ собою страстямъ своимъ, предостерегаемъ себя отъ тѣхъ порочныхъ дѣлъ, къ которымъ они стараются привлечь насъ, и вообще отвергаемъ всѣ ихъ гибельныя внушенія: то оставляютъ насъ, и не осмѣливаются болѣе приступать къ намъ. Злые духи знаютъ, что, когда Богъ попускаетъ имъ искушать преданнаго Ему человѣка, чрезъ то уготовляетъ имъ большее наказаніе. Они уже увѣрены, что ихъ мученіе неизбѣжно, что ихъ отпаденіе отъ Бога и вражда противъ Него необходимо содѣлали ихъ наслѣдниками ада. Возлюбленныя дѣти мои, я и днемъ и ночью молю о васъ Господа, чтобы Онъ отверзъ очи сердца вашего, чтобы вы

могли видѣть всѣ коварства злыхъ духовъ и всю ихъ ненависть къ вамъ, чтобы укрѣпилъ сердце ваше въ духовномъ бдѣніи, далъ вамъ духъ мудрости, и научилъ васъ приносить себя Ему въ жертву живую, чистую и святую, и во всякое время предохранять себя отъ обольщенія и гибельныхъ внушеній злыхъ духовъ. Они различнымъ образомъ стараются привлечь насъ ко грѣху. Они скрываютъ какъ ненависть свою къ намъ, такъ и враждебныя дѣйствія противъ насъ, внушаютъ намъ богохульныя мысли, побуждаютъ сомнѣваться въ истинахъ Вѣры, чтобы привесть насъ къ невѣрію, потемняютъ разумъ нашъ, раждаютъ въ сердцѣ нашемъ порочныя желанія, повергаютъ насъ въ уныніе и отчаяніе, возбуждаютъ въ насъ гнѣвъ, раждаютъ и укрѣпляютъ въ насъ склонность осуждать другихъ, но всегда оправдывать самихъ себя, научаютъ насъ злословить ближнихъ нашихъ, ласково и дружелюбно говорить съ тѣми, къ коимъ мы, по ихъ же внушенію, питаемъ сильную ненависть, показываютъ намъ внѣшнія недостатки ближняго, но скрываютъ отъ насъ внутреннее наше развращеніе, производятъ между нами распри

и несогласія, когда мы, по ихъ внушенію, почитаемъ себя лучше другихъ. Сверхъ сего они побуждаютъ насъ предпринимать такія дѣла, которыя превышаютъ наши силы, и отклоняютъ насъ отъ исполненія того, что для насъ и полезно и нужно. Когда мы должны плакать; они побуждаютъ насъ смѣяться: когда мы должны радоваться; они производятъ въ сердцѣ нашемъ печаль. Словомъ, они всегда стараются совратить насъ съ пути правды и покорить своей власти. Много потребно времени, чтобы исчислить всѣ пороки и всѣ грѣхи, къ которымъ они стараются привлечь насъ: скажу только, что естьли мы и немного попустимъ имъ возобладать надъ нами: то сѣмя зла, которое они посѣятъ въ сердцѣ нашемъ, укоренится, возрастетъ и умножится, и мы содѣлаемся добычею ихъ и предуготовимъ себѣ страшное наказаніе. И такъ мы должны непрестанно прибѣгать съ молитвою къ благости небеснаго Отца нашего, чтобы Онъ укрѣпилъ насъ своею силою, и своею Божественною помощію содѣйствовалъ намъ во всѣхъ нашихъ дѣлахъ. Ибо злые духи всѣ силы свои

употребляютъ къ тому, чтобы погубить насъ.

Дѣти мои, человѣкъ, который, видя въ себѣ нѣкоторыя совершенства, гордится ими, и старается оправдать себя дѣлами своими, далекъ отъ Бога. Тщеславіе, самонадѣянность, и самодовольство содѣлываютъ человѣка жилищемъ духа злобы, который и наполняетъ его душу порочными мыслями и желаніями, и употребляетъ тѣло его въ орудіе грѣха. Страсти господствуютъ надъ гордымъ человѣкомъ, потому что онъ не отдалилъ отъ себя смиреніемъ духовъ злобы, которые возбуждаютъ страсти. И такъ мы должны пріобрѣтать познаніе о враждебныхъ дѣйствіяхъ злыхъ духовъ противъ насъ, и при помощи Божіей отклонять или уничтожать оныя. Искушенія, проистекающія отъ оныхъ духовъ, тѣмъ опаснѣе для насъ, что духи невидимы и дѣйствуютъ не тѣлеснымъ, но духовнымъ образомъ. Мы не можемъ видѣть ихъ, какъ видимъ тѣло наше: но они видятъ насъ. Когда они всѣваютъ въ душу нашу богопротивныя мысли: то чрезъ то какъ бы вселяются въ насъ, и дѣлаются

видимыми въ тѣлѣ нашемъ. Дѣти мои, не давайте имъ мѣста въ себѣ, и не позволяйте имъ приступать къ вамъ, чтобы не навлечь гнѣва Божія на себя, и не подать имъ случая къ радости и осмѣянію васъ. Будьте внимательны къ наставленіямъ моимъ. Злые духи знаютъ, что взаимное наставленіе подкрѣпляетъ вѣрующихъ въ борьбѣ съ ними. Но искушенія отъ злыхъ духовъ неизбѣжны. Ибо мы до совершеннаго отрѣшенія отъ тѣла не можемъ быть совершенно свободны отъ склонности ко грѣху. Притомъ когда злые духи хотятъ обольстить насъ, мы не можемъ видѣть ихъ предъ собою, какъ видимъ человѣка стоящаго предъ нами, и потому не можемъ удаляться отъ нихъ. Злые духи видимы бываютъ только въ нашихъ грѣхахъ. Они существа духовныя, но существа, удалившіяся отъ Бога, и получившія различныя имена сообразно беззаконнымъ свойствамъ и дѣламъ ихъ. Имена сіи суть слѣдующія: Сатана, Діаволъ, Веельзевулъ, Князь власти воздушныя, и прочія подобныя симъ. Но имена небесныхъ Силъ слѣдующія: Архангелы, Престолы, Господства, Власти, Херувимы, Серафимы и проч. Имена сіи даны

симъ послѣднимъ за постоянное и вѣрное исполненіе воли Творца ихъ. Подобнымъ образомъ и люди, которые, тѣломъ живя на землѣ, духомъ жили на небѣ, извѣстны подъ именемъ Патріарховъ, Царей, Священниковъ, Судей и Апостоловъ, Имена сіи даны людямъ за ихъ благочестивыя дѣла и исполненіе заповѣдей Божіихъ. Но всѣ сіи Святые люди произошли отъ одного и того же Адама, и имѣли такое же тѣло и душу по сущности своей, какія имѣемъ и мы.

Дѣти мои, всѣ люди произошли отъ одного начала, и потому кто грѣшитъ противъ ближняго своего, тотъ грѣшитъ противъ самаго себя, кто дѣлаетъ зло ближнему своему, тотъ дѣлаетъ зло душѣ своей. Сколь бы ни были велики грѣхи беззаконнаго человѣка, они ни мало не нарушаютъ блаженства Божія. Они всегда дѣлаютъ несчастнымъ самаго человѣка. Также сколь бы ни были велики добродѣтели человѣка, онѣ ни мало не увеличиваютъ блаженства Божія. Да и могутъ ли быть столь велики добродѣтели человѣка, чтобы онъ прославлялъ ими Бога соотвѣтственно безконечному Его величію, что-

бы приносилъ Ему почтеніе и служеніе достойное Его святости и благости? Бренность тѣла нашего препятствуетъ намъ служить Богу достойнымъ Его образомъ. И такъ мы должны всѣ силы свои употреблять къ тому, чтобы добрыми дѣлами и любовію другъ къ другу умножать въ себѣ благодать Божію. Мы не должны любить только самихъ себя, чтобы не сдѣлаться добычею врага. Мы должны прежде всего стараться познать самихъ себя. Кто имѣетъ правильное познаніе о самомъ себѣ, тотъ имѣетъ правильное познаніе и о тваряхъ, которыя Богъ произвелъ изъ ничего; тотъ знаетъ также и достоинство умнаго и безсмертнаго духа человѣческаго, заключеннаго на время въ бренное тѣло, дабы въ немъ усовершать себя въ добродѣтели. Ктожъ знаетъ сіе, тотъ знаетъ, что должно любить Бога, а кто любитъ Бога, тотъ любитъ всѣхъ. Возлюбленныя дѣти мои, любите другъ друга искренно. Тѣло, въ которое вы облечены, содѣлывайте жертвенникомъ, возлагайте на сей жертвенникъ всѣ нечистыя мысли, и возвысивъ сердце и умъ свой къ Богу, просите Его, чтобы Онъ

ниспослалъ вамъ свыше свой невещественный огонь, и пожегъ онымъ все положенное вами на жертвенникѣ тѣла вашего. Тогда священники Вааловы побѣгутъ отъ лица вашего, какъ побѣгли они нѣкогда отъ Пророка Иліи. Тогда отверзется для васъ и небесный Божественный источникъ, изъ котораго проліется на васъ духовный дождь— благодать Духа Утѣшителя. Когда же вы получите Божественные дары Духа: то не думайте, что пріобрѣли оные собственными своими дѣлами: ибо небесныя Силы всегда вспомоществуютъ вамъ въ вашихъ благочестивыхъ подвигахъ.

Дѣти мои, я прошу васъ, не ослабѣвайте въ трудахъ спасенія вашего, чтобы и Святые на небѣ и я, недостойный рабъ Божій, радовался о васъ: ибо и вы и я и Святые произошли отъ одного и того же Адама, и сотворены однимъ и тѣмъ же Виновникомъ всѣхъ тварей. Кто знаетъ самаго себя, тотъ знаетъ, что душа человѣческая безсмертна, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть истинный образъ Бога Отца, что по подобію сего вѣчнаго образа Божія

сотворены все духовныя разумныя существа. Поелику Іисусъ Христосъ есть *глава тѣла, глава Церкви,* какъ говоритъ Апостолъ Павелъ: (Колос. 1, 12.) то всѣ мы порознь члены, и всѣ вмѣстѣ составляемъ одно тѣло во Іисусѣ Христѣ. *Не можетъ,* говоритъ тотъ же Апостолъ, *око рещи руцѣ: не требѣ ми еси: или паки глава ногамъ: не требѣ ми есте. Аще страждетъ единъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди: аще ли славится единъ удъ, съ нимъ радуются вси уди.* (1 Кор. 12, 21. 26.) Посему мы, какъ члены одного тѣла, должны другъ друга любить. Но кто *любитъ брата своего, тотъ любитъ и Бога,* (1 Іоан. 4, 21.), а кто любитъ Бога, тотъ любитъ самаго себя.

Дѣти мои, Богъ одарилъ насъ свободною волею; посему Онъ и попускаетъ злымъ духамъ искушать насъ, чтобы мы сами могли отражать и побѣждать ихъ. Но вы должны помнить, что въ Псалмѣ (33, 8.) написано: *Ополчится Ангелъ Господень окрестъ боящихся Его, и избавитъ ихъ.* Естьли же человѣкъ не боится Бога, и не хочетъ ис-

полнять закона Божія: то злые духи весьма легко покоряютъ его власти своей, и онъ, по словамъ Писанія, дѣлается сыномъ діавола. Діаволъ, будучи низвергнутъ съ неба во адъ за гордость свою, всегда ищетъ погибели тѣхъ, кои пребываютъ вѣрными Господу своему, и старается погубить ихъ такимъ же образомъ, какъ самъ погибъ, то есть, гордостію и славолюбіемъ. Злые духи знаютъ, что кто любитъ брата своего, тотъ любитъ и Бога. Посему они возбуждаютъ въ сердцахъ людей взаимную ненависть другъ ко другу, такъ что человѣкъ иногда не можетъ терпѣть и присутствія другаго человѣка, и не можетъ сказать ему ни одного слова.

Дѣти мои, сказываю вамъ, что изъ людей, посвятившихъ себя служенію Богу, были многіе, которые уже далеко прошли на пути духовнаго совершенства, но по своему неблагоразумію пали и погибли. Это не должно быть для васъ удивительнымъ, потому что естьли и вы возгордитесь и будете думать, что добродѣтели и святость ваша уже великую цѣну имѣютъ предъ Бо-

томъ, естьли вы по самопрельщенію будете ослабѣвать въ исполненіи добрыхъ дѣлъ: то впадете въ діавольскую болѣзнь—въ гордость и забвеніе самихъ себя; вы будете думать, что вы близки къ Богу и находитесь во свѣтѣ Его, между тѣмъ какъ вы будете находиться во мракѣ грѣховномъ. Дѣти мои, что побудило Господа нашего Іисуса Христа встать съ вечери, снять съ Себя верхнюю одежду, взять полотенцо, препоясаться имъ, влить воду въ умывальницу и умыть ноги ученикамъ своимъ? Что, естьли не желаніе оставить намъ примѣръ смиренія? Смиреніе есть добродѣтель, необходимая для всякаго желающаго приблизиться къ Богу. Ибо гордость первая породила грѣхъ. Она низвергла діавола съ неба, и изгнала Адама изъ рая. Естьли человѣкъ не возлюбитъ смиренія всѣмъ сердцемъ своимъ, всѣми мыслями, всѣмъ духомъ и всею душею, естьли не будетъ выражать смиренія во всѣхъ дѣлахъ своихъ, не наслѣдуетъ царствія небеснаго.

Возлюбленныя дѣти мои, я и днемъ и ночью молю Творца моего, чтобы Онъ просвѣтилъ очи сердца вашего, чтобы вы познали

мою любовь къ вамъ, и увѣрились въ необходимости святой жизни ко спасенію. Кто имѣетъ правильное познаніе о самомъ себѣ и чувствуетъ нужду въ исправленіи и усовершеніи себя: тотъ стремится къ пріобрѣтенію небесной славы. Кто знаетъ свою грѣховную мертвенность, тотъ стремится къ жизни вѣчной. Дѣти мои, я опасаюсь, чтобы на пути къ небеснымъ сокровищамъ не ослабили васъ труды покаянія, и не истребили въ васъ надежды къ достиженію вѣчныхъ благъ. Я желалъ бы видѣть васъ и здѣсь на землѣ въ бренномъ тѣлѣ моемъ: но я ожидаю уже переселенія въ тѣ блаженныя обители, гдѣ нѣтъ ни печали ни стенанія, но гдѣ всѣ Святые непрестанно радуются. Тамъ я надѣюсь видѣть васъ. Еще о многомъ я хотѣлъ бы написать вамъ, возлюбленныя дѣти мои; но время уже окончить письмо мое, и пожелать всѣмъ вамъ спасенія отъ Господа нашего Іисуса Христа. Ему должно быть приносимо славословіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

X.

О ЧУВСТВОВАНІЯХЪ СЕРДЦА

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ РЕЛИГІИ.

Есть люди, которые или по незрѣлости своего сужденія, или въ оправданіе своей холодности въ любви къ Спасителю, утверждаютъ, что обязывать Христіанъ къ тому, чтобы они имѣли Спасителя предметомъ чувствованій сердца, значитъ унижать предписываемое Религіею Богопочтеніе, значитъ поставлять простыя чувствованія на мѣсто основаннаго на разумѣ Богопочтенія. Предметъ сей достоинъ особеннаго разсмотрѣнія; ибо Богопочтеніе наше безъ сомнѣнія должно быть, по выраженію Апостола, *разумнымъ служеніемъ*. (Римл. 12, 1.)

Мнѣніе сихъ людей можетъ быть основано или на томъ, что чувствованія сердца безразсудны сами по себѣ, или на томъ, что онѣ неприличны въ Религіи. Но допускать, что чувствованія сердца безразсудны сами по себѣ, было бы столько же безразсудно, сколько и утверждать, что человѣкъ не

имѣетъ сердца. И такъ разсмотрѣнію нашему подлежитъ только послѣдняя мысль, состоящая въ томъ, что чувствованія сердца неприличны въ Религіи; и притомъ, или онѣ *вообще* неприличны Религіи, или Спаситель нашъ не можетъ быть ихъ предметомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что чувствованія и страсти, данныя намъ Творцемъ, имѣли первоначально благороднѣйшее назначеніе. Но поврежденное состояніе наше причиною того, что сіи чувствованія и страсти непрестанно возстаютъ противъ разума и совѣсти, вмѣсто того, чтобы покоряться ихъ могуществу. Естьли бы Откровеніе и умолчало о семъ предметѣ; то естественный разумъ убѣдилъ бы насъ въ томъ, что остановить пагубныя дѣйствія сего развращенія принадлежитъ одной только Религіи, произшедшей отъ Бога. Такъ! мудрость человѣческая, оставленная собственному своему свѣту, ежели не прямымъ, то косвеннымъ образомъ доказала, что сіе предпріятіе выше силъ ея. Въ самомъ дѣлѣ, обратимъ взоръ нашъ на двѣ славнѣйшія системы философіи. Одна изъ нихъ явно приписывала стра-

стямъ власть, ими похищенную; другая, отчаяваясь удержать ихъ въ порядкѣ, не находила инаго средства, кромѣ истребленія ихъ. Первая поступала подобно слабому правителю, который провозглашаетъ независимость возмутившейся области потому, что не имѣетъ столько силы, чтобы удержать ее въ повиновеніи. Вторая утверждалась на такомъ же основаніи, на какомъ утверждается тираннъ, который утишаетъ смятенія буйной страны, повелѣвая истребить ея жителей. Возвращеніе тишины, безъ сомнѣнія, бываетъ слѣдствіемъ таковой мѣры; однако тишина сія не есть тишина порядка и спокойствія, но тишина смерти.

Безъ всякаго сомнѣнія Христіанство не будетъ доведено до такихъ жалкихъ средствъ; и ни въ какомъ случаѣ не употребило бы оныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоитъ существенное назначеніе и преимущественная слава Христіанства? Не для того ли оно установлено, чтобы всѣ способности нашего естества содержать въ правильномъ подчиненіи, въ надлежащей зависимости, дабы человѣкъ, воспріявшій всѣ свои преиму-

щества, могъ стремиться къ истинной цѣли, которую предположилъ Творецъ его, и совершенно посвящать себя Его служенію и славѣ.—*Сыне, даждь Ми сердце твое.* (Притч. 23, 26.) *Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ.* (Матѳ. 22, 37.) Таковы суть прямыя и выразительныя требованія, содержащіяся въ Писаніи. На каждой страницѣ сей священной Книги мы усматриваемъ обильныя доказательства того, что Богъ существенно требуетъ отъ насъ Религіи, основанной на чувствованіяхъ сердца. Любовь, ревность, благодарность, радость, надежда, довѣренность—всѣ сіи чувствованія ясно ознаменованы въ Писаніи. Слово Божіе предписываетъ намъ сіи чувствованія, какъ необходимую обязанность, и внушаетъ, что онѣ составляютъ Богопочитаніе, пріятнѣйшее Всевышнему. Слово Божіе не только воздаетъ похвалу силѣ сихъ чувствованій, когда онѣ приводятся въ дѣятельность законнымъ предметомъ, но еще научаетъ, что сердце жестокое, холодное и нечувствительное есть весьма преступно. Слово Божіе показываетъ, что теплота есть особенный предметъ отвращенія Божія, между

тѣмъ какъ ревность и любовь пріобрѣтаютъ всегда Его благоволеніе. Слово Божіе увѣряетъ, что тотъ, кто исторгнетъ изъ себя сердце каменное и замѣнитъ его сердцемъ мягкимъ (плотянымъ), соберетъ спасительные плоды благодати. Когда Апостолъ Павелъ возсылалъ къ Господу молитвы о вѣрующихъ, находившихся въ Филиппахъ; то молился о томъ, чтобы *любовь* ихъ, которая была уже весьма велика, *еще болѣе и болѣе возрастала.* (Филип. 1, 9.) Разсматривая характеры отличныхъ мужей, изображаемыхъ въ Писаніи, мы находимъ, что они исполнены были усердіемъ и ревностію. Когда они прославляли милости высочайшаго Благодѣтеля своего: тогда сердца ихъ воспламенялись жаромъ святой любви; языкъ ихъ былъ недостаточенъ для выраженія ихъ восторговъ; они призывали всю природу для воспѣванія хвалы и благодаренія. Когда Богъ остановилъ на кровавомъ поприщѣ Савла, котораго назначалъ благовѣстникомъ для язычниковъ, и который долженствовалъ служить для Церкви памятникомъ возраждающей благодати; то сила горячности сего Апостола не ослабѣла, но только приняла другое на-

правленіе. Съ того времени, ревность его оказывается въ высочайшей степени; и ни великость, ни продолжительность его страданій не могутъ охладить жара его усердія. Наконецъ, поклоненіе, которое прославленныя души воздаютъ Всевышнему на небеси, состоитъ, по свидѣтельству Слова Божія, не въ холодномъ и чисто умственномъ размышленіи, но въ благодареніи и любви.

Случается, что благочестивыя чувствованія заимствуютъ силу свою отъ физическаго темперамента; онѣ легко возбуждаются въ людяхъ, которые одарены пылкимъ воображеніемъ, и которыхъ страсти бываютъ весьма живы, хотя сердце ихъ не трогается предметомъ, воспламеняющимъ оныя. Но таковая живость страстей не составляетъ истиннаго правила, по которому должно заключать о существенномъ свойствѣ и внутренней силѣ благочестивыхъ чувствованій. Дабы вразумить себя касательно сего предмета, должно изслѣдовать, основаны ли сіи чувствованія на твердомъ наставленіи, утверждены ли корни ихъ въ правильномъ понятіи великихъ и многочисленныхъ

преимуществъ, коими одаренъ предметъ ихъ,— или зависятъ отъ невѣдѣнія и не имѣютъ опредѣленной цѣли; естественны ли онѣ, или принужденны; прилѣпляются ли къ великимъ предметамъ, ихъ возбуждающимъ, и въ молитвѣ, славословіи и благочестивомъ размышленіи находятъ пріятнѣйшую и существенную пищу свою,—или добровольно пренебрегаютъ благопріятные къ принятію оной случаи, предусматриваютъ ихъ безъ особеннаго стремленія, воспоминаютъ о нихъ безъ особеннаго удовольствія, лишаются ихъ безъ сожалѣнія. Должно еще изслѣдовать, овладѣваютъ ли сіи чувствованія сердцемъ только въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, или утверждаютъ въ немъ постоянное жилище свое; одерживаютъ ли побѣду надъ порочными склонностями; умѣряютъ ли второстепенныя побужденія; управляютъ ли всѣми желаніями, которыя, доходя до излишества, становятся виновными; наконецъ стремятся ли къ достиженію и сохраненію совершеннаго и неотъемлемаго владычества надъ сердцемъ. Должно сверхъ сего замѣчать, приводятъ ли сіи чувствованія къ исполненію всѣхъ должностей жизни, личныхъ и се-

мейственныхъ, гражданскихъ и общественныхъ. Тогда, обширность ихъ владычества и всеобщность ихъ вліянія будутъ служить признакомъ, отличающимъ ихъ отъ тѣхъ частныхъ усилій, отъ того самоотверженія, къ которымъ человѣкъ приводится подчиненными побужденіями. И такъ одни только поступки служатъ въ семъ случаѣ рѣшительнымъ доказательствомъ; всѣ другія доказательства подвержены сомнѣнію и обоюдности. Одни только поступки служатъ необманчивымъ руководствомъ, будемъ ли основывать доводы наши на разумѣ, или на Священномъ Писаніи. Ежедневныя произшествія въ супружеской и домашней жизни научаютъ насъ, что жаръ чувствованій, имѣющихъ случайный и преходящій порывъ, легко совмѣщаться можетъ съ поступками, которые служатъ неоспоримымъ доказательствомъ небрежности и злости. Но чувствованіе, которое въ Священномъ Писаніи особенно означается именемъ любви, есть чувствованіе глубокое, а не поверхностное, движеніе постоянное, а не преходящее. Таковыя качества сей любви доказываются дѣлами, соотвѣтствующими ея природѣ, усиліями

къ удовлетворенію желаній и споспѣшествованію пользамъ ея предмета. *Кто любитъ Меня, тотъ слово Мое соблюдетъ,* (Іоан. 14, 23.) *Въ томъ* состоитъ *любовь къ Богу, чтобъ мы соблюдали заповѣди Его,* (1 Іоан. 5, 3.)

И такъ нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Религія не исключаетъ чувствованій сердца, но только направляетъ ихъ къ надлежащей цѣли. Дальнѣйшее разсматриваніе сего предмета покажетъ намъ, что основательнѣйшія заключенія разума совершенно согласны съ свидѣтельствами Откровенія; такъ что употребленіе чувствованій сердца въ служеніи Религіи есть не только то, что здравый разумъ можетъ предписать сообразнѣйшаго, но и то, на что онъ ясно и убѣдительно указываетъ намъ, и чего положительно требуетъ отъ насъ въ настоящихъ обстоятельствахъ. Всѣ мы должны дѣлать дѣло; оно относится къ вѣчному нашему счастію. Однако, мы весьма мало расположены къ совершенію сего дѣла. Мы живемъ въ мірѣ, исполненномъ предметами, которые непрестанно развлекаютъ наше вни-

маніе, и даютъ всѣмъ нашимъ усиліямъ направленіе, уклоняющее отъ успѣха. Страшный врагъ повсюду слѣдуетъ за нами, дабы ослѣпить и обольстить насъ. Правда, что успѣхъ будетъ несомнителенъ, естьли мы неослабно станемъ противоборствовать своему врагу; но для сего потребно, чтобы усилія наши были непрерывны. Посему мы призваны къ твердой рѣшимости, непрерывному бодрствованію, неутомимой дѣятельности. Но, увы! человѣкъ не есть существо чисто разумное. *Не то дѣлаю, что хочу; а дѣлаю, что ненавижу.* (Римл. 7, 15.) Вотъ жалоба, которая долженствовала бы ежедневно исходить изъ глубины нашего сердца. Самое слабое побужденіе нашихъ похотѣній часто достаточно бываетъ для того, чтобы заставить насъ дѣйствовать вопреки убѣдительнѣйшему сужденію, твердѣйшей рѣшимости, драгоцѣннѣйшимъ пользамъ. Вотще болѣзнь, нищета, несчастіе и даже вѣчная погибель совокупно стараются обратить насъ къ должности Онѣ скоро перестаютъ привлекать къ себѣ наше вниманіе; онѣ вытѣсняются изъ сферы нашего зрѣнія предметами, которые суть столько мало-

значущи и презрѣнны, что око разума вовся ихъ не замѣчаешъ.

Сіи наблюденія, будучи приложены къ благочестивымъ размышленіямъ, получаютъ большую силу, нежели когда отнесены бываютъ ко всякому другому предмету; потому что въ первомъ случаѣ польза есть несравненно большей важности. Впрочемъ онѣ могутъ быть приспособлены и къ примѣрамъ другаго рода, когда дѣло идетъ о многотрудномъ, тягостномъ и непрерывномъ упражненіи, отъ котораго отклонять насъ могутъ непредвидѣнныя препятствія и прелести удовольствій. Что должны мы дѣлать, предпринимая дѣло трудное, но необходимое?—Мы должны не только увѣрить разумъ, но наипаче убѣдить сердце въ пользѣ онаго дѣла; мы должны дать большую силу нашимъ чувствованіямъ. Такимъ образомъ, дѣйствительно, поступаетъ здравомыслящій человѣкъ, когда лице, въ которомъ онъ принимаетъ живѣйшее участіе, какъ на примѣръ, его сынъ или братъ, готовится предпринять дѣло продолжительное и трудное, опасное и сомнительное, отъ успѣха въ коемъ зависитъ бла-

госостояніе и уваженіе, а отъ неудачи разстройство и презрѣніе. Сверхъ того, ежели сей отецъ увѣренъ, что сынъ его имѣетъ способности, которыя, при неутомимомъ трудѣ, достаточны для совершенія сего дѣла; съ другой стороны, ежели онъ знаетъ, что сынъ его легкомысленъ и непостояненъ; ежели имѣетъ причины опасаться, чтобы сей сынъ не потерялъ твердости въ намѣреніяхъ, и не ослабѣлъ въ дѣятельности къ достиженію оныхъ: то съ какимъ усиліемъ будетъ онъ стараться, напечатлѣть въ душѣ своего питомца чувствованіе важности и достоинства его предпріятія, и оградить оную отъ всѣхъ помышленій низшаго рода!

Съ такимъ благоразуміемъ, съ такою осторожностію поступаетъ каждый человѣкъ, стремящійся къ достиженію временной выгоды; но такъ ли мы дѣйствуемъ для достиженія вѣчной пользы? *Сыны вѣка сего умнѣе сыновъ свѣта, въ своемъ родѣ*, (Лук. 16, 8.) говоритъ Спаситель. Будучи нетверды и слабы въ намѣреніяхъ, мы должны совершать дѣло величайшей необходимости и

высочайшей пользы. Все, насъ окружающее, побуждаетъ къ пренебреженію онаго. Трудности и опасности суть многочисленны; между тѣмъ ночь смерти приближается быстрыми шагами. Намъ неизвѣстно, когда придетъ она; но мы точно знаемъ, что когда придетъ она, тогда *никто не можетъ уже дѣлать*. (Іоан. 9, 4.) Посему, въ толикомъ хаосѣ вещей, мы должны съ чрезвычайною заботливостію искать какихъ нибудь сильныхъ пособій. Простое познаніе совершенно недостаточно для сего. Однѣ только чувствованія сердца могутъ восполнить сей недостатокъ.

Естьли употребленіе чувствованій сердца въ Религіи предписывается въ Священномъ Писаніи и сообразно съ разумомъ; то ненужно распространяться въ доказательствѣ того, что Спаситель нашъ есть истинный предметъ оныхъ. Мы знаемъ, что любовь, благодарность, радость, надежда и довѣренность возбуждаются не иначе, какъ приличествующими имъ предметами. Предметъ любви долженъ отличаться совершенствами, предметъ благодарности—благодѣяніями; пред-

метъ радости долженъ быть источникомъ удовольствій, предметъ надежды — источникомъ чаемыхъ благъ; предметъ довѣренности долженъ служить подпорою и утѣшеніемъ, Но кто отличается толиками совершенствами, какъ Спаситель, который есть *сіяніе славы и образъ существа* Божія, (Евр. 1, 3.) въ которомъ *обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно*? (Колос. 2, 9.) Кто оказалъ намъ толикія благодѣянія, какъ Спаситель, который *предалъ Себя Самаго за насъ, въ приношеніе и жертву Богу, въ благоуханіе пріятное*? (Ефес. 5, 2.) Кто можетъ быть причиною толикой радости, какъ Спаситель, котораго *воскресеніемъ изъ мертвыхъ* мы возродились *къ наслѣдію нетлѣнному, неувядаемому, хранящемуся на небесахъ*? (1 Петр. 1, 3. 4.) Какая надежда можетъ сравниться съ тою, къ которой призываетъ насъ Спаситель, и которая есть *надежда спасенія*, (1 Ѳесс. 5, 8.) *надежда славы*? (Колос. 1, 27.) Кто можетъ быть предметомъ толикой довѣренности, какъ Спаситель, въ которомъ имѣя *великаго Первосвященника, смѣло приступаемъ*

къ престолу благодати, дабы получить милость? (Евр. 4, 14. 16.)

Не смотря на сіе, есть люди, которые, въ оправданіе своей холодности, утверждаютъ, что несообразно съ природою нашею имѣть таковыя чувствованія къ Существу невидимому, съ которымъ нѣтъ такихъ средствъ сообщенія, какія служатъ къ тѣсному союзу между человѣками. Возраженіе сіе можетъ находить нѣкоторое основаніе въ самомъ Писаніи: *Не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ?* говоритъ святый Іоаннъ. (1 Іоанн. 4, 20.) И дѣйствительно, предметы, представляющіеся глазамъ нашимъ, большее производятъ впечатлѣніе въ душѣ, и долѣе сохраняются въ памяти.— Но сіе возраженіе потеряетъ мнимую силу свою, когда мы внимательно и чистосердечно обозримъ обстоятельства сего предмета. Въ семъ намѣреніи, мы изслѣдуемъ существенное свойство чувствованій сердца, откроемъ источники, изъ которыхъ онѣ почерпаютъ пищу свою, и наконецъ покажемъ средства, предлагаемыя опытомъ для увеличенія ихъ силы.

Человѣкъ находится нынѣ въ такомъ состояніи, что его чувствованія не хотятъ покоряться разуму, и противятся всѣмъ его усиліямъ дать имъ приличное направленіе. Превосходство есть истинный предметъ любви; желаемое добро питаетъ надежду; угрожающее зло внушаетъ страхъ; несчастія намъ подобныхъ производятъ сострадание. Казалось бы, что каждое изъ сихъ чувствованій должно возбуждаться соразмѣрно сужденію разума о великости и важности соотвѣтствующаго ему предмета. Но не такъ бываетъ. Возмемъ, для примѣра, чувство сострадания. Повѣсть о убійствѣ многихъ тысячь людей менѣе насъ трогаетъ, нежели подробности несчастнаго приключенія въ сосѣднемъ домѣ. Несчастія, изображаемыя въ романѣ, хотя мы точно увѣрены въ ихъ вымышленности, поражаютъ насъ гораздо сильнѣе, нежели сухое описаніе сраженія. Мы принимаемъ столь живое участіе въ сихъ воображаемыхъ несчастіяхъ, что съ великимъ трудомъ можемъ изгнать ихъ изъ мысли, и возвратить душѣ спокойствіе. Часто съ очевиднымъ сожалѣніемъ принуждаемъ себя оставить нашу книгу, когда нуж-

но подать помощь дѣйствительному несчастію; и рѣшаемся на то по одной только должности, не принимая никакого участія, или не имѣя никакого усердія. Нетрудно доказать, что совершенно тоже бываетъ и съ другими чувствованіями сердца. Кажется, что между чувствованіемъ и его предметомъ находится нѣчто *постороннее*, что отъ обращенія и отъ силы привычки мало по малу исчезаетъ. Должно стараться о приведеніи чувствованія и его предмета въ *непосредственное соприкосновеніе*; они должны быть соединены и связаны особенными обстоятельствами. Такимъ-то образомъ, въ физическомъ мірѣ, сталь и кремень не могутъ произвести огня безъ соударенія; дикой необразованный человѣкъ для возбужденія теплоты употребляетъ взаимное треніе, а искусный химикъ—смѣшеніе. Мы соглашаемся, что предметъ приводится въ *болѣе тѣсное соприкосновеніе* съ соотвѣтствующимъ ему чувствованіемъ, когда можно видѣть сей предметъ и съ нимъ обращаться. Но слѣдуетъ ли заключить изъ сего, что нѣтъ другаго средства для таковаго соприкосновенія? Утверждая сіе, мы впа-

ли бы въ такое же заблужденіе, какъ естьли бы вопреки всеобщему опыту стали доказывать, что только подлежащіе нашему зрѣнію предметы способны обращать на себя наше вниманіе. Примѣръ впечатлѣнія, производимаго чтеніемъ романа, доказываетъ, что насъ сильно трогать могутъ и такія произшествія, о вымышленности коихъ мы совершенно увѣрены. Естьли мы много о комъ думаемъ, естьли часто о немъ разговариваемъ, естьли представляемъ его въ такихъ положеніяхъ, которыя, хотя будучи вымышлены, привлекаютъ и сильно трогаютъ насъ; то мы нечувствительно болѣе и болѣе прилѣпляемся къ нему: между тѣмъ какъ вѣрнѣйшее средство къ уничтоженію живѣйшей привязанности состоитъ въ томъ, чтобы предаться занятіямъ, или посѣщать общества способныя направить мысли наши къ другому предмету. Спросите у матери, давно разставшейся съ своимъ сыномъ, спросите, не сосредоточено ли все ея вниманіе въ любезномъ сынѣ, совершающемъ поприще колико почтенное, толико и опасное, и не служитъ ли разлука безпрестанною пищею ея привязанности? Она скажетъ вамъ,

что ея горячность получила большую силу; ей кажется даже, что она любитъ его болѣе, нежели сына, который непрестанно находится подъ матернимъ ея кровомъ, и котораго она никогда не теряла изъ вида.

И такъ видимое присутствіе и всегдашнее обращеніе, кажется, не суть необходимы для возбужденія или увеличенія привязанности въ то время, когда доставлены средства *тѣснаго прикосновенія.* Но съ другой стороны, естьли встрѣчаются препятствія къ приведенію предмета въ *тѣсное соприкосновеніе* съ нами; то видимое присутствіе и всегдашнее обращеніе недостаточны для того, чтобы возбудить въ насъ чувствованія, соразмѣрныя дѣйствительной его великости. Естьли о человѣкѣ, котораго мы часто видѣли, и съ которымъ бесѣдовали, скажутъ намъ, что онъ имѣетъ отличныя достоинства; то мы не станемъ противорѣчить сему. Но естьли не имѣемъ никакого познанія о его особенныхъ обстоятельствахъ, естьли мы не заключили съ нимъ никакого союза, словомъ, естьли ничто не обнаружило намъ его добрыхъ качествъ; то

онъ не столько привлекаетъ насъ, сколько человѣкъ съ меньшими достоинствами, но съ которымъ мы вошли въ тѣсный союзъ. Отецъ имѣетъ многихъ дѣтей; онѣ постоянно предъ его глазами; онѣ равно имъ любимы. Одно изъ нихъ впадаетъ въ болѣзнь: отецъ тотчасъ приходитъ въ *болѣе непосредственное* съ нимъ *соприкосновеніе*; онъ, кажется, сосредоточиваетъ въ немъ одномъ всю свою горячность. И такъ, хотя нельзя отвергать, что предметъ удобнѣе возбуждаетъ соотвѣтствующее ему чувствованіе, когда бываетъ видимъ; однако нельзя утверждать и того, чтобы видимое присутствіе предмета было единственною и первою причиною сей горячности. Притомъ чувство зрѣнія такъ мало владычествуетъ надъ нами, что особенное познаніе внутреннихъ качествъ предмета, подкрѣпляемое силою привычки, дѣлаетъ насъ совершенно нечувствительными къ впечатлѣніямъ наружнаго вида, и даже вовсе истребляетъ невыгодныя предубѣжденія, внушаемыя непріятною наружностію.

Теперь легко можно усмотрѣть, что преды-

дущія замѣчанія ведутъ насъ къ изъясненію явленія, усматриваемаго въ человѣческомъ духѣ, и состоящаго въ томъ, что величайшія общественныя бѣдствія менѣе поражаютъ нашу чувствительность, нежели самыя маловажныя собственныя наши несчастія. Одинъ отличный писатель, нимало не выходя изъ границъ истины, говоритъ, что,, человѣкъ, исполненный любовію къ ближ-
,,нимъ, ощутитъ гораздо большую печаль,
,,узнавъ, что завтра онъ лишится одного
,,пальца, нежели услышавъ, что великая Им-
,,перія Китайская разрушена отъ землетря-
,,сенія. Мысль объ операціи, которую онъ
,,долженъ выдержать, не дастъ ему покоя
,,во всю ночь. Извѣстіе о разрушеніи Ки-
,,тая, конечно, внушитъ ему многія печаль-
,,ныя размышленія о непостоянствѣ человѣ-
,,ческой жизни, о суетности всѣхъ трудовъ,
,,которымъ мы предаемся, и которые мо-
,,гутъ быть уничтожены въ одно мгновеніе;
,,извѣстіе сіе, можетъ быть, заставитъ его
,,дѣлать нѣкоторыя догадки о причинахъ се-
,,го несчастія, и о слѣдствіяхъ, могущихъ
,,произойти изъ него въ политическомъ и
,,гражданскомъ отношеніи: но вскорѣ онъ

„займется дѣлами своими съ такою же не„принужденностію, съ такимъ же спокой„ствіемъ, какъ будто бы сего плачевнаго „приключенія не бывало; онъ будетъ во всю „ночь наслаждаться глубокимъ и мирнымъ „сномъ, не взирая на погибель ста милліо„новъ подобныхъ ему человѣковъ. Эгоизмъ „не можетъ быть причиною таковаго хлад„нокровія; ибо человѣкъ, менѣе всѣхъ ода„ренный чувствительностію, разсудитъ, что „потеря одного пальца ничего не значитъ, „ежели симъ пожертвованіемъ можно предот„вратить страшное бѣдствіе." Изложенное предъ симъ ученіе о *соприкосновеніи* приводитъ въ семъ случаѣ къ удовлетворительному изъясненію; и все выше сказанное легко послужить можетъ къ назначенію обстоятельствъ, при которыхъ чувствованія сердца раждаются и укрѣпляются. Къ обстоятельствамъ перваго рода отнести можно все то, что живо и ясно напечатлѣваетъ предметъ, представляя его во всѣхъ видахъ, и часто направляя къ нему мысли, такъ что постепенно сообщаетъ ему непреодолимую надъ нами власть; все то, что служитъ къ возбужденію и поддержанію жи-

ваго въ предметъ участія; иначе, все то, что производитъ совершенное познаніе, частыя умственныя наслажденія, и размышленія, сильно трогающія сердце. Ежели употребимъ сіи средства въ опредѣленномъ степени; то можемъ надѣяться, что онѣ будутъ болѣе или менѣе сильны, смотря по тому, что внутренніи качества предмета откроютъ болѣе или менѣе обширное поприще для своего дѣйствованія. Какъ же представить себѣ, что сіи средства останутся совершенно безполезными, когда предметомъ ихъ будетъ нашъ Искупитель? Естьли начала любви, благодарности, радости, надежды и довѣренности не истреблены совершенно въ нашихъ сердцахъ; то онѣ не могутъ не быть сильно возбуждаемы различными, имъ соотвѣтственными, предметами, постепенно представляющимися намъ при святомъ размышленіи о нашемъ Искупителѣ. Въ семъ случаѣ весьма хорошо могутъ быть обращены къ Христіанамъ слѣдующія слова Апостола: *Не видѣвъ* Его, *вы любите, и доселѣ не видя* Его, *но вѣруя въ Него, радуетесь радостію неизреченною и преславною.* (1 Петр. 1, 8.)

Здѣсь представляются еще новыя размышленія къ ослабленію той мысли, что невозможно любить существо невидимое. Божественный Спаситель нашъ, по собственнымъ словамъ Его, не далекъ отъ насъ; и различныя отношенія, связывающія насъ съ Нимъ, кажется, открыты намъ съ тою цѣлію, чтобы доставлять столько же различныхъ случаевъ къ поддержанію всегдашняго съ Нимъ союза. Онъ не явился намъ въ ослѣпляющемъ блескѣ, но унизилъ Себя, сколько нужно было, для обращенія съ слабыми смертными. Нельзя предполагать, чтобы Онъ и нынѣ не принималъ участія въ дѣлахъ нашихъ; ибо Онъ *не такой первосвященникъ, который не можетъ страдать съ нами въ немощахъ нашихъ, но который подобно* намъ *испыталъ все, кромѣ грѣха.* (Евр. 4, 15.) Образы, въ которыхъ Онъ представляется намъ, подаютъ понятіе о живѣйшей Его любви. *Аки пастырь упасетъ паству свою, и мышцею своею соберетъ агнцы, и имущія во утробѣ утѣшитъ. Не взалчутъ, ниже вжаждутъ, ниже поразитъ ихъ зной, ниже солнце, но милуяй ихъ утѣшитъ ихъ, и сквозѣ источники водныя проведетъ*

ихъ. (Иса. 40, 11. 49, 10.) Въ одной изъ послѣднихъ утѣшительныхъ бесѣдъ своихъ съ учениками, Онъ говоритъ имъ: *Не оставлю васъ сиротами; пріиду къ вамъ.* (Іоан. 14, 18.) Правда, что дѣти Христовы лишены здѣсь Его лицезрѣнія; но онѣ не лишены ни Его нѣжной любви, ни Его отеческихъ попеченій. Ожидая, пока дано имъ будетъ съ Нимъ соединиться, онѣ, съ благоговѣніемъ къ Нему, должны утѣшаться предчувствованіемъ того блаженнаго дня, въ который Онъ, уготовавъ имъ мѣсто, придетъ опять, и возметъ ихъ къ Себѣ. (Іоан. 14, 3.) Тогда они допущены будутъ къ непосредственному Его лицезрѣнію: ибо *теперь мы видимъ, какъ сквозь* тусклое *стекло, гадательно, тогда же лицемъ къ лицу; теперь знаю я отчасти, тогда же познаю, подобно какъ я познанъ.* (1 Кор. 13, 12.)

И такъ нѣтъ сомнѣнія, что мы, съ полною надеждою успѣха, можемъ предпринимать дѣло, состоящее въ томъ, чтобы дать всю силу и всю дѣятельность чувствованіямъ нашего сердца, въ отношеніи къ Божественному Спасителю нашему. Сверхъ то-

го, мы имѣемъ побужденіе къ надеждѣ таковаго успѣха еще гораздо сильнѣйшее: ибо надежда Христіанина въ семъ, равно какъ и во всякомъ другомъ случаѣ, основывается не на умозрѣніяхъ или однѣхъ только силахъ человѣка, но на свидѣтельствѣ Неложнаго и ходатайствѣ Всемогущаго. Священное Писаніе научаетъ насъ, что одно изъ главныхъ дѣйствій Святаго Духа состоитъ въ томъ, чтобы напечатлѣвать сіи чувствованія въ сердцѣ человѣка, и споспѣшествовать ихъ возрастанію. Оно заставляетъ насъ вѣрить, что помощь Божія подастъ крѣпость и успѣхъ тщательнымъ усиліямъ нашимъ, ежели мы станемъ прибѣгать къ Нему въ пламенныхъ молитвахъ, и съ глубокою покорностію предадимъ себя Божественной благодати.

Чтобы еще болѣе удостовѣриться въ сей истинѣ, обратимъ взоры наши на тѣхъ благочестивыхъ мужей, которые не ограничивались однимъ принятіемъ Христіанскаго имени, но питались истинною сущностію Христіанства, и чувствовали могущественное вліяніе онаго; которые, хотя нерѣдко

проникаемы были стыдомъ при видѣ безчисленныхъ несовершенствъ своихъ, но испытали на самомъ дѣлѣ всю сладость твердой надежды Христіанства, его высокую радость, его непоколебимое упованіе, его утѣшенія болѣе нежели человѣческія. Любовь къ Искупителю воспламеняла ихъ души: сія любовь происходила изъ твердой увѣренности въ достоинствѣ своего предмета, возвышалась постояннымъ чувствованіемъ безпрерывныхъ и безмѣрныхъ благодѣяній, обнаруживалась дѣлами совершеннаго повиновенія или услаждаемаго преданностію страданія. Такова была Религія святыхъ Мучениковъ. Читайте ихъ жизнеописанія; и вы найдете, что ихъ мысли и чувствованія были сильно упражняемы во всегдашнемъ размышленіи о Божественномъ Спасителѣ нашемъ. Такимъ то образомъ употребляли они *средства*, даруемыя имъ Божественною благодатію. Тщетно возставали на нихъ гоненіе и несчастіе, униженіе и презрѣніе; всѣ сіи бѣдствія доставляли ихъ чувствованіямъ *болѣе непосредственное соприкосновеніе* съ ихъ предметомъ; ихъ любовь не только не уменьшалась въ то время, но еще напротивъ бо-

лѣе возрастала и пылала новымъ жаромъ; наконецъ, когда они ведомы были на жестокую и поносную казнь, то, вмѣсто роптанія на свою участь, радовались, что удостоились пострадать за имя Христово.—Читайте священныя книги Апостоловъ, и вы найдете, что они постоянно намъ внушали, и даже предписывали любовь къ Іисусу Христу; вы найдете, что они сами были очевидными примѣрами превосходныхъ правилъ своихъ, что они всѣ чистыя чувствованія своего сердца обращали къ Спасителю, что Его дѣла и страданія были непрерывнымъ предметомъ ихъ благоговѣйнаго воспоминанія и искренней благодарности.

XI.

О РАЗНОСТИ НАГРАДЪ И НАКАЗАНІЙ ВЪ БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ.

Естьли бы человѣкъ, имѣя неомраченное око души, могъ безпрепятственно возвышаться въ созерцаніи величія и святости своего верховнаго Законодателя; то ненужно было бы напоминать ему о слѣдствіяхъ жизни сообразной или несообразной съ закономъ Божественнымъ. Живо ощущая святость сего закона, и питая пламенную любовь къ Богу, онъ заключалъ бы въ самомъ себѣ чистый источникъ истинной добродѣтели. Но сей высоты совершенства онъ не иначе можетъ достигать въ состояніи своего поврежденія, какъ постепенно, и дотолѣ не можетъ достигнуть онаго, доколѣ законъ грѣховный, сущій во удахъ его, не будетъ совершенно изглажденъ, и доколѣ сердце его не будетъ очищено отъ всякаго самолюбія. А посему всѣ нравоучители, которые хотѣли изъ круга нравственности человѣческой изключить побужденія, заим-

ствуемыя отъ представленія наградъ и наказаній, показали явное незнаніе бѣдственнаго состоянія падшаго рода человѣческаго. Всѣ они поступили подобно такому врачу, который, не исцѣливъ разслабленнаго, предписалъ бы ему ходить безъ помощи другихъ.— Благія дѣйствія, совершаемыя единственно изъ чаянія наградъ и страха наказаній, конечно, не могутъ почесться истинно святыми: но онѣ имѣютъ свою цѣну потому, что человѣкъ чрезъ упражненіе въ оныхъ погашаетъ въ себѣ склонность къ злу, утверждается во благѣ, и пріобрѣтаетъ навыкъ дѣйствовать для славы Божіей. И Самъ Богъ не напрасно снисходитъ къ немощи человѣковъ, многократно повторяя въ Словѣ своемъ обѣтованія наградъ добродѣтельнымъ, и угрозы наказаній нечестивымъ. Посему размышлять о непреложности Божественныхъ обѣтованій, изреченныхъ праведникамъ, и неизбѣжности наказаній, предопредѣленныхъ для людей преступныхъ, и посредствомъ сего размышленія возбуждать и питать въ себѣ чувство благочестія, не только не предосудительно для Христіанина, но и весьма полезно, а нерѣдко и необходимо.

Но дабы сie размышленie имѣло надлежащее дѣйствie на сердца наши, оно должно быть соединено съ увѣренностiю въ томъ, что будущее воздаянie добродѣтели будетъ совершенно соотвѣтствовать свойству жизни каждаго благочестиваго человѣка, и что тяжесть будущихъ наказанiй будетъ соразмѣрна съ тяжестiю преступленiй. Безъ сей увѣренности человѣческое сердце, столь неспособное къ безкорыстнымъ чувствованiямъ, нѣкоторые труднѣйшiе подвиги благочестiя почтетъ безполезными, и удовольствуется совершенiемъ немногихъ легчайшихъ. Безъ сей увѣренности развратнѣйшiй изъ людей можетъ помыслить, что будущiя наказанiя, которымъ онъ подвергнется, будутъ не весьма тяжки, поколику будутъ равны наказанiямъ людей гораздо менѣе его виновныхъ; и потому не только не возчувствуетъ спасительнаго страха отъ помышленiя о вѣчности, но и найдетъ въ ономъ нѣкоторое ободренiе своей склонности къ преступленiямъ. Безъ сей увѣренности мы не можемъ имѣть правильнаго понятiя о правосудiи Того, который не иначе награждаетъ добродѣтель и наказываетъ порокъ,

какъ сообразно съ своею премудростію, всегда точнымъ образомъ соразмѣряющею послѣдствія съ ихъ началами. И такъ, чтобы мысль о будущихъ наградахъ и наказаніяхъ служила для насъ сильнѣйшимъ побужденіемъ къ благочестію, обратимъ наше вниманіе на ту истину, что вѣчныя послѣдствія нашихъ дѣйствій будутъ въ точности соотвѣтствовать образу настоящаго нашего поведенія, и что будутъ различные степени какъ въ блаженствѣ праведныхъ, такъ и въ злополучіи грѣшныхъ.

По началамъ здраваго смысла мы признаемъ за неоспоримую истину, что виновникъ нравственнаго закона есть Богъ, что сей законъ не напрасно положенъ въ сердца наши, что исполненіе или нарушеніе его должно имѣть послѣдствія благодѣтельныя или вредныя, и что сіи послѣдствія не ограничатся настоящею жизнію, но прострутся на самую вѣчность. Но сколь безчисленны, и сколь отличны одно отъ другаго по своей важности, дѣйствія сообразныя или несообразныя съ закономъ нравственнымъ! Сколь различны обстоятельства, цѣли и на-

мѣренія, которыми человѣкъ располагается къ добродѣтели, или пороку! Сколько добрыхъ дѣйствій, совершаемыхъ не по чистой ревности дѣлать добро, но изъ побужденій чувственныхъ и земныхъ! Сколько преступленій, содѣланныхъ по невѣдѣнію и даже съ намѣреніемъ сдѣлать добро! Естьли же Виновникъ нравственнаго закона есть Существо, испытующее своимъ всевѣдѣніемъ не только свойство нашихъ дѣйствій, но и свойство нашихъ чувствованій, намѣреній и мыслей; ежели Онъ взвѣшиваетъ оныя на вѣсахъ своего правосудія; естьли Онъ можетъ съ каждымъ добрымъ и съ каждымъ злымъ дѣйствіемъ соединить соотвѣтствующія онымъ послѣдствія: то нельзя думать, что состояніе всѣхъ добродѣтельныхъ въ будущей жизни будетъ одинаково, и что всѣ порочные подвергнутся равнымъ наказаніямъ.

Таковое сужденія здраваго ума о разности будущихъ наградъ и наказаній подтверждаетъ и опытъ каждаго. Внутренній судія нашихъ дѣйствій, совѣсть не всегда одинаковыя изрекаетъ намъ утѣшенія, когда мы находимся на пути добродѣтели, и не оди-

наковыя укоризны, когда мы предаемся влеченію порока. Совершивъ дѣйствіе благое, но не трудное, или имѣющее немногія благотворныя слѣдствія, мы ощущаемъ нѣкоторое удовольствіе; но естьли мы преодолѣли великія препятствія въ совершеніи какого либо подвига, имѣющаго весьма многія благотворныя слѣдствія: то сердца наши исполняются живѣйшею радостію. Кто избавилъ отъ смерти или отъ великихъ бѣдствій цѣлыя семейства: тотъ безъ сомнѣнія болѣе ощущаетъ веселія, нежели тотъ, кто спасъ жизнь одного человѣка,—такъ какъ спасшій жизнь человѣка услаждается въ своей совѣсти болѣе того, кто облегчилъ токмо нужду ближняго. Тоже должно сказать и объ угрызеніяхъ совѣсти. Когда она не бываетъ заглушена навыкомъ къ преступленіямъ, терзанія ея всегда соотвѣтствуютъ важности злодѣянія. Естьли же за предѣлами сей жизни гласъ совѣсти не только не умолкнетъ, но сдѣлается внятнѣе и живѣе: то слѣдуетъ, что по смерти состояніе добродѣтельныхъ не будетъ одинаково, также какъ не будетъ одинаково состояніе людей преступныхъ.

Священное Писаніе разливаетъ еще болѣе свѣта на предметъ, нами разсматриваемый, и совершенно утверждаетъ насъ въ той мысли, что въ вѣчныхъ наградахъ и наказаніяхъ будутъ различные степени.

Іисусъ Христосъ, обличая нечестивые грады, не вразумившіеся силою Его ученія и чудесъ, сказалъ, что Тиру и Сидону отраднѣе будетъ въ день судный, нежели Хоразину и Виѳсаидѣ. (Матѳ. 11, 22.) Подобнымъ образомъ, когда Онъ посылалъ учениковъ своихъ на проповѣдь, то извѣстилъ ихъ, что градъ, который ихъ не приметъ, подвергнется тягчайшему наказанію, нежели Содомъ и Гоморръ. (10, 15.) Такимъ образомъ мѣрою упорства людей и мѣрою ихъ нерадѣнія о долготерпѣніи Божіемъ, ожидающемъ ихъ исправленія, будетъ опредѣляться мѣра ихъ наказаній.

Обличая лицемѣріе и внутреннее безобразіе Фарисеевъ, Іисусъ Христосъ угрожаетъ имъ особеннымъ наказаніемъ: *Горе вамъ, книжницы и Фарисее лицемѣри, яко снѣдаете домы вдовицъ, и виною далече молитвы*

творяще: сего ради лишшее пріимете осужденіе. (Матѳ. 23, 14.) Естьли по словамъ Господа Фарисеи пріимутъ большее осужденіе: то само собою ясно, что грѣшники неподобные Фарисеямъ подвергнутся наказанію меньшему.

Тотъ же Божественный Учитель побуждаетъ насъ къ духовному бодрствованію и тщательному соблюденію воли своей тѣмъ, что *рабъ, вѣдѣвый волю господина своего, и не уготовавъ, ни сотворивъ по воли его, біенъ будетъ много. Невѣдѣвый же, сотворивъ же достойная ранамъ, біенъ будетъ мало.* (Лук. 12, 47.) Такимъ образомъ иное наказаніе будетъ терпѣть преступающій волю Божію, имѣя о ней познаніе, иное нарушающій сію волю по невѣдѣнію о ней.

Весьма ясно также о разности наказаній, которыя заслуживаютъ Іудеи и язычники, говоритъ Апостолъ Павелъ: *Скорбь и тѣснота на всяку душу человѣка творящаго злое, Іудеа же прежде и Еллина. . . . Елицы бо беззаконно согрѣшиша, беззаконно и погибнутъ: и елицы въ законѣ согрѣшиша,*

закономъ судъ пріимутъ. (Рим. 2, 9. 12.) Іудей, отвергающій средства спасенія, виновенъ болѣе язычника, которому неизвѣстенъ законъ Откровенія; а посему большее въ сравненіи съ нимъ заслуживаетъ и наказаніе.

Наконецъ можно усматривать разность будущихъ наказаній и изъ различныхъ выраженій Св. Писанія, которыми оно означаетъ свойство сихъ наказаній. Такъ оно упоминаетъ о *огнѣ неугасимомъ,* (Мар. 9, 44.) о *червѣ неумирающемъ,* (Мар. 9, 44.) и о *тмѣ кромѣшней.* (Матѳ. 25, 30.) Невѣроятно, чтобы сіи выраженія означали одно и тоже состояніе осужденныхъ. Св. Василій Великій не иное что разумѣетъ подъ оными, какъ различные роды наказаній. „Ежели „Богъ, говоритъ онъ, есть правосудный су„дія, который не только добрымъ, но и „злымъ воздаетъ каждому по дѣламъ его: „то одинъ будетъ достоинъ огня неугаси„маго, который впрочемъ будетъ болѣе или „менѣе силенъ, другой червя неумирающаго, „который также или болѣе или менѣе бу„детъ мучителенъ и проч. *).“

*) Regul. brev. inter. 267.

Изъ того, что Св. Писаніе открываетъ намъ о будущемъ состояніи грѣшныхъ, само собою открывается, что будутъ нѣкоторые степени и въ блаженномъ состояніи праведныхъ. Ибо ежели состояніе грѣшныхъ будетъ совершенно соотвѣтствовать различнымъ причинамъ ихъ наказаній, то есть, различнымъ ихъ преступленіямъ: то слѣдуетъ, что награды, назначенныя праведнымъ, не будутъ одинаковы; поелику награды сіи будутъ слѣдствія ихъ добродѣтельной жизни, которую составляютъ различные подвиги благочестія. Столь естественное заключеніе подтверждается ясными свидѣтельствами Слова Божія.

Іисусъ Христосъ, подкрѣпляя надежду вѣрующихъ въ Него обѣтованіемъ наградъ, предопредѣленныхъ для нихъ въ будущей жизни, извѣщаетъ ихъ, что *въ дому Отца Его обители многи суть.* (Іоан. 14, 2.) Весьма вѣроятно, что въ сихъ обителяхъ Божіихъ сіяетъ въ различныхъ степеняхъ свѣтъ славы Божественной; ибо въ жилищахъ сихъ не только будутъ обитать святые люди, но въ нихъ обитаютъ Ангелы и Самъ Іисусъ

Христосъ. Но можно ли приписывать одинаковый степень славы святымъ людямъ, Ангеламъ и Самому Іисусу Христу?

Тотъ же Божественный Учитель о состояніи блаженныхъ по воскресеніи говоритъ, что они будутъ подобны Ангеламъ. (Матѳ. 22, 30.) Хотя цѣль, для которой Іисусъ Христосъ употребилъ сіе подобіе, есть та, чтобы показать, что по воскресеніи не женятся, ни посягаютъ: впрочемъ сими словами Онъ вмѣстѣ изъясняетъ причину, по которой послѣ воскресенія не будетъ брака. Причина сія состоитъ въ томъ, что состояніе воскресшихъ будетъ подобно состоянію Ангеловъ, поколику первые получатъ возвышеннѣйшія качества тѣла и души, подобныя качествамъ Ангеловъ. Но несомнѣнно, что въ состояніи Ангеловъ находятся нѣкоторые степени, какъ то должно заключать изъ упоминаемыхъ въ Писаніи именъ Архангела, (Іуд. 9.) Херувимовъ и Серафимовъ. (Иса. 6, 2. 6.) Слѣдственно будутъ нѣкоторые степени и въ состояніи святыхъ блаженныхъ людей.

Апостоль Павелъ разрѣшаетъ недоумѣніе: какъ и въ какомъ тѣлѣ воскреснутъ мертвые? слѣдующимъ образомъ: *Не всяка плоть таже плоть: но ина убо плоть человѣкомъ, ина же плоть скотомъ, ина же рыбамъ, ина же птицамъ. И тѣлеса небесная, и тѣлеса земная: но ина убо небеснымъ слава, и ина земнымъ. Ина слава солнцу, и ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ: звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ. Такожде и воскресеніе мертвыхъ* и проч. (1 Кор. 15, 39—41.) Симъ сравненіемъ не только выражается та мысль, что воскресшія тѣла не будутъ подобны тѣламъ тлѣннымъ, но и та, что онѣ будутъ имѣть между собою различіе по степенямъ славы. Ибо естьли бы въ сихъ словахъ заключалась одна первая мысль, то слова: *ина слава солнцу, ина лунѣ, ина звѣздамъ, звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ*, были бы совершенно излишни.

Тотъ же Апостолъ о служителяхъ Церкви говоритъ, что *каждый* изъ нихъ *пріиметъ мзду по своему труду*. (1 Кор. 3, 8.) Безъ сомнѣнія Апостолъ разумѣлъ здѣсь

не столько временную, сколько вѣчную награду. Ибо онъ говоритъ въ семъ мѣстѣ о такихъ служителяхъ Церкви, къ которымъ относится и самъ онъ. Естьли же Пастыри Церкви разнствуютъ между собою по своимъ трудамъ, совершаемымъ для славы Божіей: то и воздаяніе сихъ трудовъ не будетъ одинаково.

Тѣ, которые не хотятъ признать истиннымъ мнѣнія о степеняхъ въ блаженствѣ праведныхъ, въ опроверженіе онаго представляютъ нѣкоторыя мѣста Писанія, которыя впрочемъ въ самой вещи не противорѣчатъ оному. Мѣста сіи суть слѣдующія:

Іисусъ Христосъ притчею о дѣлателяхъ, трудившихся въ виноградѣ, по видимому показываетъ, что всѣ, подвизающіеся для славы Божіей, получатъ одинаковую награду. (Матѳ. 20, 1—16.) Но для разумѣнія истиннаго смысла сей притчи надобно имѣть въ виду цѣль, для которой Спаситель произнесъ оную. Случай былъ таковъ: Іисусъ Христосъ совѣтовалъ одному юношѣ, желавшему обрѣсти путь къ животу вѣчному, продать все имѣ-

ніе свое, и деньги раздать нищимъ. Сей отрекся исполнить условіе, показавшееся ему слишкомъ тяжкимъ. Петръ, которому сей случай привелъ на память оставленіе всего для Іисуса Христа, сдѣланное имъ и прочими Апостолами, имѣлъ неосторожность предложить своему Учителю вопросъ о будущей наградѣ за таковое ихъ пожертвованіе. Іисусъ Христосъ, который до времени щадилъ слабость вѣры и недостатокъ чистой любви въ своихъ ученикахъ, обѣщалъ имъ по сему случаю самыя величественныя награды. Петръ успокоился. Но могъ ли быть доволенъ таковымъ образомъ мыслей учениковъ своихъ Господь, который хотѣлъ, чтобъ они исполняли высокую должность вселенскихъ учителей единственно изъ любви къ Богу и ближнему? Посему Онъ непосредственно за обѣщаніемъ награды предложилъ имъ притчу, нами разсматриваемую.—Такимъ образомъ смыслъ ея, по соображенію съ обстоятельствами, въ коихъ, и цѣлію, для которой она произнесена, долженъ быть слѣдующій: Кто работалъ Господу не изъ платы земныхъ и небесныхъ благословеній, но изъ чистой любви, тотъ, хотя бы трудился и не

много, въ очахъ небеснаго Домовладыки достоинъ большей награды, нежели тотъ, кто трудился много, но единственно изъ желанія быть награжденнымъ.

Апостолъ Павелъ сказываетъ, что въ будущемъ вѣкѣ *Богъ будетъ всяческая во всѣхъ:* (1 Кор. 15, 28.) изъ чего выводятъ, что всѣ праведные будутъ въ равномъ отношеніи къ Богу, а потому равно блаженны. Но сіе заключеніе несправедливо. Ибо и въ настоящей жизни, по словамъ тогоже Апостола, Богъ дѣйствуетъ *всяческая во всѣхъ;* (1 Кор. 12, 6.) но Онъ дѣйствуетъ во всѣхъ не въ равномъ степени. Посему нельзя отвергать возможности разныхъ степеней отношенія къ Богу избранныхъ Его и въ жизни будущей.

Іисусъ Христосъ будущую славу всѣхъ блаженныхъ уподобляетъ сіянію солнца, (Матѳ. 13, 43.) но не говоритъ, что слава одного блаженства будетъ болѣе славы другаго.— Но помянутыя слова Іисуса Христа выражаютъ просто величіе той славы, которую получатъ всѣ вообще блаженные. Такъ и

Апостолъ, говоря о высокомъ достоинствѣ вѣрныхъ Филиппійцевъ, называетъ ихъ *свѣтилами, сіяющими въ мірѣ*, но тѣмъ безъ сомнѣнія не подаетъ той мысли, что свѣтила сіи сіяютъ равнымъ свѣтомъ. (Филип. 2, 15.)

Такимъ образомъ мѣста Писанія, приводимыя въ опровержение мнѣнія о разности будущихъ наградъ, въ самой вещи не опровергаютъ онаго. Говорятъ еще, что въ дѣлахъ людей благочестивыхъ не заключаются причины ихъ наградъ; ибо праведные получаютъ оправданіе и спасеніе не за свои дѣла, но по благодати. Что право на блаженство человѣкъ пріобрѣтаетъ не посредствомъ своихъ собственныхъ усилій, но по благодати Божіей, дѣйствующей въ немъ,—сіе совершенно справедливо: тѣмъ не менѣе однакожъ извѣстно, что благодать, дѣйствующая въ человѣкѣ, имѣетъ плодомъ своимъ святыя дѣйствія, которыя вмѣняются человѣку какъ бы въ заслугу по тому самому, что онъ не противится дѣйствующей въ немъ благодати, и слѣдуетъ ея внушенію. Такимъ образомъ въ дѣлахъ благочестія, поколику онѣ

сутъ плодъ благодати, столько же заключается причина блаженства праведныхъ, сколько въ дѣлахъ нечестія заключается причина наказаній грѣшныхъ. Поелику же не всѣ святые одинаковымъ образомъ слѣдуютъ внушенію благодати, и потому не одинаковыя производятъ дѣйствія: то безъ сомнѣнія награды, какъ слѣдствія сихъ дѣйствій, будутъ не одинаковы.

Судя по сему, нельзя имѣть основательнаго сомнѣнія въ томъ, что будутъ различные степени, какъ между вѣчными наградами, такъ и между вѣчными наказаніями. Но чѣмъ именно будутъ отличаться одни отъ другихъ степени славы блаженныхъ, и въ чемъ будетъ состоять различіе наказаній, которымъ подвергнутся грѣшники, сіе,—при молчаніи Св. Писанія и при слабости нашего разума, которая открывается особенно тогда, когда онъ гадаетъ о будущемъ состояніи человѣка за гробомъ,—опредѣлить съ точностію невозможно. Касательно будущихъ наказаній вѣроятно, что различные виды оныхъ подобны будутъ тѣмъ предметамъ, которые означаются въ Писаніи именами

огня неугасимаго, тмы кромѣшней, червя неумирающаго. Что касается до состоянія блаженныхъ, то съ вѣроятностію можно полагать, что различіе степеней ихъ блаженства будетъ зависѣть отъ различія ихъ способностей созерцать славу Божества; ибо несомнѣнно, что они будутъ почерпать свѣтъ свой отъ созерцанія источника свѣта, и слѣдственно слава ихъ будетъ отблескъ славы Божіей.

Впрочемъ каковы бы ни были виды вѣчныхъ наградъ, предопредѣленныхъ для избранныхъ Божіихъ, и вѣчныхъ наказаній, назначенныхъ для нарушителей закона Божественнаго, несомнѣнно то, что между состояніемъ тѣхъ и другихъ будетъ находиться безконечное разстояніе, и что блаженство всѣхъ праведныхъ будетъ высочайшее и совершеннѣйшее, поколику всѣ они, по увѣренію Писанія, будутъ изъяты отъ всякой скорби, (Апок. 21, 3. 4.) всѣ получатъ высокія качества сыновъ свѣта, (Матѳ. 13, 43.) всѣ будутъ имѣть ближайшее общеніе съ Богомъ. (Іоан. 17, 24.) О состояніи же осужденныхъ на вѣчную смерть Писаніе ска-

зываетъ, что всѣ они будутъ удалены на безмѣрное разстояніе отъ средоточія радости и жизни, (Апок. 21, 27. 20, 15.) что всѣ они будутъ осуждены на вѣчное мученіе, (Матѳ. 25, 46.) и что потому всѣ они не будутъ имѣть никакой надежды избавленія отъ тѣхъ бѣдствій, которымъ они подвергнутся.

И такъ о чемъ болѣе должны мы пещись на пути къ вѣчности, какъ не о томъ, чтобы наша жизнь была сообразна нашему высокому назначенію? Ибо *не положи насъ Богъ въ гнѣвъ, но въ полученіе спасенія Господемъ нашимъ Іисусъ-Христомъ.* (1 Сол. 5, 9.)

А. Л.

XII.

УТѢШИТЕЛЬНОЕ УЧАСТІЕ ІИСУСА ХРИСТА

ВЪ СКОРБЯХЪ РАЗЛУКИ СЪ ДРУЗЬЯМИ И ЛЮБЕЗНЫМИ.

Только три воскресенія умершихъ представлены намъ въ Исторіи жизни Іисуса Христа; но и сіи воскресенія въ разительнѣйшемъ свѣтѣ показываютъ чувствительное сердце нашего Господа. Онъ возвратилъ единородную двенадцатилѣтнюю дочь живою въ руки ея неутѣшныхъ родителей. (Лук. 8, 41—56.) Удрученной скорбію вдовѣ возвратилъ Онъ единороднаго ея сына, единственную подпору и радость ея земныхъ дней, возставивъ его отъ гроба всемогущимъ словомъ своимъ: *Юноше, тебѣ глаголю, востани!* (Лук. 7, 11—16.) И не задолго предъ своею собственною смертію воззвалъ Онъ изъ гроба особенно любимаго Имъ брата двухъ другинь своихъ, Мареы и Маріи, словомъ: *Лазаре, гряди вонъ!* (Іоан. 11, 43.) Сіи представленные намъ опыты высшей Его силы произвелъ Онъ для того, чтобы осу-

тить слезы горестнѣйшей и чувствительнѣйшей скорби при разлукѣ.

1. Сіи слезы любви обратили на себя все вниманіе Іисуса Христа: онѣ тронули Его внутренность. Онъ *сжалился* надъ вдовою, провожавшею къ могилѣ гробъ своего единороднаго сына. *Видѣвъ ю Господь, милосердова о ней.* И сколь глубоко тронутъ былъ Онъ при могилѣ друга своего Лазаря слезами сестры его Маріи! Чувство сострадательнаго и дѣятельнаго дружества извлекло слезы изъ очей самаго великодушнѣйшаго и величайшаго изъ человѣковъ. *Прослезися Іисусъ*, говоритъ Исторія. (Іоан. 11, 34.)

По истинѣ, слезы, которыми любовь и дружество оплакиваютъ любезныхъ, суть нѣчто благородное; суть израженіе чувствованій, которыхъ глубины изслѣдовать, силы описать невозможно. Сіи слезы говорятъ намъ, что наши друзья и любезные суть блага неоцѣненныя, которыхъ мы и на всѣ сокровища, и на все земное счастіе не промѣняли бы;—сіи слезы говорятъ намъ, что связь съ родными есть не одно общеп

ніе внѣшней жизни, не одно дѣло привычки; но нѣчто такое, что глубоко проницаетъ все наше внутреннее существо и жизнь. Посему-то слезы скорбной разлуки были столь важны для Іисуса Христа; посему-то Онъ столь сильно и столь глубоко чувствовалъ то, что ощущаетъ сердце отца, матери, сестры, друга при потерѣ любезныхъ имъ; посему-то Онъ съ такимъ состраданіемъ взиралъ на вдову, провожавшую къ могилѣ сына своего,—на гробъ, заключавшій въ себѣ бездыханное тѣло юноши. (Лук. 7, 13.)

Но можно еще и съ другой точки зрѣнія взирать на участіе Іисуса Христа въ скорбяхъ разлуки. Онъ, какъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, такъ и въ выраженіи сихъ благородныхъ, толико свойственныхъ человѣчеству, чувствованій, представляется какъ Сынъ Божій, какъ Образъ своего небеснаго Отца. И при таковомъ-то воззрѣніи на участіе Іисуса Христа въ скорбяхъ разлуки, родится въ насъ мысль, что Самъ Богъ съ благоволеніемъ и милосердіемъ взираетъ на слезы, извлекаемыя скорбію разлуки изъ глазъ дѣтей Его. Сіи слезы и въ

Его очахъ имѣютъ высокую цѣну и важное значеніе. Въ сихъ слезахъ Богъ познаетъ изліянія сердца, въ которомъ Самъ Онъ насадилъ священныя чувствованія любви и дружества. Онъ въ плачущихъ познаетъ существа, сотворенныя Имъ по образу любви своей. Такъ, слезящееся око въ скорби разлуки возносится къ Отцу любви; оно не находитъ на землѣ никакого прибѣжища, которое могло бы принять его слезы; оно ищетъ сего прибѣжища въ высшемъ мірѣ, ищетъ у Бога. Изливаться въ лоно небеснаго Отца, есть необходимая потребность для сердца, угнетаемаго скорбію разлуки. Къ Богу и къ небесамъ влечетъ также и непреодолимое стремленіе къ тому, кого лишились, стремленіе выражающееся въ слезахъ любви: только у Бога можно искать всего любезнѣйшаго и дражайшаго, чего на землѣ болѣе нѣтъ!

И сколь благодѣтельна для уязвленнаго сердца, сколь утѣшительна для страждущаго духа мысль: Богъ любви, который Самъ соединилъ меня съ моими кровными нѣжнѣйшимъ и священнѣйшимъ союзомъ, который

Самъ сдѣлалъ родныхъ моихъ столь драгоцѣнными, столь любезными для моего сердца, изчисляетъ слезы, которыми я оплакиваю ихъ потерю! Его отеческое сердце принимаетъ участіе въ моихъ скорбяхъ. И Іисусъ Христосъ, который Самъ здѣсь на землѣ съ плачущими плакалъ, который Самъ чувствовалъ всю горесть скорби при потерѣ любезныхъ, взираетъ и теперь еще сострадательнымъ окомъ съ небесъ на мои слезы, которыя исторгаетъ изъ моего сердца потеря того, что я имѣлъ на сей землѣ любезнѣйшаго и дражайшаго.

2. Но участіе Іисуса Христа въ скорбяхъ разлуки было также участіе дѣятельное, такое участіе, которое слезы горестнѣйшей скорби превращало въ слезы неописанной радости. Іисусъ Христосъ утѣшаетъ пораженную скорбію вдову Наинскую не только тѣмъ, что изъявляетъ ей свое сердечное участіе въ ея скорби, не только словомъ: *не плачи*; но Онъ спѣшитъ ко гробу, повелѣваетъ остановить его, и воззываетъ къ жизни хладное тѣло единороднаго ея сына.—Іисусъ Христосъ не только утѣ-

шаетъ и ободряетъ душу поверженнаго въ печаль Іаира; (*Лук.* 8, 50.) но Онъ пробирается сквозь толпу народа, дабы войти въ домъ его; беретъ бездыханную дочь за руку, и представляетъ ее живою предъ очи ея родителей. Онъ не только плачетъ съ Маріею (Іоан. 11, 35.) о болѣзненной потерѣ брата ея; Онъ тотчасъ идетъ къ пещерѣ Лазаря, повелѣваетъ отвалить камень отъ отверстія пещеры, громкимъ гласомъ благодаритъ Бога Отца за сверхъестественную силу, которою Онъ можетъ оживить своего друга, разрѣшаетъ его отъ узъ смерти и гроба, и возвращаетъ его сестрамъ его. И Богъ, не только далъ Ему силу для воззванія сихъ троихъ любезныхъ своимъ родственникамъ, но и приводилъ Іисуса Христа въ должное время въ тѣ страны и мѣста, въ которыхъ нѣкій высшій внутренній гласъ усиливалъ стремленіе сердца Его осушать слезы скорбной разлуки. Іисусъ Христосъ возвращался изъ путешествія точно въ то время, въ которое единородная двенадцатилѣтняя дочь была похищена у своихъ родителей. (Лук. 8, 40—42.) Точно въ ту минуту, въ которую выносили гробъ юноши

изъ вратъ города Наина, Іисусъ Христосъ приближился къ вратамъ сего города, дабы предохранить сѣтующую вдову отъ отчаянія, дабы возвратить ей драгоцѣннѣйшее сокровище ея сердца и жизни, прежде нежели оно погружено въ землю.

Таковыхъ чудесъ воскресенія Богъ уже не творитъ предъ нашими глазами; впрочемъ еще и нынѣ нерѣдко прославляетъ Онъ всемогущую любовь свою въ вѣрныхъ супругахъ, родителяхъ, друзьяхъ, и преимущественно въ дѣтяхъ, чудесами избавленія отъ опасностей жизни, отъ болѣзненныхъ припадковъ, въ которыхъ колебалось все человѣческое искусство, и вся надежда человѣческая изчезала. Еще и нынѣ многимъ Божественною чудодѣйственною помощію возвращаются любезные для ихъ сердца. И нынѣ часто бываютъ услышаны молитвы о выздоровленіи, (Іак. 5, 16.) которыя сердца, снѣдаемыя боязливою заботливостію любви, возносятъ къ небесамъ. И нынѣ Богъ возвращаетъ многихъ отъ предѣловъ смерти и гроба къ жизни для утѣшенія и сердечной радости ихъ кровныхъ; и нынѣ возставляетъ

Богъ отъ смертной немощи многихъ, которыхъ земная жизнь драгоцѣнна для ихъ друзей и сродниковъ.

Но хотя бы Богъ и не творилъ таковыхъ чудесъ избавленія отъ смерти; по крайней мѣрѣ Онъ близокъ и въ самомъ чувствованіи жесточайшихъ скорбей разлуки къ сердцамъ тѣхъ, которые приближаются къ Нему. (Іак. 4, 8.) Премилосердый Отецъ, никогда не оставляющій дѣтей своихъ въ часъ скорби, всего менѣе оставляетъ ихъ въ страданіяхъ любви. Даже среди ощущеній величайшаго унынія и сильнѣйшихъ желаній, Онъ возбуждаетъ въ нихъ высокія блаженныя чувствованія. Онъ Самъ возводитъ очи ихъ къ небесамъ отъ гроба имъ любезныхъ. Его сила дѣйственна и въ слабыхъ, (2 Кор. 12, 9.) которыхъ сердце подавляется скорбями разлуки. Гласъ Іисуса Христа взываетъ въ Евангеліи всѣмъ душамъ сѣтующимъ, такъ какъ нѣкогда воззвалъ Онъ вдовѣ Наинской: *не плачите*! Откройте ваше сердце для небесныхъ Божественныхъ утѣшеній, премѣните горькія слезы скорби въ нѣжныя слезы умиленія!

И дѣйствительно Богъ, даровавшій Іисусу Христу силу осушать слезы любви, и Самъ весьма часто осушавшій таковыя слезы чудесами своей помощи и избавленія, никогда не поражаетъ сердецъ дѣтей своихъ скорбями разлуки безъ мудрыхъ и спасительныхъ намѣреній. Правда, Господь и Владыка всея природы могъ бы продлить жизнь взрослыхъ и юныхъ, которыхъ преждевременную потерю должны оплакивать ихъ родственники. Тоже самое Божественное провидѣніе, которое привело Іисуса Христа въ надлежащее время туда, гдѣ печальный отецъ умолялъ о исцѣленіи своей умирающей дочери, (Лук. 8, 42.) которое привело Его къ вратамъ города Наина въ ту минуту, въ которую выносили изъ онаго умершаго юношу,—могло бы подобнымъ образомъ спасти жизнь супруговъ, родителей, дѣтей, друзей, которыхъ оно рано похищаетъ у ихъ сродниковъ: но чѣмъ извѣстнѣе то, что Всемогущій силенъ отвращать скорби разлуки, и Всеблагій не находитъ удовольствія въ уязвленіи сердецъ чадъ своихъ; тѣмъ менѣе мы можемъ сомнѣваться въ томъ, что намѣреніе Божіе въ преждевременномъ похи-

щеніи любезныхъ намъ есть то, чтобы изъ слезныхъ сѣмянъ скорбной разлуки возрастить прекрасную жатву радости и благодарности. И подлинно неизреченна была радость вдовы Наинской при воззрѣніи на воскрешеннаго своего единороднаго сына, радость родителей при оживленіи единородной ихъ дочери, радость сестръ при возвращеніи имъ брата Лазаря; но гораздо больше будетъ радость тѣхъ, которые преждевременною потерею любезныхъ повержены въ глубокую скорбь, когда они со временемъ въ утѣшительномъ высшемъ свѣтѣ познаютъ неислѣдимыя и непостижимыя судьбы Божіи! Велико было удивленіе зрителей при ономъ чудодѣйствіи сострадательной любви Іисуса Христа; (Лук. 7, 16. 8, 56. Іоан. 11, 45.) но мы будемъ въ большемъ и радостнѣйшемъ удивленіи, когда за преждевременныя и неожиданныя расторженія земной связи будемъ удивляться и покланяться неизслѣдимой глубинѣ Божественной любви и мудрости.—Неизреченны были тѣ чувствованія благодарности къ Богу и Іисусу Христу, которыми проникнуто было сердце Іаира и его супруги, вдовы Наинской, и

сестръ Маріи и Маѳы; но еще съ глубочайшимъ чувствіемъ мы будемъ нѣкогда благодарить Бога, когда усмотримъ великій и блаженный плодъ, произрастающій изъ скорбей преждевременной разлуки.

3. Участіе Іисуса Христа въ скорбяхъ разлуки, наконецъ, и потому для насъ утѣшительно, что чрезъ оное оживляется надежда снова увидѣться съ друзьями и любезными. *И даде* (Іисусъ) *его* (юношу) *матери его*, говоритъ Евангеліе. (Лук. 7, 15.) Какая радость была для чувствительнаго сердца Іисуса Христа, возвратить вдовѣ, лишенной послѣдняго утѣшенія, единственную подпору и радость ея жизни! Какое внутреннее удовольствіе ощущалъ Онъ возвращая единородную двенадцатилѣтнюю дочь Іаира въ лоно нѣжныхъ родителей! И что чувствовало Его сердце тогда, когда другъ его Лазарь вышелъ изъ гроба, дабы паки обнять горящихъ любовію къ нему сестръ своихъ Маѳу и Марію!—

Но выше, чистѣе, блаженнѣе всѣхъ радостей земнаго свиданія будетъ радость

возсоединенія въ высшемъ мірѣ. И для Самаго Іисуса Христа будетъ, безъ сомнѣнія, великою радостію возсоединеніе въ небесномъ царствѣ прерванныхъ преждевременною смертію союзовъ любви и дружества; Онъ Самъ въ послѣдніе часы своей жизни, въ которые Онъ также живо ощущалъ скорби разлуки, услаждался надеждою паки сожительствовать съ друзьями своими въ дому Отца Его, (Іоан. 14, 31.) и тамъ праздновать съ ними радостный праздникъ, превосходящій всѣ земные праздники. (Матѳ. 26, 29.) Не исполнитъ ли Онъ и пріятной надежды друзей своихъ, надежды—паки обрѣсти своихъ любезныхъ въ лучшемъ мірѣ? Не пріуготовитъ ли Іисусъ Христосъ своимъ любителямъ радости, столь драгоцѣнной собственному Его сердцу, радости—опять соединиться съ своими друзьями и любезными?—Такъ подлинно,—благородныя слезы скорбной разлуки, сіи слезы, проистекающія изъ неизслѣдимой глубины сердца, не тщетно будутъ литься. Сильное сердечное влеченіе къ тому, кого лишились, влеченіе, обнаруживающееся въ сихъ слезахъ, не можетъ остаться безъ удовлетворенія. Священныя связи,

соединяющія внутренность души и сердца, не могутъ быть навсегда прерваны!

Да освящаемъ всѣ земные союзы любви и дружества благороднымъ, только Богу и добродѣтели посвященнымъ сердцемъ, дабы нѣкогда они еще тѣснѣе содѣлались въ высшемъ отечествѣ дружества.
